

НАУЧНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА

НОМЕР 11 (95) 2022

www.theoreticaleconomy.ru

ЖУРНАЛ «ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА»

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77 - 74611 от 24 декабря 2018 г.

Учредитель журнала:
Ярославский государственный технический университет

Журнал издается с 2011 года, выходит 1 раз в месяц
с 06.06.2017 года включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук

Редакционная коллегия:

Главный редактор

Гордеев В.А. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Майорова М.А. (Ярославль, Россия)

Заместитель главного редактора

Родина Г.А. (Ярославль, Россия)

Члены редакционной коллегии

Алиев У.Ж. (Астана, Казахстан)

Николаева Е.Е. (Иваново, Россия)

Альпидовская М.Л. (Москва, Россия)

Сапир Е.В. (Ярославль, Россия)

Бондаренко В.М. (Москва, Россия)

Симченко Н.А. (Симферополь, Россия)

Дяо Сюхуа (Далянь, КНР)

Шкиотов С.В. (Ярославль, Россия)

Ёлкину О. С. (Санкт-Петербург, Россия)

Юдина Т.Н. (Москва, Россия)

Карасева Л.А. (Тверь, Россия)

Кузнецов А.В. (Москва, Россия)

Научные консультанты журнала

Ладислав Жак (Прага, Республика Чехия)

Водомеров Н.К. (Курск, Россия)

Лемещенко П.С. (Минск, Беларусь)

Новиков А.И. (Владимир, Россия)

Ответственный секретарь:

Маркин М.И. (Ярославль, Россия)

Адрес редакции:

150023, г. Ярославль, Московский проспект, 88, Г-221

Телефон: (4852) 44-02-11

Сайт: www.theoreticaleconomy.ru

e-mail: theoreticaleconomy@edu.ystu.ru

РУБРИКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Теоретическая экономия: ещё на шаг ближе к юбилейному, сотому, номеру.....4
Гордеев В.А.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ

Экономический анализ права: поиск провалов и провал поисков.....13
Цуриков В.И.

Экзогенные корни современных глобальных экономических кризисов26
Родина Г.А., Бриллианте Н.С.

НОВАЯ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ: ТЕОРЕТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Критерии эффективности мероприятий по адаптации национального хозяйства к изменениям климата.....40
Тебекин А.В., Ломакин О.Е.

Проблема особенностей личности нового типа в цифровом обществе56
Ковальчук М.А.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Анализ китайско-российского экономического сотрудничества в контексте инициативы «Пояс и путь»69
Дяо Сюхуа

Денежные переводы трудовых мигрантов: социально-экономические риски и возможности регулирования.....77
Сапир Е.В., Чистякова А.А.

К вопросу о методике комплексной оценки двусторонних торгово-экономических связей стран....89
Науменко Р.В.

ТВОРЧЕСТВО МОЛОДЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ

Управление государственным долгом и государственная долговая политика: новый взгляд на взаимосвязь категорий101
Вахрушев Д.С., Карпов Д.М.

Формирование системы показателей оценки эффективности и финансовой устойчивости бюджетов муниципальных образований109
Тарасова А.Ю., Корнева А.И., Карташева О.В.

Влияние цифрового неравенства на эффективность региональных инновационных систем: случай РФ (продолжение исследования)123
Матасов А.М., Шкиотов С.В., Маркин М.И.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Что-то прекрасное заканчивается.....131
Ладислав Жак

Теоретическая экономия: ещё на шаг ближе к юбилейному, сотому, номеру

Гордеев Валерий Александрович

доктор экономических наук, профессор

Главный редактор журнала «Теоретическая экономика» г. Ярославль, Российская Федерация.

E-mail: vagordeev@rambler.ru

Аннотация. В этой рубрике представлен обзор материалов 11-го (95-го) номера журнала. По мнению редактора, публикации номера выступают продолжением предыдущих 94-х номеров в развитии выдвинутой нами концепции теоретической экономии. В ходе обзора показано, в чем заключается такое продолжение на примере каждой публикуемой работы. Редактором отмечено, что оно присуще в определенной степени выступлениям и известным читателям, и новых авторов. Первостепенное внимание, как и в прошлых номерах, уделено актуальным проблемам теоретической экономии, теоретико-экономическим аспектам исследования новой индустриализации, современным проблемам мировой экономики, творчеству молодых исследователей.

Ключевые слова: теоретическая экономия; новая индустриализация; современные проблемы мировой экономики, творчество молодых исследователей.

JEL codes: A13; A14

Для цитирования: Гордеев, В.А. Теоретическая экономия: Теоретическая экономия: приближаемся к юбилейному, сотому, номеру / В.А. Гордеев. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2022 - №11. - С.4-12. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.11.2022)

Предлагаем Вашему вниманию очередной, 11-й (95-й), номер нашего журнала. Мы считаем, что материалы этого номера являются логическим продолжением предыдущих 94-х в исследовании современных социально-экономических трансформаций с позиции разрабатываемой в журнале концепции теоретической экономии. Думаем, что такой подход характеризует публикуемые в этом номере работы. Причем не только хорошо известных Вам, уважаемый читатель, но и новых авторов.

Прежде всего традиционно обращаем Ваше внимание на первую по порядку и главную рубрику «Актуальные проблемы теоретической экономии». Здесь помещена статья под названием «Экономический анализ права: поиск провалов и провал поисков». Её написал уже известный Вам автор [см., например: 1; 2; 3], Цуриков Владимир Иванович, доктор экономических наук, профессор ФГБОУ ВО «Костромская государственная сельскохозяйственная академия», (г. Кострома, Российская Федерация). Статья носит дискуссионный характер и представляет собой небольшой обзор тех работ российских юристов, которые они посвятили экономическому анализу права. Если до 2004-го года к этому научному направлению российские юристы никакого интереса не проявляли, то о его существовании в настоящее время можно говорить вполне уверенно. Оказалось, что складывающееся среди них отношение к экономическому анализу права очень неоднородно и охватывает все возможные значения: от практически абсолютного одобрения до полного неприятия. Большинство юристов, работы которых попали в поле зрения автора, солидарны в том, что «необходимость исследований на стыке права и экономики в настоящее время очевидна», и эти исследования могут представлять собой «перспективное направление в развитии как права, так и экономики». Некоторые из юристов опасаются «экономизации права», считая недопустимым доминирование экономики над правом. Сторонник крайней позиции полагает, что «экономизация» норм права ведет к его деюридизации,

и потому считает экономический анализ права тупиковым путем научного познания. Анализ критических замечаний, направленных на выявление «провалов» экономического анализа права, показывает, что выявленные авторами замечаний недостатки экономической теории фактически являются плодами недостатков их представлений об этой теории.

Вторая статья в данной рубрике под названием «Экзогенные корни современных глобальных экономических кризисов», которую подготовила Родина Галина Алексеевна, доктор экономических наук, профессор, профессор ФГБОУ «Ярославский государственный технический университет». Статья посвящена анализу такой особенности современных глобальных экономических кризисов, как их экзогенная динамика. Авторы вывели линию кризисных явлений мировой экономики за последние 100 лет, выделив на ней такие реперные точки, как Великая депрессия, Великая рецессия и выдвинув гипотезу о преобладании неэкономических корней экономических кризисов 20-х годов XXI века. Поставлена цель выявить, с одной стороны, мирохозяйственные риски, сформировавшиеся в течение 2022 года и затронувшие национальные интересы России; с другой стороны, обозначить окна возможностей для дальнейшего развития российской экономики с учётом этих рисков.

Затем в рубрике «Новая индустриализация ...» Вашему вниманию предлагаются две работы. Во-первых, статья под названием «Критерии эффективности мероприятий по адаптации национального хозяйства к изменениям климата». Её прислали двое московских авторов: Тебекин Алексей Васильевич, доктор технических наук, доктор экономических наук, профессор, почетный работник науки и техники Российской Федерации, профессор кафедры менеджмента Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России, и Ломакин Олег Евгеньевич, доктор экономических наук, кандидат технических наук, ректор ФГБОУ ДПО «Институт повышения квалификации руководящих работников и специалистов». Первый из них хорошо известен вам, уважаемый читатель, как активный автор [см., например: 4 - 21], а второй публикуется у нас впервые. Рассмотрены в их статье современные проблемы адаптации мирового и национального хозяйства к глобальным климатическим изменениям. Представлены результаты анализа известных исследований и документов, посвященных проблеме адаптации к изменениям климата. Выполнена оценка проблем определения эффективности запланированных и реализуемых мероприятий по адаптации к изменениям климата. Показан недостаточный уровень проработки количественных критериев оценки эффективности мероприятия по адаптации национального хозяйства климатическим изменениям в силу учета только вероятного ущерба (негативных последствий изменения климата). Предложены критерии оценки эффективности мероприятий по адаптации национального хозяйства к изменениям климата, учитывающие как ожидаемые негативные, так и вероятные позитивные последствия изменения климата.

Во-вторых, в этой рубрике публикуется статья «Проблема особенностей личности нового типа в цифровом обществе», которую подготовила Ковальчук Марина Александровна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры «Профессиональное обучение» ФГБОУ «Ярославский государственный технический университет, (г. Ярославль, Российская Федерация), ранее публиковавшаяся в нашем журнале [см.: 22]. В новой её статье рассматривается проблема особенностей личности нового типа в информационном обществе. В статье освещены проблемы, возникшие с расширением информационных сетей и все большим включением человека в виртуальное пространство и сужением жизнедеятельности в пространстве реальном. Дается анализ особенностей личности нового типа, особенностей удовлетворения потребностей человека и его мышления. Представлены взгляды автора на формирование цифровой культуры нового поколения.

В следующей рубрике, «Современные проблемы мировой экономики», Вашему вниманию в этом номере предлагается четыре работы. Во-первых, статья «Анализ китайско-российского экономического сотрудничества в контексте инициативы «Пояс и путь». Её прислала Дяо Сюхуа, доктор экономических наук, профессор из Даляньского технологического университета, (г. Далянь, Китайская Народная Республика), член редколлегии нашего журнала, ранее публиковавшаяся

у нас [см.: 23]. В статье рассматриваются состояние и новые успехи торгово-экономического сотрудничества между КНР и РФ в контексте инициативы «Один пояс - один путь». Показано, что вызовы и возможности в китайско-российском торгово-экономическом сотрудничестве существуют в нынешних условиях. Дан анализ благоприятных факторов содействия развитию двухстороннего торгово-экономического сотрудничества на взаимовыгодной основе. Особое внимание уделяется перспективам и путям торгово-экономического сотрудничества обеих стран в новую эпоху.

После этого в данной рубрике публикуется статья «Денежные переводы трудовых мигрантов: социально-экономические риски и возможности регулирования», которую написали Сапир Елена Владимировна, доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой «Мировая экономика и статистика» ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», (г. Ярославль, Российская Федерация) и Чистякова Анастасия Алексеевна, магистрант этого вуза. Они известны Вам, уважаемый читатель, своими публикациями в нашем журнале, особенно Елена Владимировна как член редколлегии и активный автор [см.: 24-32]. В данной статье исследованы социально-экономические риски ремиттансов, вытекающие из противоречивости интересов домохозяйств мигрантов, а также правительств, направляющих и принимающих иностранную рабочую силу стран. Представлена авторская графическая модель взаимосвязи эффекта роста дохода и эффекта упущенного дохода, в совокупности предопределяющих целесообразность трудовой миграции. В результате анализа предложены два типа классификации мер регулирования переводов трудовых мигрантов. В зависимости от уровня принятия решений все меры регулирования отнесены к глобальным, многосторонним, двусторонним и глобальным мерам. В зависимости от объекта регулирования выделены меры национального миграционного регулирования; меры воздействия на механизмы и финансовые институты переводов; меры повышения финансовой грамотности самих мигрантов.

Далее продолжает эту рубрику статья под названием «К вопросу о методике комплексной оценки двусторонних торгово-экономических связей стран». Её автор, впервые выступающий на страницах нашего журнала, - Науменко Роман Валериевич, кандидат экономических наук, главный специалист Управления мониторинга ГП и сводной отчетности АНО «Дирекция по информационно-аналитическому сопровождению государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя», (г. Симферополь, Российская Федерация). Системные противоречия глобального экономического пространства, отмечает он, обуславливают необходимость активизации двустороннего торгово-экономического сотрудничества стран, что предполагает изменение логистических цепей и валютно-финансовых кондций. В сложившихся условиях исследования вопросов двусторонних торгово-экономических связей приобретают особую актуальность. Статья посвящена процессу исследования двусторонних торгово-экономических связей на современном этапе развития мировой экономики. В работе систематизирован комплекс существующих подходов к изучению межгосударственных билатеральных взаимосвязей, что позволило выявить несовершенство существующих методик в контексте отсутствия унифицированного набора обязательных инструментов анализа. Кроме того, автором установлено, что значение отдельного государства в масштабе мировой экономики требует учета в рамках исследования отдельных двусторонних торгово-экономических связей стран. В статье предложена методика комплексной оценки торгово-экономических связей стран, включающая выявление специализации стран относительно друг друга через показатели комплементарности, торговой ориентации и внутриотраслевой торговли в совокупности с динамическими индикаторами взаимодействия стран, особенностей экономик в масштабе мировой экономики в комплексе с показателями позиционирования государства в мировой экономике, построение гравитационной модели и расчёт индикатора гравитационного типа двусторонних торгово-экономических связей. Представленная методика основана на синтезе теории зависимого развития и гравитационного, геоэкономического и компаративного подходов к исследованию двусторонних торгово-

экономических связей, что обусловило ее функциональную направленность. Она позволяет определить перспективы сбалансированного развития торгово-экономических связей государств, что совершенствует процесс исследования двусторонних торгово-экономических связей, позволяя оценить широкий спектр данных и минимизировать погрешности прогнозных сценариев. Указанная разработка позволит типизировать билатеральные взаимоотношения и усовершенствовать процесс выстраивания внешнеэкономической политики государства.

Затем Вашему вниманию предлагается рубрика «Творчество молодых исследователей», в которой публикуется в этом номере три работы. Во-первых, статья под названием «Управление государственным долгом и государственная долговая политика: новый взгляд на взаимосвязь категорий». Её написали двое авторов из ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»: Вахрушев Дмитрий Станиславович, доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры финансов и кредита, и Карпов Дмитрий Максимович, магистрант этой кафедры. Первый из них публиковался в нашем журнале [см.: 33 и 34], а второй выступает впервые. Статья посвящена исследованию взаимосвязи двух категорий: управление государственным долгом и государственная долговая политика. Актуальность статьи обусловлена активным использованием в современных условиях государственного долга как одного из основных инструментов экономической политики, что нередко приводит к крупномасштабным долговым проблемам у развитых и развивающихся стран, на региональном и местном уровнях. Целью исследования является раскрытие содержания управления государственным долгом через уточнение понятий «управление государственным долгом» и «государственная долговая политика» и характеристику их взаимосвязи. В статье проанализированы и сгруппированы опубликованные в литературе авторские взгляды по вопросу применения категориального аппарата в сфере государственного долга (во-первых, управление государственным долгом как составная часть государственной долговой политики; во-вторых, управление государственным долгом как понятие, равнозначное государственной долговой политике; в-третьих, государственная долговая политика как один из аспектов управления государственным долгом), изучены семантические значения и этимология понятий «управление» и «политика». Исследование проблем осуществлялось путем применения общенаучных методов познания: системный и структурный анализ, синтез теоретических (трудов различных ученых и специалистов) и практических (данных финансовых органов власти) материалов, дедукция, индукция, диалектическая логика, методы сравнения и обобщения официальных статистических данных. Научная новизна проведенного исследования заключается в предложении и обосновании подхода по рассмотрению управления государственным долгом как совокупности долговой политики и администрирования государственного долга, что может быть использовано в рамках как нормативно-правового регулирования, так и учебного процесса. На примере Ярославской области аргументировано содержание основных форм администрирования государственного долга.

Во-вторых, в этой рубрике Вашему вниманию представлена статья «Формирование системы показателей оценки эффективности и финансовой устойчивости бюджетов муниципальных образований». Её представили новые для нашего журнала авторы – трое исследователей из Ярославского филиала ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве РФ»: Тарасова Алла Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика и финансы»; Корнева Алина Игоревна, студентка, и Карташева Ольга Витальевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Экономика и финансы». Своевременная оценка финансовой устойчивости региональных и местных бюджетов, отмечают они, является одной из составляющих бюджетного процесса. Важно рационально распределить финансовые ресурсы, чтобы обеспечить развитие территории, однако при работе по балансировке бюджетных показателей возникает вопрос выбора инструмента анализа состояния и структуры бюджета. Системы показателей оценки эффективности и устойчивости местных бюджетов в России применяются разные. Ни одна из существующих методик не является унифицированной, в связи с чем возникают две основные трудности при

объективном оценивании работы муниципальных органов власти и межмуниципальном сравнении. Обилие научных и аналитических изысканий и публикаций по данной тематике говорит о высокой степени заинтересованности исследователей к данному вопросу. В данной работе делается обзор популярных авторских подходов к бюджетному коэффициентному анализу, на основе которого производится отбор бюджетных коэффициентов, позволяющих оценивать достижение целей развития муниципальных образований и устойчивость бюджета. На основе данной совокупности показателей произведен анализ бюджетной устойчивости муниципальных районов Ярославской области по данным за 2021 год. Анализ состояния бюджетов 16 муниципальных районов с помощью системы бюджетных коэффициентов показал, что финансово несамостоятельными являются более 50% бюджетов муниципальных районов региона. С другой стороны, изучение социальной ориентированности бюджетов по открытым бюджетным данным демонстрирует, что значительная часть финансовой поддержки от региона направляется на улучшение качества социальных услуг, предоставляемых муниципальным самоуправлением населению районов или, по крайней мере, поддержание их на приемлемом уровне. Результаты анализа бюджетной устойчивости на основе определенного набора бюджетных коэффициентов в целом совпадали с оценкой Правительства Ярославской области в рамках проекта «Рейтинг-76», что подтверждает возможность применения данной системы бюджетных коэффициентов для единообразного подхода в оценке финансовой устойчивости и эффективности муниципальных финансов.

Завершает рубрику статья под названием «Влияние цифрового неравенства на эффективность региональных инновационных систем: случай РФ (продолжение исследования)». Ее авторами выступили представители ФГБОУ ВО Ярославского государственного технического университета Матасовым Андрей Михайловичем, магистрант по направлению экономика, Шкиотов Сергей Владимирович, кандидат экономических наук, доцент и Маркин Максим Игоревич, ст. преподаватель. Цель исследования – оценить влияние цифрового неравенства на эффективность региональных инновационных систем. В работе оценивается взаимосвязь между величиной расходов региональных бюджетов на ИКТ, развитостью ИКТ на региональном уровне и индексами производительности труда по субъектам РФ.

Далее, в рубрике «Научная жизнь» публикуется работа под названием «Что-то прекрасное заканчивается...». Автор - Ладислав Жак, кандидат экономических наук, член редколлегии журнала «Теоретическая экономика», (г. Прага, Республика Чехия), известный Вам, уважаемый читатель, предыдущими публикациями в нашем журнале [см.: 35; 36; 37]. Работа представляет собой изложение доклада, с которым автор выступил в 2022 году на научной конференции в Самарском государственном экономическом университете. Посвящена проблеме безопасности организаций в «рыночной» экономике с социально-экономической точки зрения. Определяется исторический контекст, в котором находится эта экономика. Отвергая категории «постиндустриализм» и «постмодернизм» как не отражающие сути современных трансформаций, автор доказывает: «что-то прекрасное заканчивается» с периодом десяти тысячелетий, когда основой благосостояния мелких и крупных компаний были люди, осевшие в одном месте и преобразовывавшие имеющиеся там природные ресурсы в потребительные стоимости. Характеризуя с этих позиций факторы опасности для организаций и отдельных людей, автор предлагает 10 рекомендаций, чего не следует делать в этих условиях для обеспечения безопасности.

Таково основное содержание материалов 11-го (95-го) номера. Как видите, они, действительно, представляют собой логическое продолжение предыдущих 94-х номеров в развитии выдвинутой нами более 11 лет назад в журнале концепции теоретической экономики как нового парадигмального мейнстрима в социально-экономических исследованиях.

Успешной Вам работы над новым номером, уважаемый читатель!

С уважением В.А. Гордеев

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Скаржинская, Е.М., Цуриков В.И. Дилемма для участника коллективных действий. Часть 1 / Е.М. Скаржинская // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2021. - № 8. - С. 64-75. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
2. Скаржинская, Е.М., Цуриков В.И. Дилемма для участника коллективных действий. Часть 2 / Е.М. Скаржинская // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2021. - № 9. - С. 49-60. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
3. Цуриков, В.И. И почему же мы бедны? К вопросу о влиянии социокультурных ценностей на экономическое развитие и процветание / В.И. Цуриков // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2022. - № 6. - С. 24-35. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
4. Тебекин, А.В. Проблемы развития современной политэкономи / А.В. Тебекин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. - № 1. - С. 11-28. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
5. Тебекин, А.В., Тебекин П.А., Егорова А.А. Выбор подхода к формированию стратегии, обеспечивающей выход из глобального социально-экономического кризиса 2020 года / А.В. Тебекин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. - № 5. - С. 44-67. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
6. Тебекин, А.В. Оценка качества взаимосвязи составляющих триады управления социально-экономическими системами «цель-измеримость-практическая реализация» / А.В. Тебекин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. - № 7. - С. 11-21. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
7. Тебекин, А.В. Ретроспективный анализ проблем развития теории потребительского выбора и спроса / А.В. Тебекин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. - № 9. - С. 10-26. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
8. Тебекин, А.В. Ретроспективный анализ проблем развития теории потребительского выбора и спроса / А.В. Тебекин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. - № 10. - С. 11-27. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
9. Тебекин, А.В., Тебекин П.А., Егорова А.А. Технологические трансформации XXI века как индуцирующий вектор перехода к новому качеству производства / А.В. Тебекин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2021. - № 1. - С. 42-53. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
10. Тебекин, А.В., Митропольская-Родионова Н.В., Хорева А.В. Теоретическая модель нового индустриального общества второго поколения и проблемы практического воплощения нооэкономики / А.В. Тебекин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2021. - № 3. - С. 59-70. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
11. Тебекин, А.В. Институциональные факторы распространения серой теневой экономики в России / А.В. Тебекин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2021. - № 4. - С. 49-65. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
12. Тебекин, А.В. Рецензия на проект рабочей программы учебного курса «Экономическая теория» / А.В. Тебекин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2021. - № 5. - С. 120-122. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
13. Тебекин, А.В. Анализ проблем развития населенных пунктов Российской Федерации / А.В. Тебекин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2021. - № 6. - С. 82-93. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>
14. Тебекин, А.В., Тебекин П.А., Егорова А.А. Является ли инициатива «Индустрия 4.0» промышленной революцией? / А.В. Тебекин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2022. - № 7. - С. 11-21. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

экономика», 2021. - № 7. - С. 59-73. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

15. Тебекин, А.В. Возможность использования положений школы предпринимательства для преодоления национальной экономикой системного кризиса / А.В. Тебекин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2021. - № 8. - С. 37-49. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

16. Тебекин, А.В. Риски роста «пузыря» на мировом финансовом рынке / А.В. Тебекин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2021. - № 9. - С. 72-86. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

17. Тебекин, А.В. Интегральный взгляд на формирование стратегии социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года / А.В. Тебекин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2021. - № 10. - С. 13-26. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

18. Тебекин, А.В. Перспективы развития общественного сектора экономики в условиях выхода из глобального кризиса 2020-х годов: миррой и национальный аспекты / А.В. Тебекин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2022. - № 1. - С. 79-93. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

19. Тебекин, А.В. Комплексный анализ проблем осуществления финансовой политики государства как составной части проблем национальной экономической политики / А.В. Тебекин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2022. - № 2. - С. 17-34. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

20. Тебекин, А.В. Проблемы стратегического планирования при определении процессов социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года / А.В. Тебекин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2022. - № 3. - С. 36-51. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

21. Тебекин, А.В. Будущее общественной и частной собственности в сфере энергоресурсов / А.В. Тебекин // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2022. - № 6. - С. 13-23. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

22. Ковальчук, М.А. Влияние цифровизации на процесс общения молодежи в социально-экономической среде / М.А. Ковальчук // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2021. - № 9. - С. 61-71. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

23. Дяо Сюхуа. Экономическое сотрудничество Северо-восточного региона Китая и ДВ России в новых условиях: состояние, возможности и предложение / Дяо Сюхуа // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2022. - № 1. - С. 70-78. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

24. Сапир Е.В. Этика в экономике: геоэкономический синтез / Е.В. Сапир // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2012. - № 6. - С. 12-18. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

25. Сапир, Е.В., Карачев И.А. Геоэкономическая природа региона: потенциал для роста российской экономики / Е.В. Сапир // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2017. - № 5. - С. 44-52. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

26. Сапир, Е.В., Карачев И.А. Теоретические вопросы анализа специальных экономических зон в контексте взаимодействия государства и бизнеса / Е.В. Сапир // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. - № 6. - С. 64-74. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

27. Карачев, И.А., Сапир Е.В. Специальные экономические зоны России и Китая: оценка

возникающих эффектов / И.А. Карачев // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. - № 8. - С. 71-81. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

28. Сапир, Е.В., Васильченко А.Д. Технические барьеры в торговле и их влияние и импорт: сущность и эффекты / Е.В. Сапир // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2020. - № 9. - С. 79-87. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

29. Сапир, Е.В., Васильченко А.Д. Тенденции развития экспорта промежуточных продуктов транспортного машиностроения как индикатор противостояния регионализма и глобализма в НАФТА / Е.В. Сапир // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2021. - № 2. - С. 73-80. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

30. Сапир, Е.В., Чистякова А.А. Проблема экономического неравенства в современном мире: измерение и перспективы решения / Е.В. Сапир // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2021. - № 4. - С. 108-118. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

31. Сапир, Е.В., Чистякова А.А. Промышленные кластеры мировой экономики: типологические критерии и их оценка / Е.В. Сапир // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2021. - № 11. - С. 63-72. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

32. Сапир, Е.В., Чистякова А.А. Особенности и новые тенденции ремиттансов в современных условиях / Е.В. Сапир // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2022. - № 3. - С. 75-86. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

33. Вахрушев Д.С. Теоретические аспекты процентной политики Банка России в контексте проблематики взаимодействия государства и субъектов рынка / Д.С. Вахрушев // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2012. - № 1. - С. 32-37. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

34. Вахрушев, Д.С., Вахрушева Н.А., Терентьев Д.А. Управление устойчивостью экономических систем: методологический синтез синергетики и институциональной теории / Д.С. Вахрушев // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2017. - № 5. - С. 9-18. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

35. Ладислав, Жак. Жизнь суха, а древо теории зеленеет / Ж. Ладислав // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. - № 4. - С. 20-24. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

36. Ладислав, Жак. Отзыв на статью В.К. Нусратуллина «Современные проблемы экономики и общества в свете выводов неравновесного анализа экономики» / Жак Ладислав // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2019. - № 12. - С. 111-114. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

37. Жак, Л. Завтра уже было / Л. Жак // Электронный научный журнал «Теоретическая экономика», 2022. - № 4. - С. 82-84. [Электронный ресурс] - Режим доступа к журн. свободный: <http://www.theoreticaleconomy.ru>

Theoretical economy: a new step in the study of modern socio-economic transformations

Valery A. Gordeev

Doctor of Economics, Professor

Chief editor of the journal «Theoretical Economy», Yaroslavl, Russian Federation.

E-mail: vagordeev@rambler.ru

Annotation. This section presents an overview of the materials of the 11th (95th) issue of the journal. According to the editor, the publications of this issue are a continuation of the previous 94 issues in the development of the concept of theoretical economy put forward by us. The review shows what this continuation consists of using the example of each published work. The editor noted that it is inherent to a certain extent in the performances of both well-known readers and new authors. Primary attention, as in previous issues, is given to topical issues of theoretical economics, theoretical and economic aspects of the study of new industrialization, modern problems of the world economy, and the work of young researchers.

Keywords: theoretical economy; conference at Yaroslavl Technical University; new industrialization; modern problems of the world economy, creativity of young researchers

Экономический анализ права: поиск провалов и провал поисков

Цуриков Владимир Иванович

доктор экономических наук, профессор,

ФГБОУ ВО «Костромская государственная сельскохозяйственная академия», г. Кострома, Российская Федерация.

E-mail: tsurikov@inbox.ru

Аннотация. Статья носит дискуссионный характер и представляет собой небольшой обзор тех работ российских юристов, которые они посвятили экономическому анализу права. Если до 2004-го года к этому научному направлению российские юристы никакого интереса не проявляли, то о его существовании в настоящее время можно говорить вполне уверенно. Оказалось, что складывающееся среди них отношение к экономическому анализу права очень неоднородно и охватывает все возможные значения: от практически абсолютного одобрения до полного неприятия. Большинство юристов, работы которых попали в поле зрения автора, солидарны в том, что «необходимость исследований на стыке права и экономики в настоящее время очевидна», и эти исследования могут представлять собой «перспективное направление в развитии как права, так и экономики». Некоторые из юристов опасаются «экономизации права», считая недопустимым доминирование экономики над правом. Сторонник крайней позиции полагает, что «экономизация» норм права ведет к его деюридизации, и потому считает экономический анализ права тупиковым путем научного познания. Анализ критических замечаний, направленных на выявление «провалов» экономического анализа права, показывает, что выявленные авторами замечаний недостатки экономической теории фактически являются плодами недостатков их представлений об этой теории.

Ключевые слова: экономический анализ права; общее право; кодифицированное право; преступление; наказание; сдерживающий эффект наказания.

JEL codes: A12; D03; D61; K42

Для цитирования: Цуриков, В.И. Экономический анализ права: поиск провалов и провал поисков / В.И. Цуриков. - DOI 10.52957/22213260_2022_11_13. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2022 - №11. - С.13-25. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.11.2022)

DOI: 10.52957/22213260_2022_11_13

Введение

За последние двадцать лет научное направление «экономический анализ права» получило в России довольно заметное признание и распространение, причем не только среди экономистов, но и среди юристов. В 2004-м году в предисловии к русскому переводу книги Ричарда Познера «Economic Analysis of Law» редактор перевода Виталий Тамбовцев деликатно заметил: «... мои попытки заинтересовать некоторые юридические вузы спецкурсом по экономическому анализу права закончились неудачей, а беседы на тему Law and Economic с видными представителями отечественной юридической науки наталкивались на полное незнание предмета одной из сторон» [1]. Заметим, что к тому моменту времени упомянутое сочинение Р. Познера пережило уже 5 изданий.

Правда, ради справедливости, следует отметить, что это научное направление, зародившееся в начале второй половины 20-го века в США, до сих пор в высшей степени динамично только там и развивается. К. Грехениг и М. Гелтер осуществили детальный анализ причин, в силу которых дисциплина «право и экономика» в Европе отстает в своем развитии от США на 15-20 лет. Для нас наиболее важны две из них. Первая довольно универсальная: Стремление сохранить свои позиции, «согласно которому стремление юристов – приверженцев традиционных взглядов сохранить свое положение порождает сильную группу интересов, составляющую оппозицию любым прогрессивным течениям в юриспруденции» [2]. Другая причина актуальна только для стран (в том числе и России) с кодифицированным правом (романо-германским, континентальным).

Важнейшее различие между системами кодифицированного права и общего права

(прецедентного, англо-саксонского, англо-американского, островного) состоит в источнике права. В первой – это закон, принимаемый законодательными органами государства (законодателем). Во второй – преимущественно судебная практика. В системе кодифицированного права суд пользуется только уже существующими законами, подбирая и применяя наиболее подходящую для данного конкретного случая правовую норму. В системе общего права суд выступает не только в роли интерпретатора уже существующей правовой нормы, но и создателя (через механизм прецедента) новой правовой нормы [3, с. 24-25].

В системе общего права не только шире круг лиц, осуществляющих нормотворческую деятельность, но и гораздо теснее контакт между «производителями» и «потребителями» правовых норм. Поэтому система общего права более гибкая, оперативно реагирующая на изменяющуюся реальность. Если в стране с кодифицированным правом суд может отказаться от рассмотрения той или иной конфликтной ситуации в связи с отсутствием соответствующей правовой нормы, то в стране с общим правом отсутствие закона не является препятствием для вынесения судебного решения.

Перечисленные различия систем общего и кодифицированного права порождают и различное отношение юристов к праву. Можно думать, что для американского юриста закон предстает в роли относительно гибкого инструмента, в то время как российский юрист скорее склонен воспринимать закон как некую не подлежащую корректировке данность. Поэтому американскому юристу оказалось легче воспринять экономический стиль мышления, усматривающий в законе не застывшую данность, не подлежащую ни обсуждению, ни изменению, а некий механизм, разные формы которого предоставляют различные варианты достижения той или иной цели. Экономический же анализ позволяет сравнивать выгоды и издержки альтернативных вариантов достижения цели.

Таким образом, заметное отставание в развитии экономического анализа права в странах с кодифицированным правом не в последнюю очередь обусловлено различиями в правовых системах. Кроме того, они же направляют экономический анализ в неодинаковых системах права на различные объекты. Если в системах общего права объектом экономического анализа являются судебные решения, то в системах кодифицированного права – решения законодателя [3]. Соответственно, как отмечает В. Тамбовцев в своем предисловии к [1], в силу этого отставания и различия в правовых системах непосредственное приращение многих достижений этого научного направления к нашей российской действительности невозможно, по крайней мере, без их творческой переработки.

О взглядах отечественных исследователей на экономический анализ права

К настоящему времени ситуация изменилась, и российские юристы стали проявлять заметный интерес к экономической теории права. Именно юристам в первую очередь адресуется свой объемный труд «Экономический анализ права» [4] доктор юридических наук А.Г. Карапетов. Сразу отметим, что если российские экономисты относятся к новому научному направлению с положительным интересом [5-7], то отношение российских юристов к роли, значению и возможностям экономической теории права очень неоднородно и охватывает самый широкий спектр значений: от практически абсолютного одобрения до абсолютного неприятия. Обратимся к краткому обзору некоторых наиболее интересных мнений российских юристов.

Уже наблюдаются попытки применения экономического подхода при анализе вины и определения применяемых санкций [8], проводится анализ взаимосвязи правовой и экономической систем [9] и даже усматривается единство правового и экономического подходов [10].

Юрист-практик С.Ю. Махтук (ответственный работник СК РФ по расследованию особо важных дел по Калужской области) не просто отмечает возможность использования в уголовном судопроизводстве методов экономического анализа права, а считает целесообразным синтез уголовно-процессуального права и экономики. В частности, по его мнению, «к отношениям, регулируемым уголовным процессом, в полном объеме применим экономический закон спроса и предложения» [11, с. 122]. Интересна та параллель, которую проводит автор между механизмом демпинга и

особым порядком рассмотрения уголовного дела либо судебным производством в отношении лица, заключившего и выполнившего досудебное соглашение о сотрудничестве, отмечая при этом, что «Само же досудебное соглашение о сотрудничестве (ДСС) сравнимо с фьючерсным контрактом». Соответственно, подобный порядок, по мнению автора, можно трактовать как предусмотренную законодателем «возможность осуществления демпинга в уголовном судопроизводстве» [11, с. 121].

Более сдержанного мнения придерживается А.М. Лушников (доктор юридических наук, доктор исторических наук). Отмечая, что «необходимость исследований на стыке права и экономики в настоящее время очевидна», а «исследования “права и экономики” могут стать одним из наиболее перспективных направлений разработки в рамках как юриспруденции, так и экономики» [12, с. 79], он делает упор на том, что «взаимодействие наук должно осуществляться на равных». Выражая сожаление по поводу укореняющегося термина «экономический анализ права» А. Лушников предлагает «четко разделять исследования, находящиеся на стыке права и экономики (именуемые, собственно, “право и экономика”) и “экономический анализ права” в силу того, что термин “экономический анализ права” «не предполагает междисциплинарной диалогичности» [12, с. 80].

Отметим в качестве примера, что А. Карапетов абсолютно не склонен рефлексировать по поводу названия. При этом он подчеркивает необходимость рассматривать право «в широком культурном контексте, обращаясь к научным дисциплинам, изучающим смежные вопросы человеческого поведения» [4, с. 17]. «Экономический анализ права не может стать новой версией правового формализма, но может сделать более совершенным функционирование методологии правового прагматизма» [4, с. 147].

По мнению А. Лушниковой, «в экономическом анализе права доминирует экономика» и, соответственно, «право выступает объектом анализа и критики» [12, с. 82]. Создается впечатление, что А. Лушникову некомфортно видеть право в роли объекта экономического анализа, в которой он воспринимает право, как незащитное существо, оказавшееся под скальпелем безжалостного вивисектора.

К непримиримым юристам, отторгающим экономический анализ права, можно отнести адвоката Алима Ульбашева. В своей попытке показать абсурдность применения экономического анализа к праву он восклицает: «Зачем вообще нужны законы? Невидимая рука рынка нам в помощь!» [13, с. 136]. В этих словах отражается недостаточное знакомство автора с экономической теорией. Один из приводимых им доводов состоит в том, что экономической анализ права делает правовые нормы «объектом изучения с позиции их “экономической профпригодности”». По словам автора, такой подход «с юридической точки зрения ... нам представляется таящим в себе “ящик Пандоры”» [13, с. 136]. Соответствующий вывод А. Ульбашева: «На наш взгляд, экономический анализ права изначально представляется тупиковым путем научного познания» [13, с. 139].

В качестве страшилки, призванной, по-видимому, насмерть запугать читателя, А. Ульбашев указывает на возможные злоупотребления индивидов, находящихся ближе других к власти. «Соответственно, у них будет больше возможностей повлиять на процесс “экономизации права”, когда правовые нормы будут “подгоняться” под экономические интересы конкретных лиц. Ведь это рентабельно, это ведет к снижению издержек. И вот тут-то начнется коллапс» [13, с. 142]. Ошибка в этих рассуждениях очевидна. Это (рентоориентированное поведение) ведет не к снижению, а к повышению социальных издержек.

Что касается злоупотреблений, то, действительно, и юристам, и экономистам не чуждо оппортунистическое поведение. По словам юриста А. Карапетова: «Очень часто правовые нормы разрабатываются и принимаются в целях, далеких от обеспечения общего блага, в результате откровенного лоббизма и во имя обеспечения интересов “групп специальных интересов”, в целях политического PR, из корыстного расчета, просто без какого-либо глубокого осмысления целей данного процесса и т.п.» [4, с. 11]. Вот в том числе для исключения возможности принятия таких правовых норм экономический анализ и нужен.

Задержимся на рассмотрении метафоры, которую приводит А. Ульбашев. «Экономика без права (или диктат экономики над правом) – явление пагубное и даже опасное. Такую экономику можно сравнить с пересечением нескольких оживленных улиц. Водителя, каждый раз останавливающегося у очередного светофора, может посетить мысль: а вот бы светофора не было, тогда можно было бы ехать, не снижая скорости. Каждый автомобилист в этом случае является носителем отдельно взятого частного интереса, а светофор – выразитель интереса публичного» [13, с. 142]

Для выявления причины заблуждения А. Ульбашева, рассмотрим его метафору подробнее, для чего обратимся, к одному из вариантов игры «Дорожное движение», рассматриваемой в учебном пособии М. Одинцовой [14, с. 13-15]. Предположим, что к нерегулируемому перекрестку одновременно подъезжают несколько автомобилей. Как они могут выбрать очередность проезда, если соответствующих правил не существует? Беспорядочная езда чревата и авариями, и жертвами. Согласно экономическому подходу приоритет должен быть у того водителя, для которого издержки задержания его проезда наивысшие. Но сама процедура выявления водителя, для которого скорейший проезд представляет наивысшую ценность, затратна, так как она требует проведения аукциона на право проезда первым среди всех водителей. Если автомобилей и перекрестков в стране много, то дешевле вместо проведения множества аукционов установить для всех водителей страны единые правила дорожного движения (ПДД) и наказывать за их нарушения.

Другими словами, трансакционные издержки для всего населения оказываются ниже, если вместо ценового механизма (вместо невидимой руки рынка) использовать правило (институт). Если бы трансакционные издержки отсутствовали, то, согласно теореме Коуза, в правилах не было бы никакой необходимости. Отсюда вытекают следующие следствия: 1) Причина существования правовой системы заключается в том, что трансакционные издержки не равны нулю [15, с. 19; 3, с. 27]. 2) Правила необходимы для снижения трансакционных издержек [15, с. 170]. 3) Любое правило необходимо рассматривать как механизм, призванный решать проблему минимизации трансакционных издержек [16, с. 349]

Легко убедиться в том, что ПДД, действительно, в той или иной степени направлены на снижение трансакционных издержек. Об этом говорит предусмотренный ими приоритет проезда для тех водителей, задержка которых на дороге способна повлечь наиболее высокие издержки – для водителей машин скорой помощи и пожарных машин. Как видим, экономическая теория не только не подменяет собой правую систему, а прямо настаивает на ее необходимости.

Экономический анализ статьи М.Ю. Осипова «Экономический анализ права: провалы, возможности, ограничения»

В данной работе ее автор, кандидат юридических наук, на примерах разбора конкретного социального феномена делает попытку продемонстрировать недостатки (провалы по его выражению) экономического анализа права. Попробуем показать, что эта попытка демонстрирует не провалы экономической теории, а провалы его представлений об этой теории.

Отметив, что «критерии в экономической теории не всегда работают и слепое применение указанных критериев может приводить к случаям чудовищной несправедливости» [17], в качестве примера провала экономического анализа М.Ю. Осипов рассматривает следующий существующий когда-то по его выражению обычай.

«Сэр Ричард Бёртон, британский дипломат, путешественник и писатель, работал в середине XIX в. чиновником в Британской Индии. На территории современного Пакистана он обнаружил обычай, в соответствии с которым богатые преступники, приговоренные к смертной казни британским правосудием, могли купить себе замену, заплатив человеку, готовому принять смерть вместо них. Сделка была полностью добровольной. В своих заметках Р. Бёртон описал ситуацию, когда он спросил бедняка, согласившегося принять наказание за убийство, которое не совершал, почему тот идет на это. Бедняга ответил, что был нищим всю жизнь, желудок его пуст, жена и дети еле живы от голода. Он воспринимал это как естественный порядок вещей – судьбу, но для него было невыносимо видеть,

как страдает его семья. Он получил 250 рупий (2,5 кг серебра), на эти деньги бедняк хотел купить хорошей еды и наесться перед тем, как покинет этот мир. Оставшиеся деньги предназначались его жене и детям» [17].

На данном примере М. Осипов хотел продемонстрировать несостоятельность критериев Парето и Калдора-Хикса. Давайте посмотрим, в какой мере это ему удалось. Бедняк, обменявший свою жизнь на деньги, был вынужден так поступить в силу существующих институтов, так как не видел другой возможности прокормить свою семью. И он выбрал лучший, по его мнению, и в силу сложившихся обстоятельств и существующих институтов, вариант. Институты, как известно, бывают формальными и неформальными. Если рассматриваемый институт относится к числу формальных, т.е. является законом, то и предъявлять претензии относительно его несправедливости надо к законодателю, а не к экономической теории. Неформальные институты также, как и формальные ограничивают рамки человеческой деятельности, в том числе и экономической. Следовательно, именно эти рамки инициировали возможность реализации такой ситуации.

Заметим, что в своей попытке указать на провал критерия эффективности М. Осипов остановился на полпути. Ведь в своей критике он принимает во внимание выгоду и издержки только двух индивидов: богача-преступника и бедняка, полностью игнорируя (что, вообще говоря, странно для юриста) социальные издержки. Причем даже в этом случае он рассуждает недостаточно корректно. Давайте посмотрим, к чему могут привести подобные рассуждения, если их осуществить более последовательно. Очевидно, при учете только частных выгод и издержек богача и бедняка, суммарный выигрыш стал бы выше, если бы бедняк в рассматриваемом случае не был казнен. Но и этот исход не является эффективным по Парето. Вот если при этом, по-прежнему игнорируя издержки совершенного преступления, учесть ту часть социальных издержек, которые обусловлены раскрытием преступления, задержанием преступника и судебным процессом, то Парето-эффективный исход был бы достигнут, если бы преступника вообще не задерживали и не предъявляли ему никакого обвинения. Некоторые издержки мог бы понести только палач, но только в том случае, если он претендовал на одежду осужденного.

Почему же казнь бедняка оказалась необходимым звеном в этой истории? Не в силу же, как мы видим, экономической эффективности. А казнь оказалась необходимой исключительно в силу закона. В силу юридических принципов: «Закон суров, но это закон», «пусть рухнет мир, но восторжествует правосудие». Закон требовал, чтобы убийство каралось смертной казнью. Казнь и была осуществлена. А кого именно казнили – это, в рамках данного закона (или неформального института), оказалось делом десятым.

Как видим, в данной критике оказался полностью проигнорированным тот факт, что преступление – это деятельность, сопряженная (по крайней мере, в случае добросовестного законодателя) с отрицательными внешними эффектами, влекущими общественные издержки. Экономический (а не бухгалтерский) подход к анализу преступной и правоохранительной деятельности требует учета всех издержек. Основоположник этого подхода Гэри Беккер доказал, что в рамках предложенной им концепции сумма всех издержек, обусловленных существованием преступности, может иметь минимальное значение. Фактически Беккер доказал математическую теорему, утверждающую, что при определенных предположениях, предусмотренных его концепцией, совокупные издержки, порождаемые существованием преступности, будут иметь минимум, если для преступников «преступление не окупается». Другими словами, если выполняется условие [18; 21, с. 303]:

$$pf > y, \quad (1)$$

где p – вероятность наказания правонарушителя, f – денежный эквивалент наказания, Y – денежный эквивалент добычи преступника (или величины нанесенного ущерба). Смысл формулы (1) состоит в том, что ожидаемое наказание, величина которого равна произведению p и f , должна превышать величину добычи преступника.

Таким образом, согласно экономической теории, для минимизации издержек преступного поведения изобличенный преступник обязательно должен понести наказание, причем именно преступник, а не замещающее его лицо. Так как вероятность наказания всегда меньше единицы, то и величина номинального наказания f всегда должна превышать величину добычи правонарушителя. Если преступник совершил убийство, то встает проблема измерения. Ее тоже можно разрешить, если использовать единую шкалу, т.е. осуществлять измерение наказания в одних единицах с нанесенным преступником ущербом (что вполне справедливо и даже необходимо с точки зрения справедливости, столь ценимой юриспруденцией). Соответственно, преступник, совершивший преднамеренное убийство, должен понести наказание в виде смертной казни. И никакую замену преступника на другого индивида экономический подход не допускает.

В результате своей критики, основанной на рассмотрении этого казуса, М. Осипов делает вывод: «Справедливо ли это решение с точки зрения требований права? Конечно же нет. С позиций же критериев экономической эффективности – оно вполне нормальное» [17]. Интересно отметить, что здесь же строчкой ниже, автор критики экономического анализа признает, что этим решением «британское правосудие было удовлетворено». Но если, по словам М. Осипова, «решение с точки зрения требований права» несправедливо, но при этом правосудие удовлетворено, то отсюда однозначно следует вывод о том, что требования права и правосудие противоречивы, т.е. в правосудии (или в требованиях права) завелся какой-то изъян. Однако М. Осипов делает совсем другой вывод: «Данный вид провала можно отнести к провалу экономического анализа права» [17]. Что остается делать перед этой попыткой переложить проблему с больной головы на здоровую? Только развести руками и вслед за И.А. Крыловым повторить: «Избави бог и нас от таких судей».

Здесь на наш взгляд уместно следующее замечание. Эту же историю с покупкой права на освобождение от ответственности приводит М.И. Одинцова в своем учебном пособии «Экономика права» [20, с. 11], оставив ее без соответствующего экономического анализа. Представляется, что в учебном пособии такого типа следовало бы подробно рассмотреть данный казус именно с позиций экономической теории преступлений и наказаний.

В разделе своей статьи, снабженном названием «Относительный провал экономического анализа права при назначении наказания за правонарушения» М. Осипов сначала отмечает справедливость следующего утверждения Р. Познера. «В результате высоких издержек взыскания штрафов они обычно могут выплачиваться только из текущих активов. Даже штраф, равный полной сумме текущих активов ответчика, не может быть строгим наказанием, если эти активы невелики ... или если вероятность ареста и осуждения невелика» [1, с. 308].

Сделаем небольшое пояснение. Основатели экономического анализа права Г. Беккер и Р. Познер считают штрафные санкции более эффективным методом наказания, чем лишение свободы, так как если правонарушитель платежеспособен, то социальные издержки наказания в виде штрафа ниже издержек тюремного заключения. Поэтому касаясь вопроса о том, почему же используются приговоры к различным срокам заключения для наказания правонарушителей, совершивших финансовые (не «злостные») преступления, Познер и указывает причину в виде высоких издержек штрафных санкций, которые образуются в случае недостаточной платежеспособности преступника. Иначе говоря, преступник не может выплатить штраф, если у него не хватает на это средств [1, с. 306]. Так как величина штрафа, согласно принципу «преступление не окупается», должна быть не ниже отношения размера добычи преступника к величине вероятности его наказания, то, соответственно, чем ниже вероятность наказания, тем больше номинальный размер штрафа.

Вернемся к статье М. Осипова. Ее автор сразу же после приведенной выше цитаты из работы Познера делает вывод: «В силу этого, наказание в виде штрафа для бедного человека и для богатого в случае совершения им преступления будет иметь разный сдерживающий эффект». Отметим, что в принципе такое быть может, но не всегда и не обязательно. По мнению автора «бедный человек, при наложении на него серьезного денежного штрафа теряет большую часть доходов, чем богатый

человек, и, следовательно, штраф для него оказывается более обременительным, чем для богатого человека, который легко сможет его уплатить. Соответственно, такое наказание как денежный штраф будет обладать большей эффективностью для бедного человека, чем для богатого, что естественно будет стимулировать преступность богатых людей» [17]. Здесь просматриваются целый ряд ниоткуда не следующих утверждений.

Во-первых, откуда следует, что богатый индивид «легко может уплатить штраф»? Например, согласно статье 291 УК РФ, дача взятки в особо крупном размере может наказываться штрафом в размере от семидесятикратной до девяностократной суммы взятки. А согласно статье 290 УК РФ, получение взятки в особо крупном размере может наказываться штрафом в размере от восьмидесятикратной до стократной суммы взятки. В частности, госслужащий, получивший взятку в размере 100 тысяч руб., может быть приговорен к штрафу в размере до 6 миллионов руб., а получивший взятку в размере 2 миллиона рублей, может быть приговорен к штрафу в размере 200 миллионов рублей. Отметим, что кратность размера штрафа относительно размера взятки возрастает с ростом взятки. Вряд ли любой провинившийся чиновник «легко сможет уплатить» такой штраф. Отметим, что здесь мы говорим о наказаниях, предусмотренных уголовным кодексом. Дело в том, что согласно экономической теории преступлений и наказаний, размеры штрафов за подобные преступления в нашей стране в настоящее время должны быть на порядок (в 10-20 раз) выше.

Во-вторых, откуда следует, что именно «бедный человек ... теряет большую часть доходов»? Примерно с такой же вероятностью может проявиться обратный эффект. Вот если бы величина штрафа оставалась постоянной или хотя бы возрастала медленней, чем величина ущерба, то тогда, действительно, богатому индивиду воровать было бы выгодней, чем бедному. Но согласно приведенной выше формуле (1), величина штрафа пропорциональна величине похищенного.

В-третьих, откуда следует, что более высокий сдерживающий эффект для бедного человека (если предположить наличие такого эффекта) «будет стимулировать преступность богатых людей»? Даже если заплативший штраф бедный ответчик потеряет более высокую часть своих активов, чем богатый, то отсюда не следует однозначный вывод о том, что для него сдерживающий эффект наказания обязательно окажется выше. Мысленно сравним, например, возможную реакцию бедного ответчика, заплатившего 90 руб. из своих 100 руб. за попытку украсть в супермаркете упаковку чипсов, с реакцией чиновника, вынужденного за получение взятки в размере 100 тыс. руб. расстаться с суммой в 5 миллионов руб. из своих 10-ти миллионных сбережений, накопленных в течение многолетней службы. Маловероятно, что сдерживающий эффект наказания в таком случае окажет на чиновника более слабое действие, чем на бедняка.

Конечно, может сложиться и другая ситуация. Например, если активы бедного и богатого ответчиков отличаются своими размерами в 10 раз, а размеры нанесенного ими ущерба одинаковы, то в силу равных в этом случае штрафов, доля актива бедного ответчика, составляющая величину штрафа, в 10 раз превысит соответствующую долю актива богатого ответчика. В этом случае, действительно, равные размеры штрафов могут оказывать различающиеся по силе сдерживающие действия, но именно сдерживающие, а не стимулирующие.

Для того, чтобы в подобных случаях сдерживающий эффект наказания был одинаков для обоих ответчиков, величина штрафа должна возрастать с ростом актива ответчика. Однако в этом случае нарушается столь любимый юристами принцип равенства, предполагающий, что за одинаковые преступления должны следовать одинаковые наказания. Если более богатый ответчик и должен при прочих равных условиях подвергаться более строгому наказанию, то только потому, что он имеет, по мнению и Беккера [21, с. 321], и Познера [1, с. 308] больше возможностей для подготовки преступления и найма (в случае своего ареста) дорогого адвоката и, соответственно, больше шансов избежать наказания. Другими словами, вероятность наказания богатых правонарушителей ниже, чем бедных, и поэтому, согласно условию «преступление не окупаются» (1), для более богатого ответчика номинальное наказание должен быть строже.

Перейдя к вопросу об эффективности наказания в виде смертной казни М. Осипов приводит из работы Познера довольно пространную цитату, предварительно отметив ее справедливость. В силу того, что эта цитата, как оказалось, не имеет никакого отношения к его дальнейшим рассуждениям, ограничимся только ее первой фразой: «Смертная казнь также подкрепляется (хотя и сомнительно) соображениями предельного сдерживания» [1, с. 310].

Дальше передаем слово М. Осипову: «На самом деле ситуация далеко не однозначная. Дело все в том, что на самом деле смертная казнь оказывает сдерживающее воздействие на общество в целом, в том числе на нормальных людей, на которых такой же сдерживающий эффект оказало бы тюремное заключение или денежный штраф. Наказывая преступника смертной казнью, по сути дела мы наказываем не его, а то социальное окружение, его родных и близких, которые вынуждены страдать от того, что его любимого: мужа, отца, брата казнили по приговору государства. Подвергнутый смертной казни преступник никак не страдает, по крайней мере, в этом мире, но страдает его ближайшее социальное окружение. Более того, смертная казнь является неэффективным видом наказания ...» [17].

Автор приведенной цитаты безусловно прав в том, что ситуация с этим видом наказания очень непростая. В остальных его рассуждениях – налицо логические неувязки. Видно, что автор в недостаточной степени усвоил один из основных принципов экономической теории преступлений и наказаний: не понял, в чем именно она усматривает цель наказания. Если, согласно УК РФ (ст. 43, ч. 2), т.е. с точки зрения юриста, «Наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, а также в целях исправления осужденного и предупреждения совершения новых преступлений», то для экономиста только эта последняя цель и является единственной целью наказания преступника. Что же касается остальных целей, то первая из них (восстановление справедливости), по крайней мере, спорна, а вторая (исправление осужденного) зачастую находится в разительном противоречии с реальностью. Подробнее см. [22, с. 149-162].

Наказания снижают для преступника полезность от совершенного преступления. А в случае выполнения условия «преступление не окупается» (1), наказание делает преступление не выгодным. Вот этот сигнал для потенциальных преступников, рассматриваемых как рациональных агентов, и играет роль сдерживающего фактора.

Пассаж в приведенной цитате относительно страданий ближайшего социального окружения казненного преступника пронизан откровенной нелогичностью: ведь основная цель наказания, по мнению юристов, – достижение социальной справедливости. Познер анализирует целесообразность (заметим, что, по его словам, «сомнительную») смертной казни, которая может быть применена в качестве наказания только к тому преступнику, который совершил самое тяжелое (не тяжкое, тяжкое – юридический термин) преступление, состоящее, по крайней мере, в убийстве нескольких человек (в силу принципа предельного сдерживания). М. Осипов, сочувствуя родственникам казненного, почему-то полностью при этом игнорирует страдания родственников тех людей, которые до этого были убиты этим преступником, т.е. полностью забывает о социальной справедливости.

Утверждение М. Осипова о том, что «смертная казнь является неэффективным видом наказания» противоречит его же утверждению, что «смертная казнь оказывает сдерживающее воздействие на общество в целом». А ведь как раз в этом сдерживании и состоит, согласно экономической теории, цель наказания. Надо сказать, что тема целесообразности наказания в виде смертной казни давно волнует человечество. Мнения по этой проблеме самые различные.

Но вот, что говорит Ричард Познер – действующий в течение 36 лет (до 2017-го года) судья Апелляционного суда 7-го округа США: «Косвенным подтверждением того, что смертная казнь рассматривается убийцами как более строгое наказание, чем пожизненное заключение, является тот факт, что приговоренный к смертной казни практически никогда не отказывается от предложения заменить казнь пожизненным заключением без права освобождения» [1, с. 309]. Самого Познера нельзя считать сторонником применения этого наказания: «Поскольку наказание является столь

строгим и необратимым, издержки ошибочного вынесения приговора очень высоки» [1, с. 309].

Гордон Таллок отмечает, что до середины 20 века не было научно обоснованных попыток по изучению эффекта наказания. Первые серьезные эмпирические исследования проблемы сдерживающего эффекта наказания были проведены учениками Г. Беккера – Арлин Лейбович и Айзеком Эрлихом. Затем аналогичные исследования были проведены целым рядом других экономистов. Все исследователи пришли к аналогичным результатам: наказания сдерживают преступность [23; 24]. Не совпали у них только численные оценки значений эластичности различных видов преступлений по вероятности и строгости наказания [19, с. 70; 25, с. 215].

Проблему сдерживающего действия наказания в виде смертной казни для убийц А. Эрлих подверг тщательному теоретическому и эмпирическому исследованию. В результате им было установлено, что каждая казнь одного убийцы предотвращает от 7 до 15 убийств [19; 23; 25, с. 220; 26]. Однако, как замечает Г. Таллок, следует отличать вопрос сдерживает ли смертная казнь преступность от вопроса нужно ли ее применять.

Остальные «провалы», которые обнаружил в экономическом анализе права М. Осипов, мы не будем комментировать, так как они в значительной степени порождены уже выявленными некорректностями. Задержимся на рассмотрении одного очень важного аспекта, который позволяет более полно зафиксировать различия в подходах юриста и экономиста к правовому решению. Познер демонстрирует его на примере гипотетического несчастного случая. Правда, надо отметить, что его рассуждения лучше подходят для общего права.

Если адвокатов пострадавшего и ответчика волнует вопрос о том, кто и в какой мере виноват в данном несчастном случае, и какова должна быть справедливая сумма компенсации, то экономиста интересует вопрос относительно общей суммы издержек этого происшествия. Если юристов занимает именно данный конкретный случай, произошедший с их клиентами, и они ищут смягчающие и отягощающие обстоятельства, то «для экономиста этот несчастный случай – уже закрытая книга. Издержки, которые он вызвал, безвозвратно «истрачены». Экономиста интересует, как предотвратить будущие несчастные случаи, которые приводят к неоправданным издержкам, т.е. сократить сумму издержек несчастного случая и издержек его предотвращения» [1, с. 33-34]. Как видим, взгляд юриста направлен в прошлое, так как в данном случае его заботит вопрос о справедливости – о справедливом наказании виновного или справедливой сумме компенсации для потерпевшего, а взгляд экономиста – в будущее, так как его заботят вопросы эффективности и снижения такого рода издержек в будущем.

Заключение

В данной статье не нашлось места для обсуждения целей и приоритетов права, которые, в частности, провозгласил в завершающей фразе своей статьи А.М. Лушников: «...основами экономики являются эффективность, целесообразность, рациональность, детерминизм, а для права приоритет составляют справедливость, формальное равенство, свобода, гуманизм» [12, с. 87]. Здесь следует отметить, что заявленные приоритеты права, перечисленные через запятую, зачастую плохо согласуются друг с другом. Например, справедливость и гуманизм, формальное равенство и гуманизм, свобода и равенство. Есть все основания полагать, что многие войны и революции в истории человечества, в которых были пролиты реки людской крови, происходили во имя свободы и справедливости, но не имели к гуманизму никакого отношения. Если в силу гуманизма осуществляются амнистии, освобождаются от отбывания тюремного наказания тяжелобольные или престарелые осужденные, то куда девается приоритет формального равенства?

Кроме того, почему же в нарушении требования формального равенства одни граждане (например, первые лица государства) охраняются гораздо тщательнее других? А ответ прост – в силу экономической эффективности. Ибо экономия на их защите может повлечь огромные издержки. Пример – убийство в 1914-м году эрцгерцога Франца Фердинанда. А по какой причине игнорируется приоритет формального равенства для двух индивидов, осуществивших одинаковые преступления, но из которых один заключил и выполнил досудебное соглашение о сотрудничестве? Опять же – в силу

экономической эффективности, так как такое соглашение позволяет снизить издержки раскрытия преступления и/или ареста еще не задержанных преступников и/или отыскания награбленного и т.п.

Считаю необходимым подчеркнуть, что, несмотря на критический и потому, скорее всего, досадный для М. Осипова разбор его статьи, она является очень нужной и ценной. В отличие от многих других работ, посвященных экономическому подходу к праву, работа М. Осипова позволяет любому знакомому с этой теорией экономисту посмотреть на нее глазами юриста. Увидеть и прочувствовать те места и положения экономической теории, которые могут вызвать у юриста непонимание, неприятие или даже отторжение. Такой взгляд очень важен и полезен и для экономиста, и для юриста. Фактически он необходим для более полного и глубокого осмысления и самой теории, и способов ее обоснования и изложения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Познер Р. Экономический анализ права: в 2-х т. – СПб.: Экономическая школа, 2004. – 974 с.
2. Грехениг К., Гелтер М. Трансатлантические различия в правовой мысли: американский экономический анализ права против немецкого доктринализма // Вестник гражданского права. 2010. Т. 10. № 6. С. 207–278.
3. Тамбовцев В.Л. Право и экономическая теория. – М.: Инфра-М, 2005. – 224 с.
4. Карапетов А.Г. Экономический анализ права. – М.: Статут, 2016. – 528 с.
5. Шаблова Е.Г., Шибин А.В. Экономический анализ частного права: значение для правотворчества и правоприменения в Российской Федерации // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2012. № 6. С. 128-136.
6. Киреев Н.В. Моделирование преступного поведения в экономической теории // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 21. С. 91-95.
7. Королёва Е.А. Влияние экономического анализа права на юридическое мышление // Российский журнал правовых исследований. 2019. № 3(20). С. 109-114.
8. Бибик О.Н. Экономический подход при исследовании категории вины в уголовном праве // Правоприменение. 2018. № 4. С. 98-105.
9. Скакун О.Ф. К вопросу об эффективности взаимодействия правовой и экономической систем в контексте экономико-правового методологического подхода // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. № 1. С. 54-60.
10. Петракова С.А., Крылова Е.В. Правовой и экономической подход к анализу преступлений // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2020. № 2(95). С. 240-247.
11. Махтук С.О. Уголовное судопроизводство: на стыке права и экономики // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 2. С. 114–124.
12. Лушников А.М. “Экономический анализ права” и юриспруденция: различия и общие подходы // Русский закон. 2017. № 8(129). С. 79-89.
13. Ульбашев А.Х. Экономический анализ права или правовой анализ экономики // Сравнительное конституциональное обозрение. 2014. № 3(100). С. 135-143.
14. Одинцова М.И. Институциональная экономика. – М.: ГУ-ВШЭ, 2009. – 398 с.
15. Коуз Р. Фирма, рынок и право. – М.: Новое издательство, 2007. – 224 с.
16. Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория: Учебник / Под общей ред. проф. А.А. Аузана. – М.: Инфра-М, 2005. – 416 с.
17. Осипов М.Ю. Экономический анализ права: провалы, возможности, ограничения // Право и политика. 2017. № 6. С. 12-23.
18. Becker G. Crime and Punishment: An Economic Approach // Journal of Political Economy. 1968. Vol. 76. № 2. P. 169-217.
19. Латов Ю. Экономическая теория преступлений и наказаний // Вопросы экономики. 1999. № 10. С. 60-75.
20. Одинцова М.И. Экономика права – М.: ГУ ВШЭ, 2007. – 281 с.
21. Беккер Г.С. Избранные труды. Человеческое поведение: экономический подход. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 672 с.
22. Цуриков В.И. Институциональная среда и преступное поведение. – Кострома: КГСХА, 2006. – 248 с.
23. Tullock G. Does Punishment Deter Crime? // The Economics of Crime. – Cambridge, N. Y. ets. 1980. P. 127-136.
24. Ehrlich I. Participation in illegitimate Activities: A Theoretical and Empirical Investigation // Journal of Political Economy. 1973. V. 81. P. 521-565.
25. Латов Ю.В., Ковалев С. Н. Теневая экономика. – М.: НОРМА, 2006. – 336 с.
26. Ehrlich I. The Deterrent Effect of Capital Punishment: a Question of Life and Death // American

Economic Review. 1975. June. P. 397-417.

Economic analysis of law: search for failures and failure of search

Tsurikov Vladimir Ivanovich

doctor of economic sciences, professor,

Kostroma State Agricultural Academy, Kostroma, Russian Federation.

E-mail: tsurikov@inbox.ru

Annotation. The article is debatable in nature and presents a short overview of some works by Russian lawyers devoted to economic analysis of law. Whereas Russian lawyers before 2004 showed no interest in this research area, at present its existence can not be disputed. It turned out that the attitude to economic analysis of law, taking shape currently, is much heterogeneous and covers all possible shades of treatment: from in fact absolute approval to total rejection. Most lawyers whose works came to the attention of the author agree that “the need for research at the intersection of law and economics is now evident” and such studies may represent “a promising direction in the development of both law and economics”. Some of the lawyers apprehend “economisation of law”, believing that domination of economics over law is unacceptable. A proponent of the extreme position believes that “economisation” of legal norms leads to de-legitimation of law and therefore believes economic analysis of law to be a dead-end path of scientific cognition. The analysis of critical remarks aimed at identifying “breaches” in economic analysis of law shows that the shortcomings of economic theory identified by the authors of critical remarks are, in fact, a fruit of deficiency of their vision of that theory.

Keywords: economic analysis of law; common law; codified law; crime; punishment; deterrent effect of punishment

Экзогенные корни современных глобальных экономических кризисов

Родина Галина Алексеевна

доктор экономических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет», г. Ярославль, Российская Федерация.
E-mail: galinarodina@mail.ru

Бриллианте Наталья Степановна

доцент,
Римский университет Ла Сапиенца, г. Рим, Италия.
E-mail: natnalou@libero.it

Аннотация. Статья посвящена анализу такой особенности современных глобальных экономических кризисов, как их экзогенная динамика. Авторы вывели линию кризисных явлений мировой экономики за последние 100 лет, выделив на ней такие реперные точки, как Великая депрессия, Великая рецессия и выдвинув гипотезу о преобладании неэкономических корней экономических кризисов 20-х годов XXI века. Поставлена цель выявить, с одной стороны, мирохозяйственные риски, сформировавшиеся в течение 2022 года и затронувшие национальные интересы России; с другой стороны, обозначить окна возможностей для дальнейшего развития российской экономики с учётом этих рисков. В ходе исследования было установлено, что экзогенный кризис 2020-2021 годов, порождённый коронавирусной пандемией и мерами по преодолению её последствий, в качестве главной задачи выявил реструктуризацию экономики с учётом её деформации, а также распространения искусственного интеллекта и цифровизации. Авторы определили, что экзогенный кризис 2022 года, спровоцированный геополитическими событиями, внёс определённые коррективы в проблему структурного реформирования. Так, были выделены энергетические риски мировой экономики и соответствующие им российские внешнеторговые перспективы; риски раскручивания гонки вооружений и адекватные ответные меры со стороны Российской Федерации; риски замедления глобального экономического роста и отечественные экономические тренды на этом фоне; риски деглобализации и возможности России встроиться в блоковую модель глобализации в качестве лидера нового антиколониального техно-экономического блока. В итоге были сформулированы выводы относительно экономических перспектив по преодолению текущего кризиса.

Ключевые слова: экзогенный кризис, мировая экономика, энергетические риски, деглобализация, экономические санкции, антиколониальный техно-экономический блок, гонка вооружений, глобальный экономический рост.

JEL codes: F01; F02; F51; F53; F60

Для цитирования: Родина, Г.А. Экзогенные корни современных глобальных экономических кризисов / Г.А. Родина, Н.С. Бриллианте. - DOI 10.52957/22213260_2022_11_26. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2022 - №11. - С.26-39. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.11.2022)

DOI: 10.52957/22213260_2022_11_26

Введение

Словом 2022 года Оксфордский словарь назвал *goblin mode* («режим гоблина»), что интересно для анализа потребительского поведения на микроуровне; а вот применительно к мировой экономике самым популярным, по нашему мнению, должно стать словосочетание «экзогенный кризис» как кризис, не связанный с экономической динамикой. Экономический кризис, спровоцированный неэкономическими (политическими, медицинскими и пр.) факторами. Повесткой третьего десятилетия XXI века становится проблема, насколько экономика готова ответить на неэкономические вызовы? Такие шоковые кризисы нередко меняют траектории движения стран и их соотношения между собой.

Привычные макроэкономические и мирохозяйственные цепочки взаимозависимостей и модели попадают в турбулентность, за которой незримо следует тень – «неопределённость». Прежние

«если А, то В» перестают работать; «или-или» становятся «и, и»; причины меняются местами со следствиями. Так, мы исследовали актуальность закона Оукена и пришли к выводу о том, что наблюдаем начало разрушения взаимосвязи между уровнем безработицы и ВВП/ВРП [1]. Что в итоге выварится в этом кипящем бульоне, зависит от того, какой характер данная турбулентность приобретёт. Если развитие будет преимущественно эволюционным, то, как в известном анекдоте про пельмени, «если их сильно потрясти, то те, которые были сверху, окажутся снизу, а те, которые были снизу, окажутся сверху, однако все останутся в масле». Если практическая деятельность в экономике примет преимущественно революционный вид, то в миске может ни пельменей, ни масла не остаться [2].

Дискуссии о необходимости трансформации существующей мирохозяйственной модели ведутся давно. В кризисные периоды они активизируются.

Между 2010-ми и 2020-ми годами существует определённая зарифмованность в том смысле, что обе глобальные повестки выросли из глобальных кризисов: сначала это был кризис 2008-2009 гг., начавшийся как кризис американского ипотечного кредитования, переросший в финансовый и, наконец, эволюционировавший в полноценный мировой экономический, последствия которого сохраняются по сей день. Его уже окрестили Великой рецессией (по аналогии с Великой депрессией 1929-1933 гг.). Сейчас это кризис 2020-2021 гг., спровоцированный к-пандемией и мерами борьбы с ней, на который наложился текущий кризис 2022 года, порождённый беспрецедентным санкционным давлением на российскую экономику в связи с проведением СВО на Украине.

Очевидно, что основной задачей 10-х годов стало преодоление Великой рецессии, выход из этого кризиса, который растянулся, а основным содержанием стало расширение средств макроэкономической политики, используемых для стабилизации и стимулирования экономики, в лице целого арсенала нетрадиционных средств: вертолётные деньги, отрицательные процентные ставки, что трудно было до этого представить макроэкономистам, как и то, что такой массивный вброс денег в экономику не сопровождался бы раскручиванием инфляции. Акцент – на важности финансовой стабильности. Именно финансовая дестабилизация на рынке нетрадиционных финансовых инструментов (деривативов) дала толчок Великой рецессии. Все банки мира стали использовать разработанные стандарты новой пруденциальной политики.

К-кризис 2020-2021 гг. на первой стадии использовал инструменты, аналогичные тем, которые применялись в 10-е гг. (бюджетные и денежные смягчения, – чтобы просто затормозить спад производства и создать условия для выхода из него). На более поздней стадии, которая должна была начаться в 2022 г., главной задачей становилась не макроэкономическая, а структурная, поскольку основной спецификой к-кризиса стала деформация структуры экономики, утратившей способность восстановиться в прежнем виде. Многие сектора оказались под таким ударом, что стало ясно: и через 5 лет, к середине 20-х гг., спрос там не восстановится (индустрия туризма, общественное питание, авиаперевозки и вообще транспорт, бизнес недвижимости). Поэтому основной задачей стало изменение структуры экономики, создание новых рабочих мест совершенно в других секторах. Т.е. основное содержание 20-х гг., в отличие от 10-х гг., – не макроэкономическая стабилизация, а структурные преобразования. Кроме к-пандемии, высвободить рабочие руки будет распространение искусственного интеллекта и цифровизации, что потребует непрерывного процесса реструктуризации экономики. Общемировой тенденцией стало создание новых производства с новыми рабочими местами.

Кризис-2022, порождённый новыми экзогенными причинами, усилил потребность в структурных реформах, выдвинув на первый план проблему энергетических рисков мировой экономики.

Уроки кризиса 2008-2009 гг., когда отечественная экономика столкнулась с одними из самых тяжёлых последствий в мире из всех более-менее крупных стран, не прошли бесследно. Россия неплохо научилась держать шоки, связанные с падением цен на нефть и другими внешними экономическими

причинами. Справится ли она с новым экзогенным кризисом и усложнившейся задачей структурного реформирования?

Наша цель – выявить, с одной стороны, мирохозяйственные риски, сформировавшиеся в 2022 году и затронувшие национальные интересы России; с другой, – обозначить окна возможностей для дальнейшего развития национальной экономики с учётом этих рисков.

Результаты исследования

Энергетические риски мировой экономики

Два года назад нефть была признана умирающим топливом: «Согласно сценарию быстрого энергоперехода к низкоуглеродной энергетике (Rapid), мировой спрос на жидкое топливо, включая нефть и биотопливо, сократится почти вдвое и составит менее 55 млн баррелей в сутки к 2050 году. Доля нефти в мировом энергетическом балансе сократится с нынешней трети до 14%» [3]. Природному газу рисовались более прочные перспективы, но всё же на фоне тенденции к снижению его доли за счёт перехода на возобновляемую энергетику из-за жёсткой климатической политики Европы.

К концу 2022 года Европа не только отказываться от нефти и газа передумала, но даже возобновила закупки угля и дров. «Зелёная экономика» поставлена на паузу. Правда, после выхода более слабых, чем ожидалось, данных о производственной деятельности в Китае и опасений, что расширение ограничений из-за Covid-19 в этой стране снизит спрос, цены на нефть в октябре-ноябре упали. Импорт сырой нефти в Китай за первые три квартала года упал на 4,3% в годовом исчислении, что стало первым годовым снижением за период, как минимум, с 2014 года. Плохие данные по индексу менеджеров по закупкам (PMI) усиливают давление на нефтяные рынки после XX Всекитайского съезда КПК в октябре. Экспортные объёмы снижаются пятый месяц подряд. Нетрудно понять, что от политики Китая по «нулевой терпимости» к Covid-19 идёт прямая линия к сокращению деловой активности, и что пока такая политика остаётся в силе (а оснований утверждать обратное нет), она будет продолжать мешать нефтяному рынку.

В то же время ноябрьский прогноз Организации стран-экспортёров нефти (ОПЕК) придерживается мнения о росте спроса на нефть в течение следующего десятилетия, несмотря на увеличение использования возобновляемых источников энергии и электромобилей [4].

Казалось бы, обстановка для России складывается благоприятная. Однако эмбарго-санкционное давление на отечественную нефть лишает Россию самых выгодных рынков. В начале ноября страны G7 и Австралия договорились установить предельную цену на сырую российскую нефть на фиксированном уровне, а не на плавающем, меняющемся в зависимости от базовых цен на нефть [5]. Уровень цены может периодически пересматриваться, но она не будет «плавающей». Великобритания уже запретила транспортировку российской нефти выше этой цены. Международная группа клубов взаимного страхования судовладельцев (International Group of P&I Clubs), в которую входит 13 крупнейших страховых групп мира, контролирующих 90% рынка страхования морских перевозок, включилась в бойкот, объявленный Великобританией. Режим фиксированной цены вводится одновременно с европейским эмбарго – с 5 декабря. Смысл этого решения – в снижении маржи нефтяных компаний, а значит, и поступлений в российский бюджет. Пока это рамочное соглашение, оно, видимо, будет уточняться, в основном по поводу механизма определения потолка цены и периодичности его пересмотра. Россия ответила отказом поставлять нефть в страны, присоединившиеся к потолку цен на российскую нефть. Но в этом случае добыча нефти в РФ вынужденно упадёт, что приведёт к сокращению рентабельности и тому же самому снижению маржи.

Эмбарго ЕС, вступившее в силу в августе в составе пятого пакета санкций, обрушило российский экспорт угля в Европу на 77%, в месячном выражении до 1,3 млн тонн. При этом санкции запретили европейским компаниям не только покупать российский уголь, но и предоставлять страховые и финансовые услуги при его транспортировке в любые страны мира. В этих условиях попытка развернуть экспортные потоки не может спасти сырьевую экономику России. Средняя скидка на

российский коксующийся уголь, который поставляется в Индию, в сентябре составила 60%, а в летние месяцы достигала 70%, по сравнению с австралийскими марками. В итоге «восточные» поставки приносят убытки угольщикам. При отгрузке из порта Находки экспортёры теряют на каждой тонне 262 рубля, 2478 рублей достигает убыток в порту Мурманска и почти 3000 рублей в порту Тамани (Краснодарский край).

К тому же валюту, полученную за экспорт отечественных энергоносителей (за нефть – преимущественно американские доллары, за газ – преимущественно евро), мы не можем использовать из-за того, что она стала токсичной. Получается, что мы как бы подарили эти энергоносители, да ещё и недружественным странам.

Решение же о переходе в операциях с Китаем, крупнейшим в мире импортером сырой нефти, к расчётам в национальных валютах с учётом устойчиво положительного торгового баланса рождает новую проблему: зачем нам столько юаней?

В итоге внешнеторговые перспективы РФ, спрогнозированные ЦБ в докладе о денежно-кредитной политике 8 ноября 2022 года, выглядят неутешительно: российская экономика потеряет в текущем году 15-16% физических объёмов экспорта из-за санкций и замедления мировой экономики. При этом сжатие экспортных отраслей будет продолжаться годами: «в 2023 году экспорт в реальном выражении сократится ещё на 7,5-11,5% на фоне вступления в действие введённых санкций со стороны ЕС. В 2024 году сокращение замедлится до 1-3%, а в 2025 году возможен небольшой прирост до 2% за счет продолжающегося восстановления ненефтегазового экспорта и экспорта услуг». В части импорта экономика потеряет 22,5-23,5% в этом году, и восстановления не предвидится: в 2023-м импорт может прибавить 0,5%, а в 2024-м – 3-5%, то есть не больше четверти от утраченных объёмов [6].

Есть ещё один негативный аспект российских внешнеторговых перспектив. По оценке Института стран с переходной экономикой при Банке Финляндии, российская экономика стала одной из самых зависимых от импорта из Китая, уступив лишь Северной Корее. Ранее на Китай приходилась четверть поставок товаров в РФ из-за рубежа. Однако к ноябрю 2022 года доля его продукции в российском импорте выросла до 40%. Эта зависимость, считают финны, будет только усиливаться. С ними согласны ученые Норвежского института оборонных исследований, считающие, что это стало следствием «поворота России к Азии».

По мнению экономистов, в обмен на продолжение торговли КНР потребует у РФ дальнейших скидок на энергоресурсы. По китайским внешнеторговым данным, Китай закупает российскую сырую нефть на 16-17% дешевле, чем в других странах. До 2022 года таких скидок не было, теперь же китайские импортёры извлекают выгоду из этой ситуации. Эксперты утверждают, что, если Россия хочет организовать стабильно функционирующие цепочки поставок в обход западных санкций, она не сможет обойтись без помощи Пекина, однако «издержки таких схем будут съедать маржу». К тому же многие китайские компании опасаются вторичных санкций США.

Поэтому потоки российской нефти, хлынувшие в Азию после западных санкций и бойкота европейских покупателей, упёрлись в ограничения. Китайские НПЗ сокращают закупки из РФ с поставкой в декабре, отказываясь от партий, которые придут после вступления в силу европейского эмбарго. Трейдеры сообщили, что лишь 5-7 партий дальневосточного сорта ESPO с декабрьской поставкой проданы китайским клиентам, при том, что в прошедшие месяцы Россия экспортировала до 30 партий. Вместо российской нефти частные китайские НПЗ переключились на поставки из Бразилии и Западной Африки, хотя их стоимость выше. Государственные заводы, покупавшие Urals, который прежде уходил в Европу, отказываются от импорта этого сорта также из-за риска санкций. На китайских НПЗ утверждают, что нынешний дисконт в 25,5 долл. недостаточен, чтобы импорт российской нефти продолжался после введения декабрьских санкций. Международное энергетическое агентство (МЭА) прогнозирует, что для удержания экспортных потоков после декабрьских санкций России придется найти покупателей ещё на 3,3 млн баррелей нефти и нефтепродуктов. По мнению МЭА, эта задача невыполнима, и России в начале 2023 года придётся закрывать скважины. К концу

марта нефтяники потеряют до 2 млн баррелей ежедневной добычи, объёмы которой рухнут до минимумов с середины 2000-х годов.

Риски раскручивания гонки вооружений

Западные страны на фоне продолжающегося конфликта усиливают военные приготовления на стратегическую перспективу. Так, военное командование Германии заявило о необходимости провести масштабную реформу стратегии бундесвера. Генеральный инспектор немецкой армии Э. Цорн в документе под названием «Оперативное руководство для вооружённых сил» заявил, что на Германию потенциально могут напасть без предупреждения. По его мнению, стратегия предыдущих 30 лет, которая делала акцент на заграничных операциях, как в Афганистане, больше не соответствует нынешней ситуации. Вместо этого бундесвер должен сосредоточиться на надёжном сдерживании потенциального противника. Согласно плану, уже к 2024 году бундесвер сформирует как минимум одну полностью оснащённую и готовую к марш-броску дивизию численностью 10 тыс. человек [7]. В аналогичном духе высказался начальник генштаба чешской армии К. Ржека на ежегодном командном совещании [8]. По его мнению, сегодня армии нужно поддерживать уровень максимальной боеготовности, т.к. надеждам на то, что ситуация успокоится сама собой, не суждено было сбыться.

Эту инициативу профессиональных военных подхватили политики, определяющие направления макрополитики. Немецкий канцлер О. Шольц заявил, что Германия должна готовиться к дальнейшей эскалации на Украине, а потому одновременно укреплять обороноспособность и отстаивать экономическую независимость от какой-либо страны [9]. Примером наращивания оборонного потенциала бундесвера О. Шольц назвал новый оборонный фонд в размере 100 миллиардов евро. Свою недавнюю поездку в Китай он объяснил необходимостью сделать совместное заявление с председателем КНР Си Цзиньпином о неприемлемости использования ядерного оружия. Чтобы Германия не повторила больше сценарий экономической зависимости от России, О. Шольц призвал немецкий бизнес к разностороннему сотрудничеству с международными партнёрами, в том числе с Индией, Индонезией, Вьетнамом и Южной Кореей. Также Германия продолжает сокращать поставки товаров в Россию [10]. В октябре объём немецкого экспорта в Россию обвалился на 59% в годовом выражении. Россия откатилась на 12-е место в списке крупнейших экспортных рынков для немецкой экономики, хотя ранее держалась в топ-5.

После инцидента 15 ноября в Польше с украинской ракетой, которая убила двух человек, Германия решила передать Польше противоракетные комплексы, чтобы укрепить систему противовоздушной обороны страны и поддержать польское воздушное пространство с помощью истребителей Eurofighter и систем ПВО Patriot. Кроме того, Берлин может рассмотреть возможность развёртывания противоракетных систем в Словакии.

Тем временем сама Польша претендует на роль военной державы, противостоящей России [11]. Власти Германии, занимающей центральное место в вопросах военного обеспечения и логистики в Европе, до сих пор ещё спорят, смогут ли они достичь установленной для стран НАТО цели в 2% ВВП для расходов на вооружённые силы после того, как будет израсходован одобренный в этом году фонд на 100 млрд евро для инвестиций в оборону, и о том, что делать дальше. Бесконечные споры в Берлине о расходах на армию заставили американских военных отдавать предпочтение Польше, которая хочет повысить цель по военным расходам с 2,4% до 5% ВВП и добиться, чтобы страна располагала самыми мощными наземными силами в Европе.

Украина продолжает получать поддержку Запада, ведущие политики которого уверяют, что будут оказывать военно-политическую помощь Украине «столько, сколько потребуется». Глава Пентагона Л. Остин заявил, что Украина уже получила от США военную помощь на общую сумму более 20 млрд долларов, а за два дня до выборов в Конгресс Дж. Байден запросил у парламентариев дополнительные 37,7 млрд долларов для Украины, из которых 21,7 млрд должны пойти на нужды обороны. Динамика предоставления Соединёнными Штатами помощи Украине растёт. С февраля по

август объём помощи, по заявлению госсекретаря Э. Блинкена, составил 10 млрд долларов. К ноябрю эта сумма увеличилась до 20 млрд. Л. Остин подчеркнул, что Украине помогают и другие западные государства. Так, Великобритания отправила Украине высокоточные ракеты Brimstone-2 с лазерным наведением. Французы передали Киеву две батареи ЗПК Crotale и 18 гаубиц Caesar.

Параллельно активизировалось присутствие атомных подводных лодок у берегов Европы. Число заходов американских подлодок в Фаслейн в Шотландии, ключевую базу снабжения флота НАТО, в 2022 году выросло почти в два раза [12]. Усиление присутствия подлодок, в том числе вооружённых крылатыми ракетами Tomahawk с дальностью 1,6 тыс. км, отражает «приверженность США» защите союзников и партнёров, объясняло ранее командование американских ВМС. В то же время Пентагон начал подготовку к реализации обновлённой редакции военной доктрины, в которой назвал Россию «ядерной угрозой» для американской территории и стран-союзников. В документе говорится, что в военном планировании США учитывают, что конфликт с использованием конвенционального оружия с участием России имеет «потенциал эскалации до ядерного», причём «любого масштаба». В ближайшее десятилетие, согласно стратегии, Пентагон намерен провести «полномасштабную модернизацию» всех компонентов сил ядерного сдерживания. На смену баллистическим межконтинентальным ракетам Minuteman III, стоящим на вооружении с начала 1970-х гг., придут новые ракеты Sentinel, которые разрабатывает корпорация Northrop Grumman. Атомные подлодки класса Ohio, вооружённые 14 баллистическими ракетами каждая, которые строились с конца 1970-х до середины 1990-х гг., будут заменены на класс Columbia, первый из которых был заложен в октябре 2020 года и, как ожидается, войдет в состав флота в начале 2030-х гг. На смену стратегическим бомбардировщикам B-2A Spirit придёт B-21 Raider, который будет построен по технологии Stealth и, как ожидается, встанет на вооружение в 2026-2027 годах.

Подобные сценарии требуют от российской экономики адекватных ответных мер. 24 ноября Госдума приняла Закон о федеральном бюджете на 2023 год и плановый период 2024 и 2025 годов, свёрстанный с дефицитом на все три года [13]. Приоритетные сейчас расходы по статье «национальная оборона» увеличатся до 4,981 трлн рублей – на 43% по сравнению с суммой, заложенной в 3-летний бюджет, принятый год назад. По статье «национальная безопасность и правоохранительная деятельность», куда входят бюджеты МВД, Росгвардии, спецслужб, Следственного комитета, прокуратуры и системы ФСИН, правительство потратит 4,3 трлн рублей. По сравнению с 2022 годом, расходы вырастут в 1,5 раза – беспрецедентную величину за все время доступной статистики (с 2006 года). Предыдущий рекорд был установлен в 2012 году: тогда в ответ на протесты на Болотной площади финансирование силовиков увеличили на 46%. С учётом военного бюджета на армию, полицию и другие силовые ведомства бюджет-2023 потратит 8,8 трлн рублей, или каждый третий рубль расходов.

В то же время расходы по статье «национальная экономика» в 2023 году будут урезаны почти на 20% по сравнению с суммой, заложенной в уточнённую роспись бюджета-2022 – с 4,317 до 3,514 трлн рублей. Будет сокращено финансирование почти всех ключевых проектов экономического развития. Финансирование строительства дорог, заложенное в госпрограмму «Развитие транспортной системы», уменьшается на 26% – с 1,653 трлн рублей до 1,229 трлн. Финансирование госпрограммы «Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности» в 2023 году урезается на 30% – с 648,3 до 457,8 млрд рублей. Госпрограмма «Экономическое развитие и инновационная экономика» сжимается на 18% – с 169,6 до 138,2 млрд рублей. Госпрограмма «Развитие атомного энергопромышленного комплекса» теряет 27% финансирования – 81,2 млрд рублей против 111,3 млрд.

Эксперты, считая, что макроэкономические прогнозы, заложенные в трёхлетний бюджет, оптимистичны, утверждают, что в процессе исполнения более вероятны пересмотр планов по доходам и балансу вниз, а по расходам – вверх. Выше запланированных доходы могут оказаться только при более быстром восстановительном росте российской экономики после спада 2022 года, более высокой цене на нефть и другое сырьё, сохранении текущих или более высоких объёмов российского экспорта

(например, в результате смягчения западных санкций или быстрого нахождения путей их обхода), а также более слабого курса рубля, чем заложено в бюджет.

Риски замедления глобального экономического роста

Согласно обновлённому прогнозу МВФ, рост мирового ВВП составит в 2022 году 3,2% (после скачка на 6% в 2021 году), а в 2023 – 2,7%. Среднюю инфляцию по 2022 году в фонде ждут на уровне 8,7%, в 2023 году – на уровне 6,5%. Опубликованные 23 ноября предварительные индексы PMI за текущий месяц фиксируют сохранение депрессивной деловой конъюнктуры в отчитавшихся странах. За месяц до Рождества сводный индекс ниже психологической отметки и во Франции, которая до этого удерживалась выше уровня в 50 пунктов. В целом в Евроне общий индекс деловых настроений увеличился в ноябре до 93,7 пунктов против 92,7 в октябре [14]. Деловые настроения в промышленности, однако, снижаются – отрицательные темпы усилились до показателя -2,0 против октябрьских -1,2. Это отражает намерения части европейских предприятий относительно релокации производств, в частности, в США, где условия лучше европейских. По сути, единственный позитивный сегодня показатель – это австралийский PMI в промышленности, но и его цифры – хуже октябрьских. По оценке аналитиков Goldman Sachs, мировой рост составит в этом году 2,9%, а в следующем – всего 1,8%. Слабый рост станет результатом значительного ужесточения финансовых условий, затянувшегося энергетического кризиса в Европе, карантинных мер и проблем с рынком недвижимости в Китае [15].

В Goldman Sachs полагают, что Евроне и Великобритания уже находятся в рецессии, в основном из-за того, что высокие цены на энергоресурсы отрицательно влияют на доходы, потребление и промышленное производство, но спад в Европе будет незначительным (минус 0,1% в еврозоне, -1,2% в Великобритании в 2023 году). Это обусловлено тем, что «импорт российского газа уже был сокращён и при этом не обрушил экономическую активность». Спад в России составит 3,3% и 1,3% в 2022 и 2023 годах соответственно, а вот США избегают рецессии, считают в банке. Опубликованный 29 ноября индекс доверия потребителей в США в 11-м месяце составил 100,2 против 102,5 и 107,8 пунктов двумя месяцами ранее. В ноябре потребительское доверие снова снизилось, что, скорее всего, было вызвано недавним ростом цен на бензин и продукты питания. Индекс текущей ситуации продолжает снижаться и по-прежнему указывает на то, что экономика США потеряла восходящий импульс ближе к концу года. Ожидания потребителей в отношении краткосрочных перспектив оставались мрачными – вероятность рецессии всё ещё продолжает находиться на высоком уровне [16].

В опубликованном 22 ноября Economic Outlook ОЭСР улучшила значительную часть своих оценок на 2022 год, в то же время она видит перспективы следующего года более пессимистичными, чем полагала ранее. Мировая экономика переживает период слабого роста и устойчивой инфляции с повышенными рисками спада. Ожидается, что более жёсткая денежно-кредитная политика и более высокие реальные процентные ставки, повышенные цены на энергоносители, слабый рост доходов домохозяйств и снижение доверия негативно скажутся на экономическом росте в 2023 году [17, р.29].

Основным двигателем роста в 2023 и 2024 годах эксперты видят Азию; на основные азиатские страны с формирующимся рынком в 2023 году будет приходиться почти три четверти роста мирового ВВП. Тем не менее, азиатские площадки, равно как и фьючерсы на S&P500, перешли в красную зону.

При этом Китай перестал быть страной с дешёвой рабочей силой, а развитие экономики в списке приоритетов председателя КНР Си Цзиньпина уступило место политике импортозамещения. Кроме того, в Китае вновь ухудшается эпидемиологическая обстановка, отмечен рост смертности от коронавируса, а потому вероятность ужесточения карантинных мер существенно возрастает. На этом фоне Народный банк Китая (НБК), как и ожидалось, оставил неизменной ставку среднесрочного кредитования на отметке 3,65% годовых (в официальном установлении ставки участвуют 18 китайских банков). Также была сохранена и пятилетняя ставка на уровне 4,30% годовых. Рост потребительских цен в стране в октябре сократился: 2,1% в годовом выражении против 2,8% в сентябре. В ноябре все три официальных (от National Bureau of Statistics of China) индекса PMI по Китаю продолжили

своё дальнейшее погружение ниже психологической отметки в 50 пунктов. Композитный показатель упал до 47,1 против 49 пунктов в октябре. Промышленный индекс сократился до 48,0 пунктов против 49,2 пунктов месяцем ранее. В услугах падение ещё больше – 46,7 против 48,7. Это самые низкие показатели с апреля.

В свою очередь, рост потребительских цен в годовом сопоставлении в Японии обновил максимумы более чем за 30 лет и достиг в октябре уровня в 3,7% в годовом выражении против 3,0% в сентябре. Продолжают расти цены на топливо, не последнюю роль играет слабый курс иены, в защиту которой Bank of Japan периодически проводит интервенции, но они пока видимого успеха не имеют. Очевидно, что одна из ключевых старых проблем японской экономики – дефляция, уже ушла из текущей повестки дня. Теперь Bank of Japan будет бороться по другую сторону баррикад. Напомним, что Япония на данный момент – единственная страна в мире с отрицательной ключевой ставкой (минус 0,1%).

Экономический рост во всём мире замедляется невиданной в течение полувека инфляцией. Считается, что всплеск глобальной инфляции достигнет пика в канун Нового, 2023, года. Далее замедление роста спроса, улучшение предложения товаров и ужесточение денежно-кредитной политики в развитых странах может в течение следующих двух лет вернуть инфляцию к целям их Центробанков. Предполагается, что в рамках этой политики ФРС США повысит ставки на +50 б.п. в декабре, а затем на +25 б.п. в феврале, марте и мае при пиковой ставке по фондам в 5,00-5,25%. Европейский ЦБ повысит ставку на +50 б.п. в декабре и феврале и на +25 б.п. в марте и мае (предельная ставка 3,0%), хотя сохраняющееся устойчивое инфляционное давление может подтолкнуть ЕЦБ к более высокому уровню ужесточения денежно-кредитной политики.

На этом фоне в России экономические тренды лучше не становятся. По данным Росстата, объёмы промышленного производства в октябре 2022 года сократились, по сравнению с аналогичным периодом 2021 года, на 2,6% [18]. Одновременно отмечен сезонный рост производства по сравнению с сентябрём 2022 года на 5,3%, но он картину не меняет. В целом за десять месяцев 2022 года промышленное производство увеличилось лишь на 0,1% по сравнению с январём-октябрем 2021 года.

При этом в условиях усиливающихся санкций индекс предпринимательской уверенности в добывающих отраслях снизился за месяц на 1,0 п.п. (с -1,3% в сентябре 2022 года до -2,3% в октябре 2022 года). Число оптимистов, ожидающих роста выпуска в добывающей промышленности, снизилось по сравнению с сентябрём на 3 п.п. и сравнялось с долей пессимистов (по 9%). Однако 82% руководителей считают, что перспективы выпуска их продукции не изменятся, а останутся на текущем уровне.

Индекс предпринимательской уверенности среди руководителей предприятий и компаний в обрабатывающих отраслях снизился немного активнее – на 1,3 п.п. (с -1,7% в сентябре 2022 года до -3,0% в октябре 2022 года). Число оптимистов, ожидающих увеличения выпуска продукции в ближайшие три месяца, превысило долю пессимистов на 11 п.п. (21% руководителей ожидают роста производства, 10% – снижения). Тем не менее большинство респондентов (69%) не отмечают существенных изменений. По мнению руководителей предприятий, ключевыми препятствиями для роста являются неопределённость экономической ситуации, недостаточный спрос на внутреннем рынке и высокий уровень налогообложения.

Что касается самочувствия населения, то, по данным Сбериндекса, его расходы на товары и услуги увеличились в номинальном выражении на 6,1%,

а протоварная розница пребывает в своём привычном минусе: население сейчас сдержанно относится к масштабным покупкам, особенно крупным. Спрос на товары обусловлен во многом проходящими распродажами [19].

Риски деглобализации

«Чёрный лебедь» к-пандемии привнёс в мировую экономику такое ухудшение количественных показателей (особенно во втором квартале 2020 года), которое выходит за границы квантитативности и свидетельствует о качественных изменениях в мировой системе. Они чреватые хаотизацией

экономик больших стран, погружением в нищету значительных регионов, что не может не отразиться на управляемости и ведёт к деиндустриализации и дезинтеграции. В такие переломные моменты обостряется противоречие между прибыльностью и устойчивостью.

Крупный бизнес, заинтересованный в сохранении доступа к единому мировому пространству, отстаивает выгодность открытой экономики, апеллируя к теории сравнительного преимущества в международной торговле Д. Рикардо, и запугивает ужасами автаркии вплоть до сокращения национальных экономик вдвое [20]. Разумеется, второй закон термодинамики никто не отменял: экономический режим самообеспечения страны, в котором минимизируется внешний товарный оборот, приведёт к увеличению энтропии и деградации системы. Однако вопрос «капитанами глобализации» поставлен тенденциозно: ведь кроме двух полюсов – автаркии и открытости (иногда граничащей с распаханностью) – существует большое количество неких смешанных комбинаций. Это первый аспект рассматриваемой проблемы.

Так, октябрьский (2022 г.) доклад известного российского аналитического центра «Дискуссионный клуб «Валдай», исходя из возможности обратимости глобализации, подводит к мысли о необходимости создания новой модели мироустройства с опорой на «региональные пространства» [21]. О том, что Россия видит себя в качестве лидера как минимум на одном из таких пространств, прямо написал в своей статье директор департамента внешнеполитического планирования МИД России А.Ю. Дробинин. По его словам, «игроками глобального уровня будут политически консолидированные цивилизационные общности во главе с государством-лидером, например, Россия и евразийское содружество, Китай и восточноазиатское сообщество» [22].

В противостоянии «прибыль vs надёжность» побеждает надёжность. Москва долгое время пытается позиционировать себя за рубежом в качестве «экспортёра технического суверенитета и безопасности» и лидера нового антиколониального (т.е. антизападного) «техно-экономического блока». Это вписывается в наш прогноз двухлетней давности о переходе от планетарной к блоковой модели глобализации, «второй глобализации», глобализации в малом формате, сопровождаемой макрорегионализацией, протекционизмом, многополярностью и многовалютностью [23]. Однако на практике России не удалось добиться успехов в странах Ближнего Востока и Северной Африки, несмотря на то, что это направление рассматривается как приоритетное (ближневосточные ситуационные союзники считаются в РФ актуальными).

Если говорить о наших стратегических союзниках, то положение России в постсоветских странах продолжает осложняться. Банки Кыргызстана отказываются обслуживать карту «Мир». Казахстан проявляет всё меньше солидарности с РФ. Вслед за альтернативными маршрутами продаж нефти, учитывая ненадёжность поставок через порт Новороссийска, Казахстан решил торговать в обход России другим важнейшим экспортным товаром – ураном. Государственная корпорация «Казатомпром», крупнейший добытчик урана в мире, рассматривает возможность диверсификации каналов поставок своей продукции, которая занимает четверть мирового рынка и прежде уходила за рубеж преимущественно через РФ. Компания планирует активнее задействовать Транскаспийский международный транспортный маршрут: по Каспийскому морю, а затем через территорию Азербайджана и Грузии 3,5 тысячи тонн урана будут поступать в порты Чёрного моря, откуда суда доставят его покупателям. По новому маршруту «Казатомпром» планирует экспортировать примерно шестую часть своей ежегодной добычи (21,8 тысячи тонн в 2021 году). Плюс потеряно доверие Армении: Ереван предпочёл выстраивать отношения с США, которые активно включились в процесс урегулирования армяно-азербайджанского конфликта. Так, на саммите ОДКБ в Ереване 23 ноября 2022 г. премьер-министр Армении Н. Пашинян отказался подписывать проект декларации о совместных мерах помощи его стране, которые он посчитал недостаточными. А в Азербайджане в то же самое время демонстративно прошли «Дни НАТО». Провал российской дипломатии привёл к распаду постсоветских интеграционных структур. Да и Китай после XX съезда КПК не проявляет интереса к восстановлению «особых отношений с Москвой», больше не поддерживая наш лозунг

о многополярности мира, противопоставляя ему идею биполярности, в которой России, как самостоятельному полюсу, места нет.

На этом фоне информация о потенциальном расширении участников БРИКС может расцениваться весьма неоднозначно: к какому мировому лидеру, сильному в противостоянии США, готовы примкнуть его члены в рамках этого межгосударственного объединения?

Второй аспект идеи «обратимости глобализации»: насколько этот процесс «осыпания глобализации» продолжает сохранять, а то и увеличивать свою интенсивность в современных условиях? Не есть ли призывы к опоре на региональные пространства – ответный ход России на действия извне? С одной стороны, – на готовящуюся Евросоюзом новую долгосрочную стратегию отношений с Россией – её многолетнюю изоляцию. Проект такого документа, который заменит стратегию, действовавшую с 2016 года и предусматривавшую «частичное взаимодействие» с Россией по вопросам борьбы с терроризмом и «поддержку контактов людей», уже начал обсуждаться в Брюсселе [24]. Из проекта обновлённого документа эти пункты изъяты, а целью ЕС называется «международная изоляция России, введение и применение ограничительных мер», а также «предотвращение их нарушения».

С другой стороны, – на решение Министерства торговли США исключить Россию из списка стран с рыночной экономикой, что позволяет вводить новые ограничения, в частности антидемпинговые пошлины на импортируемые из России товары. США угрожали исключить Россию из этого списка за активное вмешательство правительства в экономику и её огосударствление ещё в августе 2021 года. Но Минфин США тогда не нашёл весомых оснований для исключения из списка. Теперь повод нашли в связи с начавшейся перестройкой российской экономики на военный лад.

Новые ограничения позволят США окончательно сделать торговые отношения односторонними. Перекос есть уже сейчас: экспорт товаров из США в Россию в сентябре 2022 г. достиг \$90,4 млрд – это максимум с марта. Америка зарабатывает на продажах своих товаров России, но Россия больше не может заработать на Америке. Товарная структура экспорта России в США сильно сузилась. Сначала правительство Дж. Байдена ввело эмбарго на российскую нефть, поставки которой оценивались в \$1,3-1,7 млрд в месяц, потом США полностью отказались от наших морепродуктов. Сейчас осталось только две значимых товарных позиции, с которыми работает Америка – удобрения и металлы (в первую очередь платина и палладий). Волей-неволей приходится искать опору в «региональном пространстве».

Заключение

Повесткой третьего десятилетия XXI века становится проблема, насколько экономика готова ответить на экзогенные, неэкономические, вызовы? Такие шоковые кризисы нередко меняют траектории движения стран и их соотношения между собой.

В прошлом номере Теоретической экономики (№ 10) мы сформулировали вывод о том, что в России экономика продолжает оставаться заложницей геополитики [25]. В данной статье мы можем распространить этот вывод на мировую экономику в целом, для которой конфликт на Украине является главным негативным фактором и в текущем 2022-м, и в наступающем 2023-м годах, подрывая перспективы роста и провоцируя рост цен на энергоресурсы и продукты питания. Это усложняет и диверсифицирует задачи структурного реформирования, затрудняемые разрывом международных цепочек поставок.

Текущий год, с одной стороны, подтвердил запрос на структурные преобразования мировой экономики; с другой, – внёс коррективы в этот запрос. Новыми пунктами современной повестки дня, наряду с распространением искусственного интеллекта и цифровизации, стали энергетическая устойчивость и расширение военно-промышленного сектора.

Мы считаем, что глобальный экономический фон становится всё более сложным и противоречивым для России. Его динамика не даёт (по состоянию на середину ноября 2022 года) оснований для оптимистического видения перспективы: окна возможностей есть, но они сужаются,

а риски для национальной экономики, порождаемые процессами, разворачивающимися в мировой экономике, увеличиваются. Экономические перспективы не указывают на скорое преодоление кризиса, который только нарастает, подпитываемый санкционным давлением.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Родина Г.А. Безработица Ярославского региона: общее и особенное // Вестник Ивановского государственного университета. Серия Экономика. – 2022. № 3 (53). С. 65-72.
2. Лукьянов Ф. Правила перестали действовать совсем. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/pravila-perestali-deystvovat-sovsem/>.
3. Нефть признана умирающим топливом. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4492328>.
4. Нефть не спешат хоронить. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5645479?ysclid=lapuhe758z819706461>.
5. US Partners Opt to Set Fixed Crude Price For Russia Oil Cap. November 4, 2022 (англ.). – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-11-03/us-partners-opt-to-set-fixed-crude-price-for-russia-oil-cap>.
6. Банк России. Доклад о денежно-кредитной политике. (8 ноября 2022). – URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/43452/2022_04_ddcp.pdf.
7. Gebauer M., Kormbaki M. Vorbereitung auf »aufgezwungenen Krieg« – Bundeswehr soll deutlich kampfkraftiger werden // Spiegel. November 14, 2022 (нем.). – URL: <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/bundeswehr-vertrauliches-strategiepapier-sieht-staerkung-der-kampfkraft-vor-a-daa2482e-c68f-4781-bb0a-50a6ad4b3408>.
8. Stratilík O. Obrana chce urychlit nákup bojových vozidel. I kvůli posílení východní hranice NATO. Červen 30, 2022 (чеш.). – URL: <https://ct24.ceska televize.cz/domaci/3545399-zive-velitelske-shromazdeni-ceske-armady-projednavu-planu-na-pristi-rok>.
9. Шольц призвал Германию быть готовой к дальнейшей эскалации войны в Украине. – URL: <https://www.dw.com/ru/solc-prizval-germaniu-byt-gotovoj-k-dalnejsej-eskalacii-vojny-v-ukraine/a-63847539?maca=rus-GK-Inoreader-Russian-21707-xml-media>.
10. Россия вылетела из топ-10 крупнейших экспортных партнеров Германии. – URL: <https://www.moscowtimes.eu/2022/11/21/rossiya-viletela-iz-top-10-krupneishih-eksportnih-partnerov-germanii-a26628>.
11. Meet Europe's coming military superpower: Poland. November 21, 2022 (англ.). – URL: <https://www.politico.eu/article/europe-military-superpower-poland-army/>.
12. Allison G. Huge increase in number of American submarines in Scotland // UK Defence Journal. November 27, 2022 (англ.). – URL: <https://ukdefencejournal.org.uk/huge-increase-in-number-of-american-submarines-in-scotland/>.
13. Федеральный закон от 05.12.2022 № 466-ФЗ, статья «национальная безопасность и правоохранительная деятельность» «О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов». – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212050007?ysclid=lbgy6r5xok601302806>.
14. Economic and Finance. Economic Governance Review. (англ.). – URL: https://economy-finance.ec.europa.eu/economic-forecast-and-surveys/business-and-consumer-surveys/download-business-and-consumer-survey-data/press-releases_en.
15. Macro outlook for 2023: this cycle is different. (англ.). – URL: <https://www.goldmansachs.com/insights/pages/macro-outlook-2023-this-cycle-is-different.html>.
16. The conference board. (англ.). – URL: <https://www.conference-board.org/topics/consumer-confidence>.
17. OECD Economic Outlook, Volume 2022 Issue 2. 230 p. (англ.). – URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/f6da2159-en.pdf?expires=1669112934&id=id&accname=guest&checksum=B681BDE6CCA8E90399EA61BCEAFBE5F>.
18. Динамика промышленного производства в октябре 2022 года. – URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/188355>.
19. СберИндекс. – URL: <https://sberindex.ru/ru/dashboards/ver-izmenenie-trat-po-kategoriyam>.

20. Мордашов предупредил о катастрофе для России от экономической изоляции. – URL: <https://www.rbc.ru/business/15/01/2021/60018a329a7947395c3b895c>.
21. Мир без сверхдержав. Ежегодный доклад клуба «Валдай». (24.10.2022). – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/mir-bez-sverkhderzhav-ezhegodnyy-doklad/>.
22. А.Ю. Дробинин. Уроки истории и образ будущего: размышления о внешней политике России // Международная жизнь. 2022. № 8. – URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2700>.
23. Родина Г.А. Пандемия COVID-19 как триггер перехода к новому мировому порядку / / Теоретическая экономика: электронное периодическое издание. 2020. № 11 (71). С. 31-38. – URL: www.theoreticaleconomy.ru.
24. EU moves toward new official Russia policy: Isolation. November 21, 2022 (англ.). – URL: <https://www.politico.eu/article/russia-isolation-european-union-policy/>.
25. Родина, Г.А. Экономическая теория на развилке: изменение повестки дня // Теоретическая экономика. 2022. № 10. С.68-77. – URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru>.

Exogenous roots of modern global economic crises

Rodina Galina Alekseevna

Doctor of Economics, Professor,
Yaroslavl State Technical University Yaroslavl, Russian Federation.
E-mail: galinarodina@mail.ru

Brillante Natalia Stepanovna

docent,
docent of Sapienza University of Rome Rome, Italy
E-mail: natnalou@libero.it

Annotation. The article is devoted to the analysis of such a feature of modern global economic crises as their exogenous dynamics. The authors have drawn a line of crisis phenomena of the world economy over the past 100 years. It highlighted such reference points as the Great Depression, the Great Recession. A hypothesis was put forward about the predominance of non-economic roots of the economic crises of the 20s of the XXI century. The goal is to identify, on the one hand, the global economic risks that have formed during 2022 and affected Russia's national interests. On the other hand, the goal is to identify windows of opportunity for further development of the Russian economy, taking into account these risks. In the course of the study, firstly, it was found that the exogenous crisis of 2020-2021, generated by the coronavirus pandemic and measures to overcome its consequences, identified the restructuring of the economy as the main task, taking into account its deformation, as well as the spread of artificial intelligence and digitalization. Secondly, the authors determined that the exogenous crisis of 2022, provoked by geopolitical events, made certain adjustments to the problem of structural reform. Thus, the energy risks of the world economy and the corresponding Russian foreign trade prospects were highlighted; the risks of an arms race and adequate response measures from the Russian Federation; the risks of slowing global economic growth and domestic economic trends against this background; the risks of deglobalization and Russia's ability to integrate into the block model of globalization as the leader of a new anti-colonial techno-economic bloc. As a result, conclusions were formulated regarding the economic prospects for overcoming the current crisis.

Keywords: exogenous crisis, world economy, energy risks, deglobalization, economic sanctions, anticolonial techno-economic bloc, arms race, global economic growth

Критерии эффективности мероприятий по адаптации национального хозяйства к изменениям климата

Тебекин Алексей Васильевич

доктор технических наук, доктор экономических наук, профессор,
МГИМО МИД России, МГУ им. М.В. Ломоносова, ФГБОУ ДПО «ИПК», г. Москва, Россия.
E-mail: Tebekin@gmail.com

Ломакин Олег Евгеньевич

доктор экономических наук, кандидат технических наук, ректор,
ФГБОУ ДПО «Институт повышения квалификации руководящих работников и специалистов», г. Москва, Россия.
E-mail: rector@ipkmeteo.ru

Аннотация. В предложенном материале дан отклик на монографию М.А. Сажинной «Управление экономическими кризисами: рассмотрены современные проблемы адаптации мирового и национального хозяйства к глобальным климатическим изменениям. Представлены результаты анализа известных исследований и документов, посвященных проблеме адаптации к изменениям климата. Выполнена оценка проблем определения эффективности запланированных и реализуемых мероприятий по адаптации к изменениям климата. Показан недостаточный уровень проработки количественных критериев оценки эффективности мероприятия по адаптации национального хозяйства климатическим изменениям в силу учета только вероятного ущерба (негативных последствий изменения климата) Предложены критерии оценки эффективности мероприятий по адаптации национального хозяйства к изменениям климата, учитывающие как ожидаемые негативные, так и вероятные позитивные последствия изменения климата.

Ключевые слова: критерии оценки, эффективность мероприятий, адаптация национального хозяйства, изменения климата.

JEL codes: C22, F63, O11, Q1, Q54, R11

Для цитирования: Тебекин, А.В. Критерии эффективности мероприятий по адаптации национального хозяйства к изменениям климата / А.В. Тебекин, О.Е. Ломакин. - DOI 10.52957/22213260_2022_11_40. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2022 - №11. - С.40-55. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.11.2022)

DOI: 10.52957/22213260_2022_11_40

Введение

В настоящее время все человечество обеспокоено ускорением изменений климата на планете, происходящих под влиянием как антропогенных факторов (аэрозоли, землепользование, сжигание топлива, скотоводство и др.), так и под влиянием неантропогенных факторов (вулканизм, солнечное излучение, тектоника литосферных плит, циклы Миланковича и т.д.).

Одной из ключевых проблем в изменении климата на Земле специалисты называют проблему глобального потепления, которое в свою очередь вызывает выделение диоксида углерода (углекислого газа), превышение норм которого в атмосфере ведет к необратимым процессам.

Как заявлял в свое время генеральный секретарь Всемирной метеорологической организации Мишель Жарро: «Мы не видим CO₂. Это невидимая угроза, но вполне реальная. Это означает повышение глобальных температур, увеличение числа экстремальных погодных явлений, таких, как паводки, таяние льдов, подъем уровня моря и увеличение кислотности океанов» [1].

В этих условиях мировое сообщество в лице Организации объединенных наций среди семнадцати целей устойчивого развития (рис.1) [2], разработанных и принятых в 2015 году Генеральной ассамблеей ООН [3] в качестве «плана достижения лучшего и более устойчивого будущего для всех»

особо выделяет Цель №13 – «Борьба с изменением климата» [4].

Рисунок 1 - Семнадцать целей устойчивого развития, разработанных и принятых в 2015 году Генеральной ассамблеей ООН в качестве «плана достижения лучшего и более устойчивого будущего для всех» в качестве повестки дня улучшений за 15 лет (до 2030 года).

Источник: United Nations

Следует отметить, что проблемы глобального потепления достаточно серьезным образом затрагивают национальное хозяйство. Достаточно упомянуть, что, согласно статистическим наблюдениям Росгидромета, за последнее десятилетие среднегодовая температура воздуха у поверхности Земли на территории Российской Федерации растет в среднем в 2,6 раза выше, чем средняя глобальная температура воздуха на планете (0,47°C против 0,18°C) [5]. При этом в области существенных изменений климата находится значительная часть территории страны [5].

Для решения указанных сложных проблем изменения климата в Российской Федерации в 2009 году была принята Климатическая доктрина [6], в которой в качестве стратегической цели политики в области климата определено «обеспечение безопасного и устойчивого развития Российской Федерации, включая институциональный, экономический, экологический и социальный, в том числе демографический, аспекты развития в условиях изменяющегося климата и возникновения соответствующих угроз» [6].

Во исполнение принципов и для достижения целей Климатической доктрины Российской Федерации [6] в 2019 году Правительством РФ был принят Национальный план мероприятий первого этапа адаптации к изменениям климата на период до 2022 года [5] (далее – Национальный план или НП).

Для оценки эффективности мероприятий по адаптации национального хозяйства к изменениям климата (АИК), реализуемых как в рамках Национального плана адаптации [5], так и в рамках других национальных, региональных и международных проектов и программ возникает объективная необходимость и актуальность формирования и развития соответствующих критериев оценки эффективности.

Цель исследований

Целью представленных исследований является формирование и развитие системы критериев оценки эффективности мероприятий по адаптации к изменениям климата, реализуемых в рамках соответствующих региональных, национальных и международных планах, проектах и программах.

Методическая база исследований

Методическую базу исследований составили известные труды, посвященные оценке эффективности мероприятий по АИК таких авторов, как Бобылев П. [7], Гашо Е. [8] и др., Клапцов В.М. [9], Кобышева Н. В., Акентьева Е. М., Галюк Л. П. [10], Куделькин Н.С. [11], Липка О., Романовская А., Семенов С. [12], Макаров И.А., Степнов И.А. [13], Медведков А.А. [14], Сенова О.Н. [15], Серебрицкий И.А. [16], Хенфри Т. и Пенья-Лопес Г. [17], Яблоков В. [18] и др.

Методическую базу представленных исследований также составили авторские работы по проблемам изменения климата и адаптации к ним [19-21] и др.

Методическую базу исследований составили также актуальные документы (доклады, материалы рабочих групп и семинаров, методические рекомендации, отчеты, планы, приказы, распоряжения, сообщения, стандарты и т.д.) по рассматриваемой теме [5,22-31] и др.

Основное содержание исследований

Анализ известных работ, посвященных исследованиям процессов изменения климата показал, что при наличии большого количества работ, затрагивающих проблемы изменения климата, существует достаточно мало исследований, посвященных оценке эффективности мероприятий по АИК управляемых хозяйственных систем.

В то же время в современных условиях весьма важно получить информацию, например, о том, насколько эффективно выполняются мероприятия первого этапа АИК на период до 2022 года национального плана [5] федеральными органами исполнительной власти (ФОИВ), региональными органами исполнительной власти (ОИВ) и отраслевыми структурами управления?

С точки зрения практической реализации мероприятий национального плана [5] большое значение имеет не только и не столько оценка эффективности мероприятий организационного, нормативно-правового и методического обеспечения процессов адаптации (рис.2), или оценка эффективности информационного и научного обеспечения процессов адаптации (рис.3), сколько оценка эффективности отраслевых и региональных мер адаптации (рис.4).

При этом очевидно, что без инструментов анализа эффективности мер АИК и контроля за реализацией национального плана [5], отраслевых и региональных планов АИК (рис.2), будет затруднительно провести качественную оценку эффективности и достаточности мероприятий первого этапа национального плана АИК на период до 2022 года [5] (рис.2).

Если обратиться к материалам Приказа Министерства экономического развития РФ «Об утверждении методических рекомендаций и показателей по вопросам адаптации к изменениям климата» [28], то там представлены показатели достижения целей АИК на федеральном (рис.5), отраслевом (рис.6) и региональном (рис.7) уровнях.

Таким образом, представленные в методических рекомендациях и показателях по вопросам АИК Минэкономразвития РФ [28] критерии оценки эффективности сводятся к оценке негативных последствий влияния изменений климата, выражаемые в оценках эффективности мероприятий по АИК, которая сводится к определению уровня ущерба и экономической уязвимости хозяйственной и иной деятельности, в то время как в Национальном плане [5] поставлена задача учета влияния как негативных, так и позитивных последствий ожидаемых изменений климата для Российской Федерации [5].

Недостаточно релевантной информации о возможностях оценки эффективности мероприятий по АИК содержат и другие известные работы, и документы.

Так, например, в Докладе о научно-методических основах для разработки стратегий адаптации к изменениям климата в Российской Федерации (в области компетенции Росгидромета) [24] в разделе «Обоснование адаптационных мероприятий и оценка их эффективности» для оценки эффективности мероприятий по АИК приводятся экономические методы для принятия решений с целью управления рисками и выбора адаптационных мер, рассматриваемые Центром управления рисками и принятия решений Университета Пенсильвания [33], включая:

- метод анализа затрат и выгод («затраты – выгоды»)

- метод анализа «риск – эффективность»
- метод многокритериального анализа, используемого в условиях неопределенности).

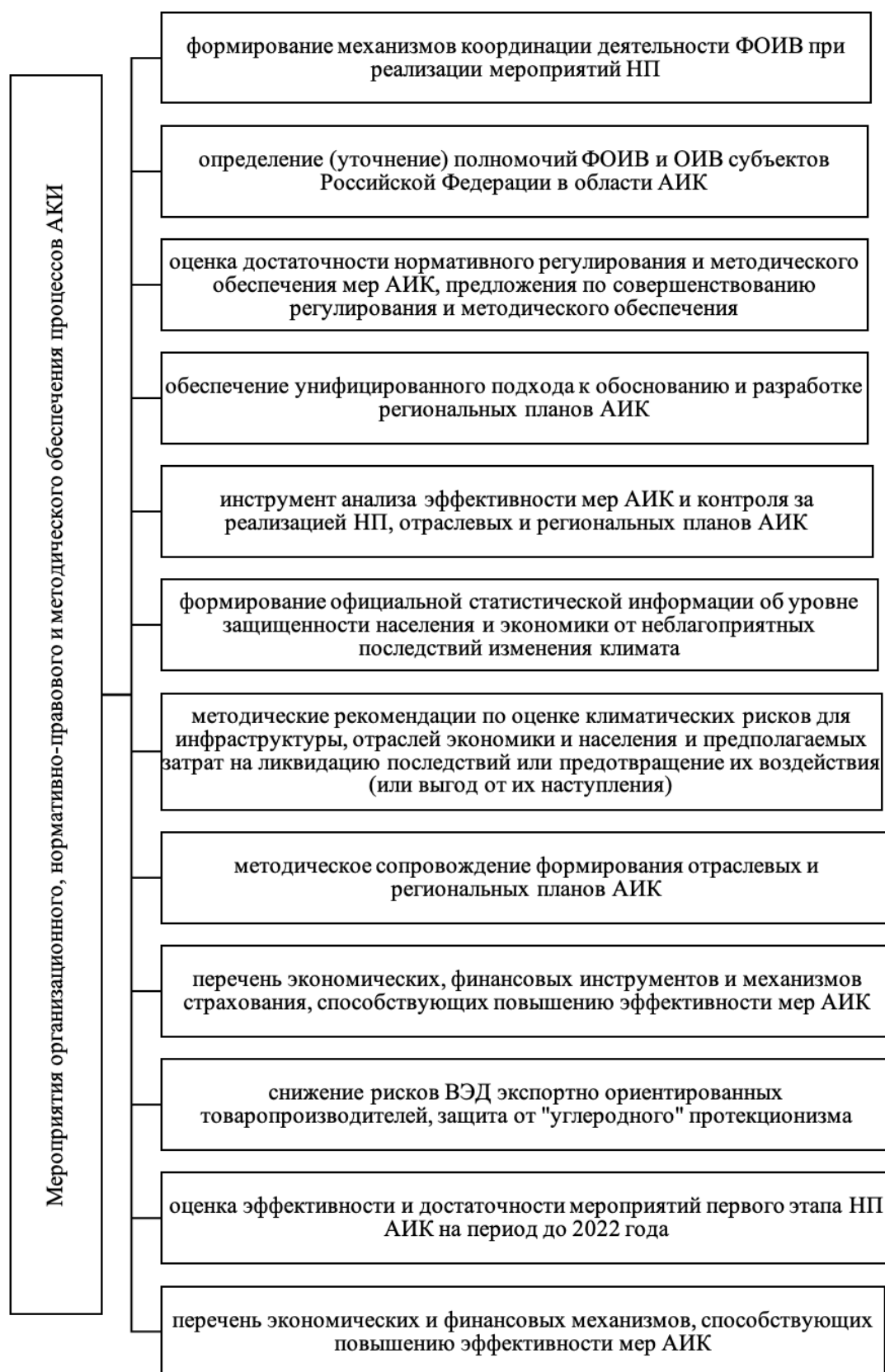

Рисунок 2 - Ожидаемые результаты мероприятий организационного, нормативно-правового и методического обеспечения процессов адаптации к изменениям климата Национального плана.
 Источник: Национальный план мероприятий первого этапа адаптации к изменениям климата [5]

Рисунок 3 - Ожидаемые результаты мероприятий информационного и научного обеспечения процессов адаптации к изменениям климата Национального плана.

Источник: Национальный план мероприятий первого этапа адаптации к изменениям климата [5]

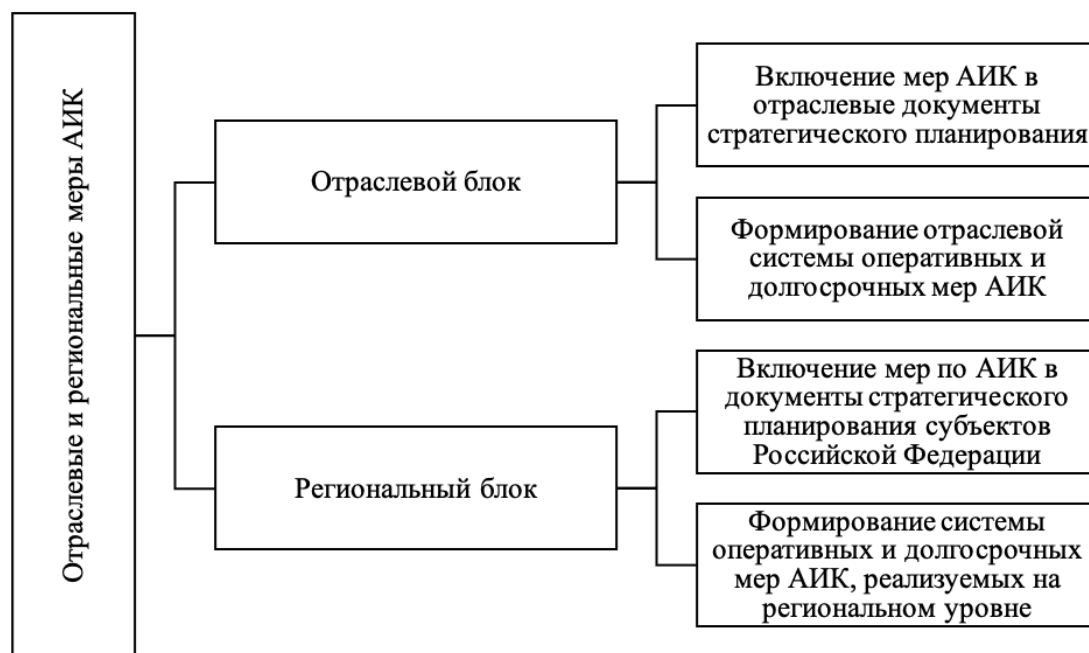

Рисунок 4 - Ожидаемые результаты отраслевых и региональных мер адаптации к изменениям климата Национального плана.

Источник: Национальный план мероприятий первого этапа адаптации к изменениям климата [5]

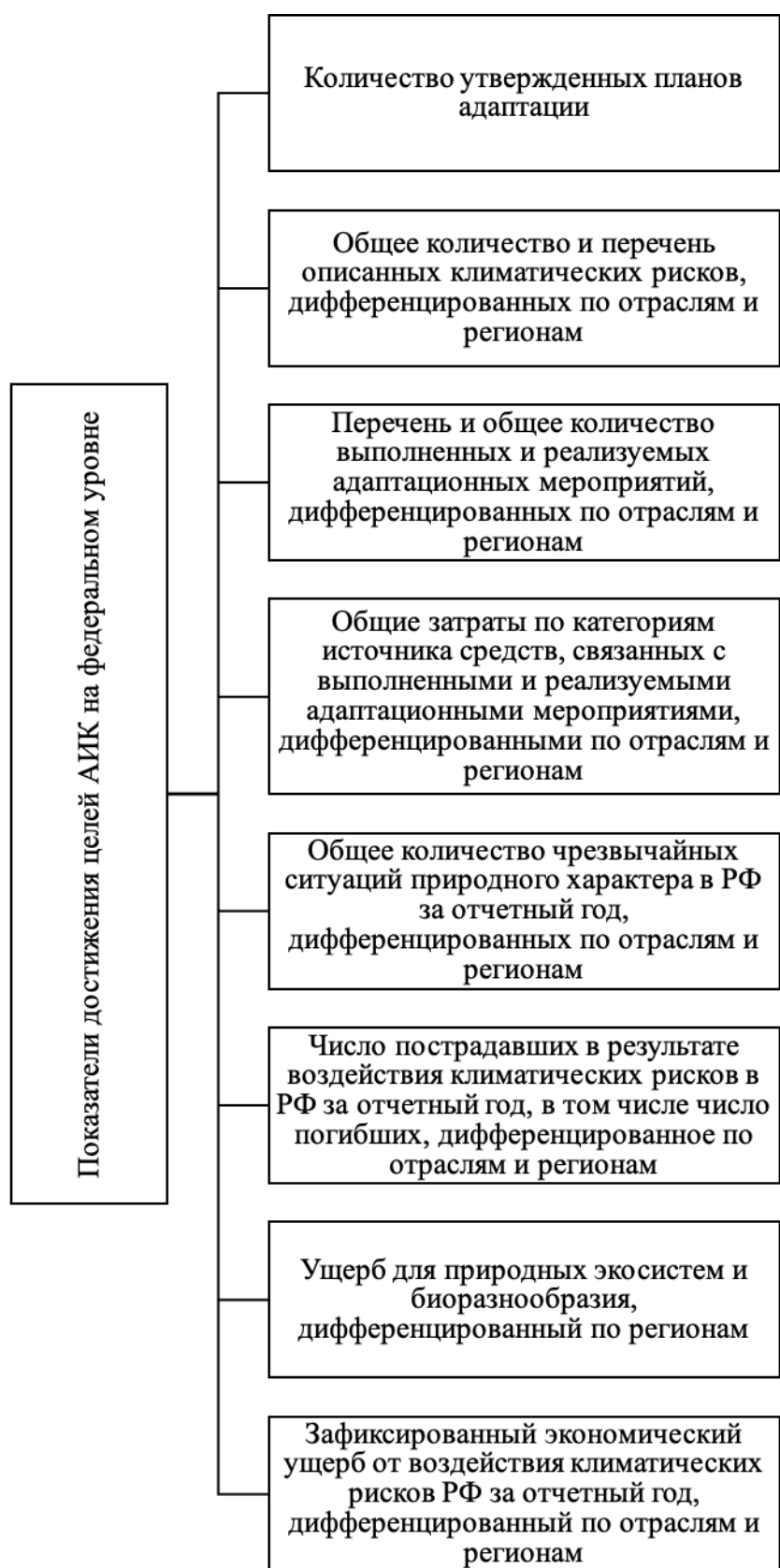

Рисунок 5 - Показатели достижения целей АИК на федеральном уровне, зафиксированные в методических рекомендациях и показателях по вопросам АИК Минэкономразвития РФ.

Источник: Приказ Министерства экономического развития РФ [28]

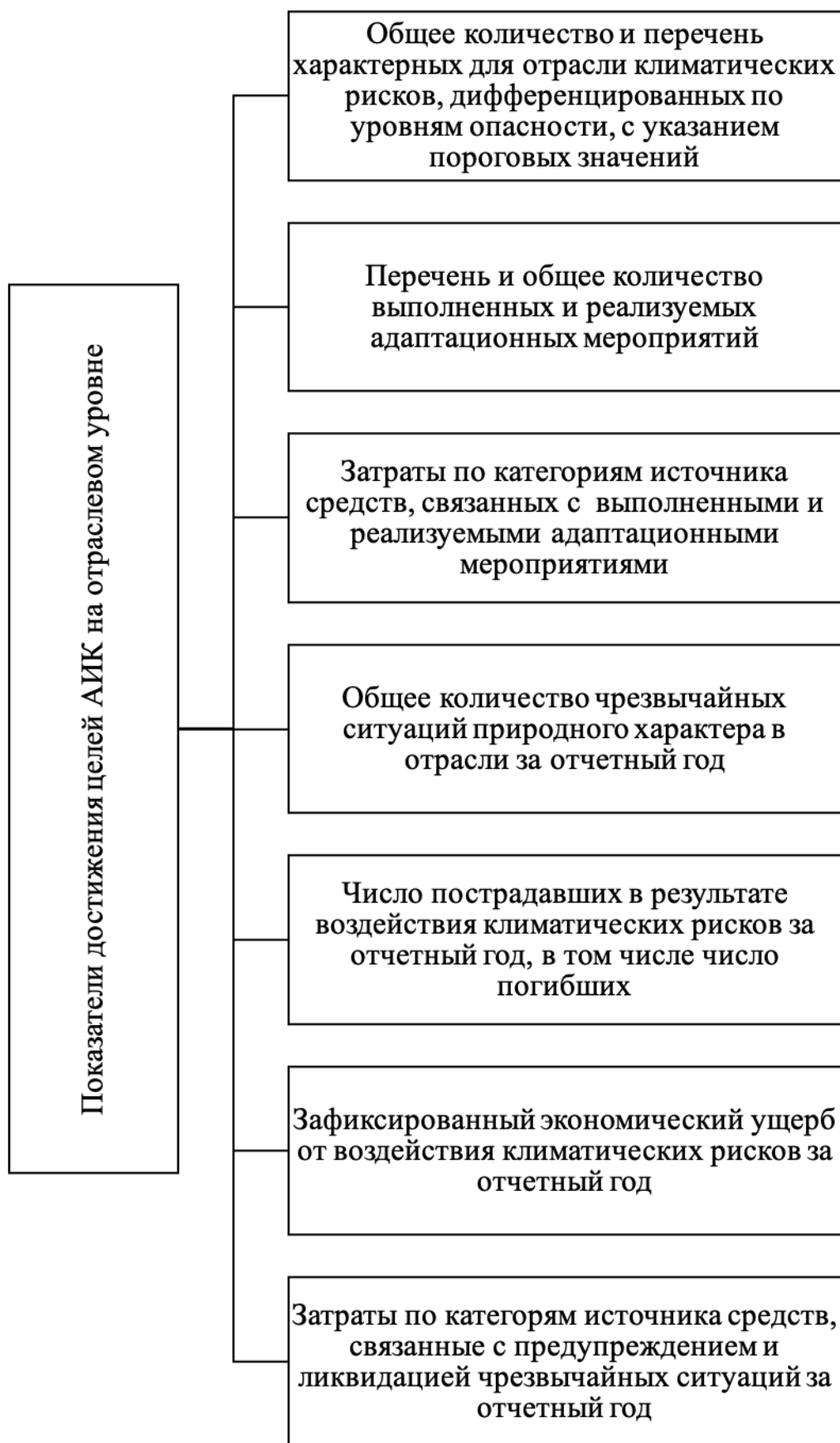

Рисунок 6 - Показатели достижения целей АИК на отраслевом уровне, зафиксированные в методических рекомендациях и показателях по вопросам АИК Минэкономразвития РФ.

Источник: Приказ Министерства экономического развития РФ [28]

Рисунок 7 - Показатели достижения целей АИК на региональном уровне, зафиксированные в методических рекомендациях и показателях по вопросам АИК Минэкономразвития РФ.

Источник: Приказ Министерства экономического развития РФ [28]

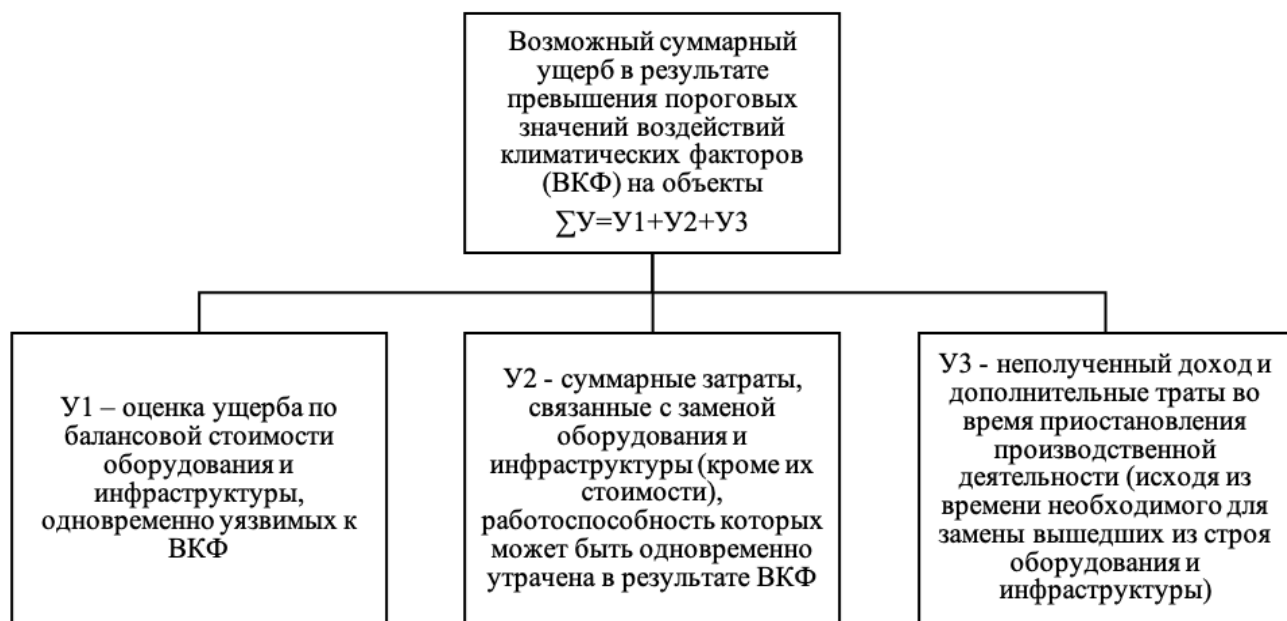

Рисунок 8 - Оценка возможного ущерба в результате превышения пороговых значений.

Источник: Приказ Министерства экономического развития РФ [28]

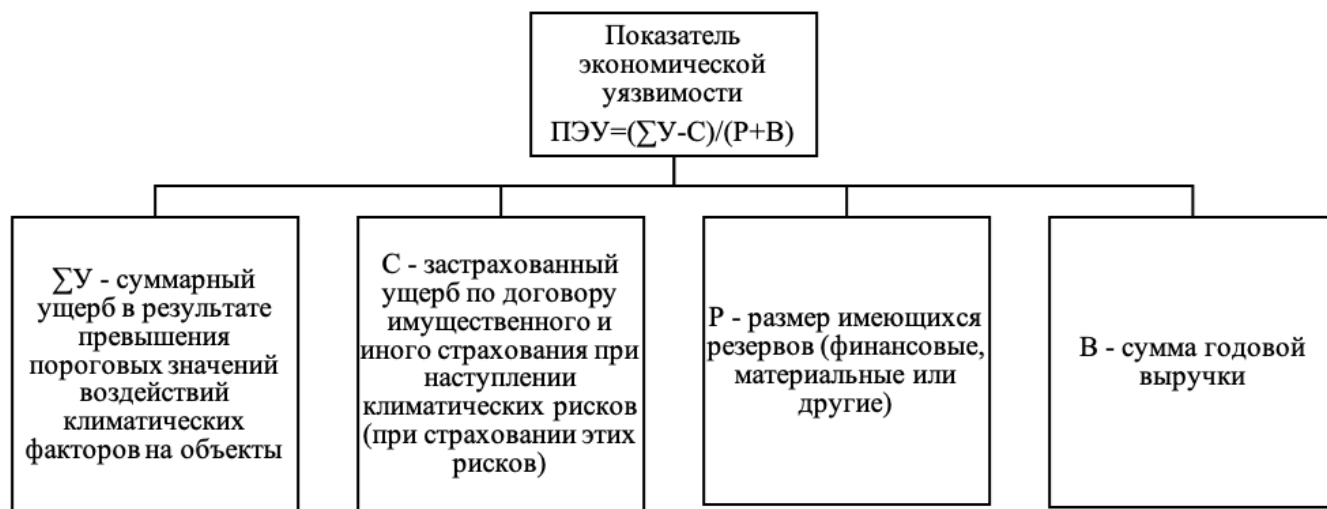

Рисунок 9 - Оценка экономической уязвимости хозяйственной и иной деятельности.

Источник: Приказ Министерства экономического развития РФ [28]

Очевидно, что представленные общеизвестные методы в большей мере носят монетарный характер и связаны с оценкой выгод и рисков от действия, в то время как при оценке эффективности мероприятий по АИК, реализуемых в рамках региональных, национальных и международных планов, проектов и программ в первую очередь требуется оценить риск бездействия в вопросах АИК по сравнению с перспективами и результатами действий по адаптации.

Опираясь на этот посыл, авторами данной работы, в основу формирования количественных критериев оценки эффективности мероприятий по АИК были положены требования Национального плана [5], по учету как негативных (рис.10), так и позитивных (рис.11) последствий ожидаемых изменений климата для Российской Федерации.

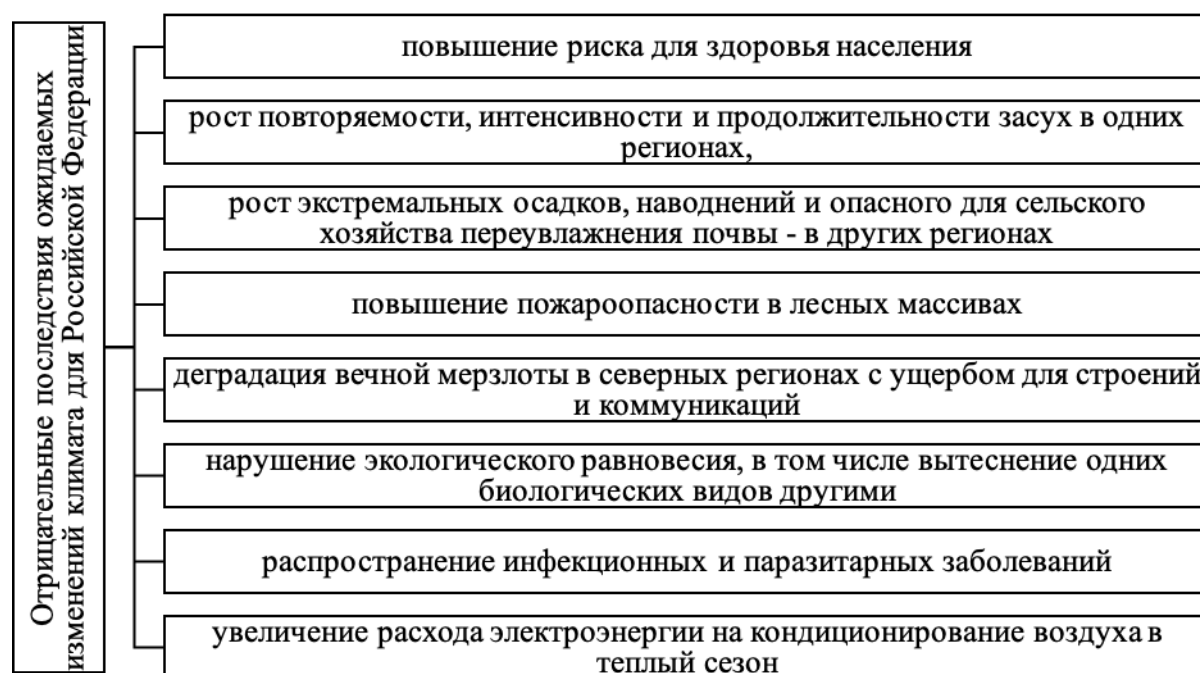

Рисунок 10 - Направления учета влияния негативных последствий ожидаемых изменений климата для Российской Федерации.

Источник: Национальный план мероприятий первого этапа адаптации к изменениям климата [5]

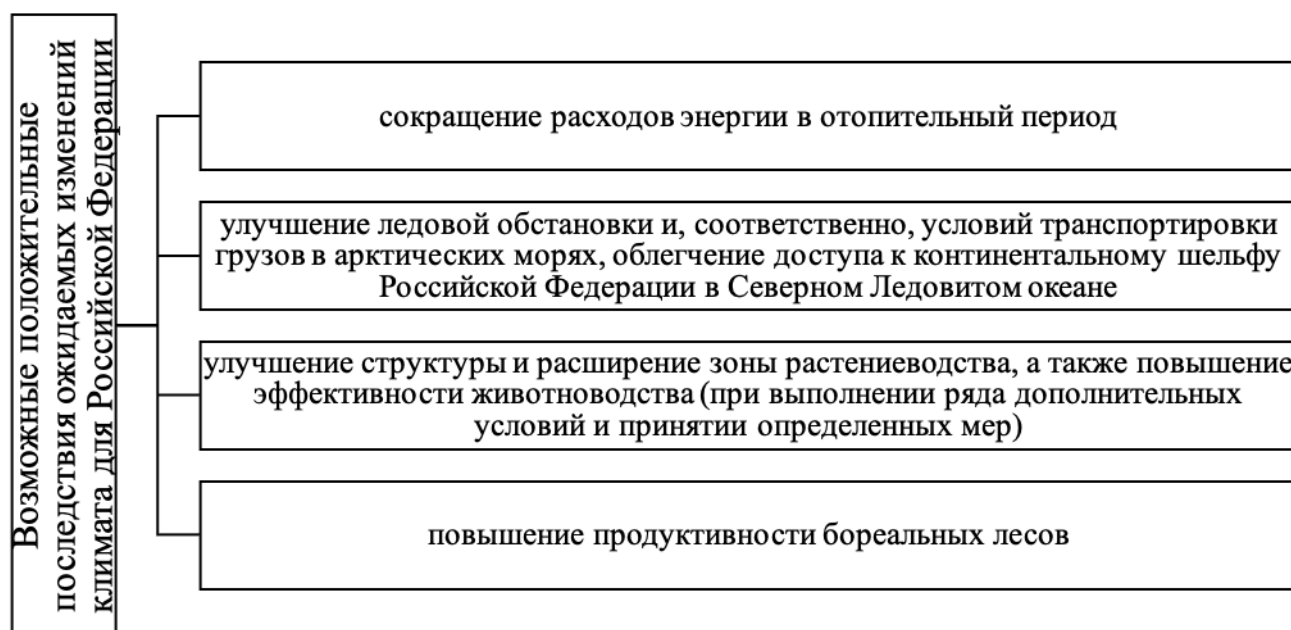

Рисунок 11 - Направления учета возможных положительных последствий ожидаемых изменений климата для Российской Федерации.

Источник: Национальный план мероприятий первого этапа адаптации к изменениям климата [5]

Опираясь на требования Национального плана [5], авторами в работе [20] был сформирован обобщенный критерий оценки эффективности мероприятий по АИК КЭМ:

$$\text{КЭМ} = \text{КПП} + \text{КНП}, \quad (1)$$

где КПП – оценка эффективности мероприятий, обеспечивающих позитивные последствия в результате АИК, определяемая из соотношения:

$$\text{КПП}=\text{ЭСЭРМ}-\text{ЭСЭРБМ}, \quad (2)$$

ЭСЭРПМ- эффективность социально-экономического развития страны в результате реализации мероприятий, обеспечивающих позитивные последствия в результате АИК;

ЭСЭРБПМ- эффективности социально-экономического развития страны без реализации мероприятий по АИК;

КНП – оценка эффективности мероприятий, обеспечивающих снижение негативных последствий изменениям климата в результате адаптации процессов социально-экономического развития страны, определяемая из соотношения:

$$\text{КНП}=\text{ЭСЭРНМ}-\text{ЭСЭРБНМ}, \quad (3)$$

ЭСЭРНМ- эффективность социально-экономического развития страны в результате реализации мероприятий, обеспечивающих локализацию негативных последствий в результате АИК;

ЭСЭРБНМ- эффективности социально-экономического развития страны без реализации мероприятий, обеспечивающих локализацию негативных последствий в результате АИК.

Поскольку в большинстве исследований основное внимание уделяется оценке негативных последствий влияния изменений климата на процессы социально-экономического развития, в данном рассмотрении основное внимание было уделено детализации оценки эффективности мероприятий, обеспечивающих позитивные последствия в результате АИК, КПП (2).

Проведенные исследования показали, что детализированная оценка эффективности мероприятий, обеспечивающих использование позитивных последствий в результате АИК Коэпп, может быть представлена в виде:

$$K_{\text{оэпп}} = \frac{\mathcal{E}_{\text{ДПО}} + \Delta\mathcal{E}_{\text{ДП}}}{\mathcal{E}_{\text{ДПО}}} + \frac{\mathcal{E}_{\text{ППО}} + \Delta\mathcal{E}_{\text{ПП}}}{\mathcal{E}_{\text{ППО}}} + \frac{\mathcal{E}_{\text{РЭГВКО}} + \Delta\mathcal{E}_{\text{РЭГВК}}}{\mathcal{E}_{\text{РЭГВКО}}} + \frac{\mathcal{E}_{\text{СХО}} + \Delta\mathcal{E}_{\text{СХ}}}{\mathcal{E}_{\text{СХО}}} + \frac{\mathcal{E}_{\text{РИО}} + \Delta\mathcal{E}_{\text{РИ}}}{\mathcal{E}_{\text{РИО}}} \quad (4)$$

где $\mathcal{E}_{\text{ДПО}}$ – исходный уровень эффективности сферы добывающих производств (до реализации мероприятий по АИК);

$\Delta\mathcal{E}_{\text{ДП}}$ – приращение уровня эффективности сферы добывающих производств при реализации мероприятий по АИК;

$\mathcal{E}_{\text{ППО}}$ – исходный уровень эффективности сферы перерабатывающих производств (до реализации мероприятий по АИК);

$\Delta\mathcal{E}_{\text{ПП}}$ – приращение уровня эффективности сферы перерабатывающих производств при реализации мероприятий по АИК;

$\mathcal{E}_{\text{РЭГВКО}}$ – исходный уровень эффективности сферы распределения электроэнергии, газа, воды и кондиционирования (до реализации мероприятий по АИК);

$\Delta\mathcal{E}_{\text{РЭГВК}}$ – приращение уровня эффективности сферы распределения электроэнергии, газа, воды и кондиционирования при реализации мероприятий по АИК;

$\mathcal{E}_{\text{СХО}}$ – исходный уровень эффективности сферы сельского хозяйства (до реализации мероприятий по АИК);

$\Delta\mathcal{E}_{\text{РЭГВКО}}$ – приращение уровня эффективности сферы сельского хозяйства при реализации мероприятий по АИК;

$\mathcal{E}_{\text{РИО}}$ – исходный уровень эффективности развития инфраструктуры (до реализации мероприятий по АИК);

$\Delta\mathcal{E}_{\text{РИ}}$ – приращение уровня эффективности развития инфраструктуры при реализации мероприятий по АИК.

Также в процессе проведенных исследований для оценки эффективности мероприятий, обеспечивающих локализацию негативных последствий в результате АИК Коэпп, предложен критерий вида:

$$K_{\text{оэпп}} = \frac{\Pi_{\text{АХ0}}}{\Pi_{\text{АХ0}} - \Delta\Pi_{\text{АХ}}} + \frac{\Pi_{\text{НХ0}}}{\Pi_{\text{НХ0}} - \Delta\Pi_{\text{НХ}}} \quad (5)$$

где P_{AX0} – исходный уровень потерь от негативных последствий воздействий антропогенного характера (до реализации мероприятий по АИК);

ΔP_{AX} – сокращение уровня потерь от негативных последствий воздействий антропогенного характера при реализации мероприятий по АИК;

P_{HX0} – исходный уровень потерь от негативных последствий воздействий неантропогенного характера (до реализации мероприятий по АИК);

ΔP_{HX} – сокращение уровня потерь от негативных последствий воздействий неантропогенного характера при реализации мероприятий по АИК.

Безусловно, что представленные критерии детализированной оценки эффективности мероприятий, обеспечивающих использование позитивных последствий в результате АИК (4) и локализацию негативных последствий в результате АИК (5), могут иметь дальнейшее развитие.

Обсуждение результатов и выводы

1. Проведенные исследования показали, что в настоящее время все человечество обеспокоено ускорением изменений климата на планете, происходящих под влиянием как антропогенных факторов, так и под влиянием неантропогенных факторов.

Для решения сложных проблем изменения климата в Российской Федерации в 2009 году была принята Климатическая доктрина, в которой в качестве стратегической цели политики в области климата определено «обеспечение безопасного и устойчивого развития Российской Федерации, включая институциональный, экономический, экологический и социальный, в том числе демографический, аспекты развития в условиях изменяющегося климата и возникновения соответствующих угроз».

Во исполнение принципов и для достижения целей Климатической доктрины Российской Федерации в 2019 году Правительством РФ был принят Национальный план мероприятий первого этапа адаптации к изменениям климата на период до 2022 года.

Для оценки эффективности мероприятий по адаптации национального хозяйства к изменениям климата (АИК), реализуемых как в рамках Национального плана адаптации, так и в рамках других национальных, региональных и международных проектов и программ возникает объективная необходимость и актуальность формирования и развития соответствующих критериев оценки эффективности.

2. Анализ известных работ, посвященных исследованиям процессов изменения климата, показал, что при наличии большого количества работ, затрагивающих проблемы изменения климата, существует достаточно мало исследований, посвященных оценке эффективности мероприятий по АИК управляемых хозяйственных систем.

В то же время в современных условиях весьма важно получить информацию, например, о том, насколько эффективно выполняются мероприятия первого этапа АИК на период до 2022 года национального плана федеральными органами исполнительной власти, региональными органами исполнительной власти и отраслевыми структурами управления.

При этом очевидно, что без инструментов анализа эффективности мер АИК и контроля за реализацией национального плана, отраслевых и региональных планов АИК будет затруднительно провести качественную оценку эффективности и достаточности мероприятий первого этапа национального плана АИК на период до 2022 года.

3. Проведенные исследования показали недостаточность релевантной информации о возможностях оценки эффективности мероприятий по АИК в известных работах и документах.

В результате проведенных исследований был сформирован критерий оценки эффективности мероприятий, обеспечивающих использование позитивных последствий в результате АИК, учитывающий относительное приращение эффективности:

- в сфере добывающих производств,
- в сфере перерабатывающих производств,

- в сфере распределения электроэнергии, газа, воды и кондиционирования,
- в сфере сельского хозяйства,
- в сфере развития инфраструктуры.

Также в процессе проведенных исследований для оценки эффективности мероприятий, обеспечивающих локализацию негативных последствий в результате АИК был сформирован критерий, учитывающий относительное сокращение потерь:

- от негативных последствий воздействий антропогенного характера,
- от негативных последствий воздействий неантропогенного характера.

Показано, что представленные критерии детализированной оценки эффективности мероприятий, обеспечивающих использование позитивных последствий в результате АИК и локализацию негативных последствий, в результате АИК могут иметь дальнейшее развитие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Климатический хаос. Чем грозит человечеству потепление, и что делать для предотвращения катастрофы. https://tass.ru/spec/climate?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения 30.06.2022)
2. ЮНЕСКО и Цели устойчивого развития. ru.unesco.org/sdgs (дата обращения 30.06.2022)
3. United Nations (2017) Resolution adopted by the General Assembly on 6 July 2017, Work of the Statistical Commission pertaining to the 2030 Agenda for Sustainable Development (A/RES/71/313 Архивировано 28 ноября 2020 года.) (дата обращения 30.06.2022)
4. Цель 13: Принятие срочных мер по борьбе с изменением климата и его последствиями. <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/climate-change/> (дата обращения 30.06.2022)
5. Национальный план мероприятий первого этапа адаптации к изменениям климата на период до 2022 года. Утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 25 декабря 2019 г. № 3183-р. <https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-pravitelstva-rf-ot-25122019-n-3183-r-ob-utverzhdanii/> (дата обращения 30.06.2022)
6. Климатическая доктрина Российской Федерации. Утверждена распоряжением Президента Российской Федерации от 17 декабря 2009 г. № 861-рп. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/30311> (дата обращения 30.06.2022)
7. Бобылев П. Климатическая политика. подходы к снижению рисков введения трансграничного углеродного регулирования (ТУР) в ЕС. www.fa.ru/org/faculty/fm/coik/SitGAssGts/PagGs/Gvents/Bobyayev.P.M.-Семинар_ЭЭО_27.05.2021.pdf (дата обращения 30.06.2022)
8. Приоритеты климатической адаптации мегаполиса: люди, природа, техника. Алгоритм, стратегия и план действий. Научно-методическое издание. Под ред. Е. Гашо. – Москва, 2019 г.
9. Клапцов В.М. Меры по адаптации к изменениям климата. <https://riss.ru/article/1093/> (дата обращения 30.06.2022)
10. Кобышева Н. В., Акентьева Е. М., Галюк Л. П. Климатические риски и адаптация к изменениям и изменчивости климата в технической сфере — Санкт-Петербург: «Издательство Кириллица», 2015. - 214 с.
11. Куделькин Н.С. — Арктика и глобальное потепление: адаптация к изменению климата и охрана окружающей среды // Юридические исследования. – 2022. – № 1. – С. 1 - 16.
12. Липка О., Романовская А., Семенов С. Прикладные аспекты адаптации к изменениям климата в России. // Фундаментальная и прикладная климатология. 2020. Т. 1. С. 65-90.
13. Макаров И.А., Степанов И.А. Управление климатическими рисками: как адаптировать регионы к изменениям. <https://www.hse.ru/news/expertise/424118807.html?ysclid=l4dm3gfmqz695274563> (дата обращения 30.06.2022)
14. Медведков А.А. Адаптация к климатическим изменениям: глобальный эколого-экономический тренд и его значение для России. // Географическая среда и живые системы. 2018;(4):11-19.
15. Климатические планы муниципалитетов. Обзор успешного опыта и рекомендации / О. Н. Сенова. — Санкт-Петербург: РСоЭС, 2021. — 40 с.
16. Серебрицкий И.А. Международный опыт в вопросах управления адаптацией к изменениям климата. <https://climatescience.ru/articles/5e9ef5ddc810400019470e50?> (дата обращения 30.06.2022)
17. Хенфри Т., Пенья-Лопес Г. Пермакультура и адаптация к изменению климата. Постоянные публикации, East Meon. https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.b009c8d3-62bb168e-d4652f01-74722d776562/https/www.overdrive.com/media/2526915/permaculture-and-clima (дата обращения 30.06.2022)
18. Яблоков В. Реализация мер, направленных на сокращение выбросов парниковых газов и адаптацию к изменению климата на уровне субъектов Российской Федерации. Специальное заседание СПЧ «Зелёный курс: низкоуглеродное развитие и адаптация к изменению климата в регионах России». Москва, 2021. http://www.president-sovet.ru/docs/present_yablokov.pdf (дата обращения 30.06.2022)

30.06.2022)

19. Тебекин А.В., Верятин В.Ю., Ломакин О.Е. Формирование модели оценки уровня повышения экономической эффективности управления отраслями хозяйствования в условиях глобальных климатических изменений за счет использования информации системы гидрометеобеспечения. // Журнал исследований по управлению. 2021. Т. 7. №6. С. 68-78.

20. Тебекин А.В., Ломакин О.Е. Разработка критериев оценки эффективности мероприятий по адаптации процессов социально-экономического развития страны к изменениям климата. // Гидрометеорология и образование. 2022, №2. <http://ipk.meteor.ru/magazine>

21. Тебекин А.В. Развитие логистики в северных и арктических регионах. // Журнал исследований по управлению. 2018. Т. 4. №10. С. 55-63.

22. Климатический форум городов России. Как разработать климатический план города? Опыт Москвы. Базовые рекомендации по адаптации и снижению воздействия. - Москва, 2017.

23. ГОСТ Р ИСО 14090-2019 Адаптация к изменениям климата. Принципы, требования и руководящие указания. Москва: Стандартинформ, 2019.

24. Доклад о научно-методических основах для разработки стратегий адаптации к изменениям климата в Российской Федерации (в области компетенции Росгидромета). - Санкт-Петербург; Саратов: Амирит, 2020. - 120 с.

25. Меры по борьбе с изменением климата. <https://www.un.org/ru/climatechange/climate-adaptation> (дата обращения 30.06.2022)

26. Семинар по вопросам подготовки РЕГИОНАЛЬНЫХ планов адаптации к изменениям климата. Министерство экономического развития Российской Федерации. Август 2021. https://www.economy.gov.ru/material/news/v_minekonomrazvitiya_rossii_proveli_seminar_po_voprosam_podgotovki_planov_adaptacii_k_izmeneniyam_klimata.html (дата обращения 30.06.2022)

27. План адаптации к изменениям климата в сфере природопользования. Утвержден распоряжением Минприроды России от 30.09.2021 г. N 38-р.

28. Приказ Министерства экономического развития РФ от 13 мая 2021г. N267 «Об утверждении методических рекомендаций и показателей по вопросам адаптации к изменениям климата» https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/prikaz_minekonomrazvitiya_rossii_ot_13_maya_2021_g_267.html (дата обращения 30.06.2022)

29. Седьмое национальное сообщение Российской Федерации, представленное в соответствии со статьями 4 и 12 Рамочной Конвенции ООН об изменении климата и статьей 7 Киотского протокола / Минприроды России, Гидромет. - М., 2017.

30. Отчет о пробелах в адаптации 2020 . Программа ООН по окружающей среде. 14 января 2021 г. [https://www.unep.org/ru/resources/doklad-o-raznice-mer-adaptacii-k-izmeneniyu-klimata-2020-goda?_="](https://www.unep.org/ru/resources/doklad-o-raznice-mer-adaptacii-k-izmeneniyu-klimata-2020-goda?_=) (дата обращения 30.06.2022)

31. Отчет Рабочий материал для обсуждения реализуемые и планируемые меры по адаптации к изменениям климата в странах – партнерах, участниках проекта SKPI. Декабрь 2009 г. <https://ecogofond.kz/wp-content/uploads/2018/03/realiz.pdf> (дата обращения 30.06.2022)

32. Единая межведомственная методика оценки ущерба от чрезвычайных ситуаций техногенного, природного и террористического характера, а также классификации и учета чрезвычайных ситуаций. Утверждена Министром Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. 1 декабря 2004 г. <https://docs.cntd.ru/document/560438170> (дата обращения 30.06.2022)

33. Risk Management Review. 2014. Risk Management and Decision progress Center. University of Pennsylvania. <https://riskcenter.wharton.upenn.edu/> (дата обращения 30.06.2022).

Criteria for the effectiveness of measures to adapt the national economy to climate change

Tebekin Alexey Vasilyevich

Doctor of Technical Sciences, Doctor of Economics, Professor

Moscow State Institute of International Relations (University) of the Russian Foreign Ministry, Moscow State University M.V. Lomonosov, Institute for advanced training of executives and specialists, Moscow, Russia.

E-mail: Tebekin@gmail.com

Lomakin Oleg Evgenievich

Doctor of Economics, Candidate of Technical Sciences, Rector,

Institute for advancing the qualification of leading workers and specialists, Moscow, Russia.

E-mail: rector@ipkmeteo.ru

Annotation. Modern problems of adaptation of the world and national economies to global climate change are considered. The results of the analysis of well-known studies and documents on the problem of adaptation to climate change are presented. An assessment was made of the problems of determining the effectiveness of planned and ongoing measures for adaptation to climate change. An insufficient level of elaboration of quantitative criteria for assessing the effectiveness of measures to adapt the national economy to climate change is shown due to taking into account only the probable damage (negative consequences of climate change) Criteria for evaluating the effectiveness of measures to adapt the national economy to climate change, taking into account both expected negative and likely positive consequences climate change.

Keywords: evaluation criteria, effectiveness of measures, adaptation of the national economy, climate change.

Проблема особенностей личности нового типа в цифровом обществе

Ковальчук Марина Александровна

доктор педагогических наук, профессор,

ФГБОУ «Ярославский государственный технический университет», г. Ярославль, Россия.

E-mail: kovalchukma@ystu.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема особенностей личности нового типа в информационном обществе. В статье освещены проблемы, возникшие с расширением информационных сетей и все большим включением человека в виртуальное пространство и сужение жизнедеятельности в пространстве реальном. Дается анализ особенностей личности нового типа, особенностей удовлетворения потребностей человека и его мышления. Представлены взгляды автора на формирование цифровой культуры нового поколения. Целью нашей научной работы является изучение особенностей современной молодежи и использование полученных данных в ходе работы с данной возрастной категорией в образовательном процессе.

Ключевые слова: цифровизация; сеть-интернет; виртуальная среда; информационное общество; потребности; цифровая культура; цифровое мировоззрение.

JEL codes: I20; I21; I31; O10

Для цитирования: Ковальчук, М.А. Проблема особенностей личности нового типа в цифровом обществе / М.А. Ковальчук. - DOI 10.52957/22213260_2022_11_56. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2022 - №11. - С.56-68. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.11.2022)

DOI: 10.52957/22213260_2022_11_56

Введение

Современные технологии помимо влияния на различные сферы общества оказывают воздействие и на самого человека. Так, при разработке информационно-телекоммуникационных технологий появился виртуальный мир, основным заложником которого является сам разработчик, то есть человек. В результате данного симбиоза появляется некий парадокс, который заключается в жизни личности среди знаков и символов, которые он сам же и создал, но которые при помощи цифровых технологий влияют на него же самого. Это проявляется в формировании нового типа человека, в смешении реальности и виртуального, вымышленного мира.

Безусловно, гармоничное пребывание человека в двух плоскостях мировоззрения (реальной и виртуальной) вызывает трансформацию его сознания, характеристик личности и ставит под вопрос его идентичность в обществе. Анализируя эпоху цифровизации, ученые уже нашли определение данному образу жизни, который характеризует человека нового вида как «Homo digitalis», «Цифровой человек» [1]. Появление нового типа человека указывает на актуальность изучения его характеристик и необходимости обращения в научных исследованиях к проблемам его идентичности в условиях стремительной цифровизации культуры.

В современных реалиях общество переходит на новый уровень информационного развития, изменения которого влияют не только на культурную составляющую социальной группы, но и на природу личности, её качества и параметры идентичности. Можно сказать, что при интеграции личности в информационное пространство происходит формирование нового вида идентичности, который описывается цифровыми характеристиками и не всегда совпадает с её реальными. Такая смена социального взаимодействия приводит личность к причислению себя к чему-то единому и глобальному, в чем и заключается главная привлекательность виртуального пространства в отличие от реальности.

Современного человека невозможно представить без различного рода гаджетов (телефон, планшет, плеер и т. д.), компьютеров, сети Интернет, которые являются не способами, облегчающими жизнь, а его дополнениями. Неизменная вовлеченность личности в виртуальную среду, зависимость от неё и ежедневная потребность в ней приводит к трансформации структуры идентичности человека.

Количество ежедневно потребляемой информации постепенно растёт, изменяются способы коммуникации среди людей и отдельных групп, происходит тотальная виртуализация социальных отношений, которая способствует разрушению традиционных форм идентичности личности. Такое влияние заметно в направлении развития индивида, изменении и формировании его стабильного и устойчивого мира. Таким образом, идентичность становится зависима от цифровизации и формируется посредством цифровых технологий. Такие изменения влекут за собой образование новой системы ценностей, характеризующей деятельность и сознание общества цифровой эпохи.

Исследователи в области влияния цифровых технологий на социум описывают новую систему ценностей как «цифровая аксиология», которая заключается в трансформации мировоззрения современного общества и основана на формировании отличных от традиционных ценностных установок. В научной же среде на текущий день нет установившегося мнения относительно сформированных ценностей вследствие цифровизации. Изучая мнения ученых, можно в качестве примера привести статью Стоцкой Т.Г. «Сетевое общество и виртуальная реальность», в которой в качестве основных ценностей современного мира в эпоху цифровизации автор выделяет информационно-коммуникативные технологии, цифровую среду и способность адаптации в этой среде [2]. Считается, что XXI век – это век информационных технологий. На данный момент цифровые технологии затронули почти все сферы жизни человека, они повышают её качество, способствуют развитию промышленного производства, медицины и экономики в целом – это и есть цифровизация [3].

Одной из социально значимых отраслей цифровизации является использование информационных систем в повседневной жизни человека, в первую очередь, молодежи. Информационные системы, построенные на основе глобальных компьютерных сетей, представляют большое количество возможностей, которыми может воспользоваться любой человек, имеющий доступ в сеть интернет. В условиях нынешних реалий большая часть молодого поколения, по результатам наших исследований, использует IT-технологии с целью развлечения и удовлетворения своих досуговых потребностей, а не для получения знаний и саморазвития. Молодежь, вследствие отсутствия сформировавшихся в подростковом возрасте интересов, хобби и увлечений, не умеет эффективно и с пользой распоряжаться своим временем из-за чего большую часть своего времени она тратит на социальные сети, мессенджеры и игры [4]. Таким образом, виртуальный мир для молодежи начинает заменять реальный, а сетевая среда влиять на личность и нравственность молодежи, социально-психологические характеристики представленных в ней групп, она порождает соответствующий стиль поведения, который выходит за сформировавшиеся обществом рамки дозволенного. Так зарождается одна из зависимостей человека и начинает впервые проявлять себя болезнь, которую можно назвать «цифровой деградацией». Привыкание к гаджетам влияет на формирование нейронных сетей головного мозга – и далеко не в лучшую сторону, поскольку его взаимодействие с внешним миром сводится к минимуму, вследствие чего развитие замедляется. Свободное время подростка занимают игры и видео, бессмысленное общение посредством гаджетов. Как следствие, человек начинает жить с «кирпичом» в руках, который незаметно тянет его на дно социально-экономической жизни и разрушительно сказывается на формировании личности.

Целью нашего исследования проблемы личности нового типа в цифровом обществе является психолого-экономический анализ характеристик личности нового, цифрового общества, проблемы ее идентичности в виртуальной среде, возможности удовлетворения потребностей личности в этой же среде, изучение цифрового волонтерства как способа удовлетворения потребности в самоактуализации и особенностей клипового мышления современной молодежи, а также

формирование информационного мировоззрения как основы становления цифровой культуры личности.

Гипотезой нашего исследования является предположение о том, что вследствие цифровизации происходят изменения не только общественно – экономических и социальных условий жизнедеятельности личности, но и самих личностных характеристик, обеспечивающих адаптацию личности к новым изменившимся условиям реальности.

Основная часть

Методы

Наше исследование проводится в русле научных интересов автора с использованием научного анализа и системного обобщения научных источников. Результаты первого (диагностического этапа) изложены в статье «Влияние цифровизации на процесс общения молодежи в социально – экономической среде» [5].

Безусловно, данная проблема вызывала и вызывает интерес большого круга ученых. Когда, в своей работе «Шок будущего» Э. Тоффлер представил характеристику социального пространства будущего, то на момент выхода книги она казалась фантазиями автора, а сегодня – это реальность нашей действительности. Под «шоком» Э.Тоффлер понимает вид адаптации человека к современным реалиям. Можно согласиться с его мнением, что «шок» - это определенная «болезнь перемен» [6]. Одни возрастные поколения она затрагивает в большей степени, современную молодежь в меньшей степени, но перемены настолько резко меняют нашу реальность, а сегодня уже и нашу виртуальную жизнедеятельность, что значительно короче становятся периоды относительной стабильности. К этому выводу позволяет прийти и анализ концепции поколений Н. Хоува и В. Штрау [7].

В своей статье А.В. Сапа называет поколение Z поколением эпохи ФГОС [8].

Быстрые темпы цифровизации изменяют не только личность человека, формируя личность нового типа, но предъявляют и новые требования к образовательному пространству, к тому, чему и как учить.

Логика исследования позволила нам его продолжать на новом аналитическом этапе работы.

Дальнейшее изучение обозначенной проблематики предполагает содержательный этап и этап практики реализации проекта, направленного на формирование тех качеств личности, которые позволят молодому человеку успешно адаптироваться в социальной и профессиональной среде. Выборка, с которой будет проходить работа, – это студенческая молодежь, в возрасте 17-22 года, студенты различных вузов г. Ярославля.

Цифровая социализация

Цифровые технологии играют ключевую роль в развитии экономического, политического и социального развития мира, что, несомненно, отражается и на процессах социализации личности. Так, большое распространение в научном сообществе получил термин под названием «информационная социализация», который впервые был упомянут в работе Аянян А.Н. и Марцинковской Т.Д. «Социализация молодежи в информационном пространстве» и использовался с целью показать социальные трансформации личности в процессе цифровизации [9]. Как уже говорилось ранее, одной из существенных сторон проблемы социального развития личности в окружении виртуального мира и интернет-коммуникаций является проблема сопоставления реальной и виртуальной идентичности человека. Так как на текущий момент область самопознания определяется процессами виртуальной самопрезентации, которые ежедневно происходят под управлениями миллионов людей в цифровом мире и являются неотъемлемой частью повседневной жизни.

Определяя индивидуальность и новизну самоконструирования в цифровой среде, как с точки зрения процессов идентификации личности, так и со стороны управляемости самопрезентации, важно принимать во внимание и актуальное содержание исследования проблемных сторон свойств

личности в целом.

Так, можно выделить ряд главных факторов в проблематике идентичности. Первый заключается в постоянном за последние десятилетия расширении проблематики идентичности человека, который свидетельствует о размывании устоявшихся границ идентичности. Вторым фактором является в разных точках зрения среди ученого сообщества и выделяет совокупность направлений в изменчивости и основополагающих принципах личности: установление причин появления нового типа идентификации в условиях современного социального развития; увеличение научных и социальных высказываний, использующих данное понятие с не связанными с ним определениями; переход от изучения системы организации идентичности к анализу её процессуальных характеристик.

Третий фактор, при анализе «своего Я» и идентичности со стороны дихотомий можно выделить постоянное противоборство таких свойств личности, как дифференциация и интеграция, постоянство и изменчивость, активность и зависимость. В современном цифровом мире идентичность, на текущий момент, можно рассматривать, как совокупность направлений развития в зависимости от ориентиров в выделенном потоке информации.

Традиционные исследования реальной идентичности отличаются от виртуальных исследований, которые имеют свои специфические особенности, связанные с началом активной социальной жизни в цифровой трансформации мира. Такой мир основан на социальном расслоении, которое определяет специфику ограничений в исследовании виртуальной идентичности. Важно разобраться в социально-психологических характеристиках молодого поколения – подлинных представителей цифровизации общества.

Так, молодежи присуще круглосуточное пребывание в виртуальной сети в совокупности с собственной самопрезентацией в социальных сетях, что отражает часть их реальной жизни и действия, которые они не могут совершить в материальном мире. Какое-то время назад сообщество, находящиеся в пространстве интернет-коммуникаций, имело четкие рамки существования в интернет-среде, которые были направлены, в первую очередь на изучение и познание новых информационных возможностей. На сегодняшний момент, как показывают результаты наших исследований, эти рамки размывы, у большинства пользователей реальная и виртуальная жизнь является одним целым с невозможностью отделения друг от друга и это неудивительно, так как свыше 90% пользователей регулярно пользуются социальными сетями и функциями гаджетов в возрасте 16-24 лет.

Отличительным признаком для них между виртуальной и материальной реальностью состоит в характере табуированных для обсуждения тем, которые в реальной жизни они себе позволить не могут. Именно поэтому в виртуальном мире они позволяют себе допускать разговоры на политические, религиозные и интимные тематики, в реальной же жизни – проблемы в вопросах отношений с родителями и сверстниками. Важно сказать, что для молодых юзеров характерен риск виртуальной коммуникации в том плане, что они довольно часто сталкиваются с негативной информацией: убийства, сцены насилия, порнография, травля (кибербуллинг), взлом профиля и кража личных данных. Интересный факт, что подобные отрицательные последствия несколько не пугают молодое цифровое поколение, а наоборот отмечают рост заинтересованности к виртуальному взаимодействию. В наших исследованиях был выделен ряд ведущих чувств, которые сопровождают пользователей в период цифрового времяпрепровождения: интерес, радость, удовольствие, но иногда (в среднем 20-25% выборки, главным образом, у лиц женского пола) и абсолютно противоположные: чувство зависти, злость и одиночество.

Можно предположить, что именно неразрывное представление о реальном и виртуальном мире и специфика культуры цифрового общения, в понимании современной молодежи, является фактором снижения влияния на свойства их идентичности, что отличает их от поколения, сформировавшегося на этапе появления цифровых технологий. Так, отличительными характеристиками старого интернет-сообщества является отношение к интернет-коммуникации, которую пару десятилетий назад юные

юзеры считали местом «самопознания и развития», «изучения» «определение своего Я», то нынешнее молодое поколение уже не видит цифровые возможности в виде способов развития и не считает, что стало лучше понимать «своё Я» благодаря социализации путем виртуального взаимодействия.

Нетрадиционным является стремительное развитие проблематики виртуальной идентичности. В своих исследованиях изменчивости идентичности авторы отмечают ряд отличий виртуальной идентичности юзера от его реальных характеристик: во всех направлениях выделялась альтернативность в подходе к созданию виртуальных образов личности его интерпретациям о своих реальных мироощущениях. Такие подходы отмечались на этапах зарождения и развития социальных сетей и цифровых технологий. На текущий момент, согласно исследовательским данным, большая часть цифровых пользователей предоставляет о себе достоверную информацию, стремясь прежде всего не к «самовоспроизведению» в виртуальном мире, а к подлинности и демонстрации себя через различные социально-ролевые игры и социальные сети. Вследствие чего интерес авторов в процессах исследований плавно перешел к анализу общих черт виртуальных и социальных идентификаций [10].

Повышенный интерес к изучению идентичности в виртуальном мире со временем утихает, что прежде всего связано с многообразием проекций пользовательских предустановок в виртуальном мире и определяет важность исследований не в том, чем именно занимается индивид, а как он это делает. Другими словами, как при всех способах объединения в одно целое виртуальной и реальной жизни человечество способно размышлять и анализировать их возможное отделение друг от друга.

Интернет, как самый большой межнациональный проект человечества, считается импульсом в возникновении широкомасштабной технологической революции и цифровых технологий, которые оказывают на личность значительное и системное воздействие. Большое количество людей по всему миру получили возможность, посредством объединения между собой, вовлекаться в различного рода вида деятельности с позиции их информационного эквивалента. Так, на основе этого происходит зарождение новых интересов, ценностей, форм поведения, смысловых образований, групповых отношений, вследствие которых происходит расширение границ для удовлетворения индивидуальных потребностей личности.

Интеграцию личности в информационное пространство можно определить, как способ овладения информацией различного рода, в процессах экстерниоризации и интериоризации человека, которая приобретает новый формат использования, а именно выступает средством удовлетворения своих дефицитарных потребностей [11].

Удовлетворение потребностей в виртуальной реальности

Определенный вид деятельности отождествляется с человеческой потребностью или совокупностью таких потребностей. Ученые доказали, что каждый человек нуждается в определенном количестве базовых потребностей. Согласно «пирамиде потребностей», по А. Маслоу, это следующие потребности: физиологические, направленные на безопасность индивида в обществе; социальные, заключающиеся в уважении и признании окружающими. Данные потребности являются отражением природных качеств человека, которые связаны с наличием у человека чувства неудовлетворенности. Без осуществления потребностей человека невозможно его правильное и своевременное развитие.

В нынешних реалиях необходимо рассматривать массовое удовлетворение социальных потребностей именно со стороны цифровизации общества, так как она стремительно развивается и показывает постоянный рост аудитории, что способствует динамике увеличения объемов данных.

При помощи различных средств в виртуальной реальности появляется возможность в удовлетворении наиболее важных потребностей. Процессы, протекающие в пространстве физиологических потребностей, обычно рассматривают на примере удовлетворения необходимости в пище и сексе. Таким образом, появляются способы снятия пищевого напряжения при помощи виртуальных технологий, позволяющие сконцентрироваться на предвкушении удовольствия от приёма еды, что способствует росту популярности различных доставок еды вследствие своей легкости и доступности. Такая потребность реализуется через онлайн-покупки продуктов питания или

опосредованно при помощи интернет-предметов. Потребности сексуального плана удовлетворяются в цифровой сфере путем виртуального секса (киберсекса), либо через видеоматериалы. Массовая вовлеченность и распространенность ресурсов сексуального характера связаны с сетевой анонимностью, которая раскрепощает личность и позволяет выходить за табуированные границы, сформированные обществом. Вопросы, связанные с девиантным стилем поведения или виртуальной сексуальностью относительно взрослого поколения еще мало изучены, однако, стоит отметить, что сексуальная жизнь в виртуальном мире – это вполне адекватная фаза развития молодежи.

В переходе на виртуальные составляющие цифровизации общества аналогом реальной безопасности можно назвать безопасность информационную, которая состоит из способов, направленных на защиту личности в технологическом и психологическом аспекте. Такие способы, безусловно, не могут быть идеальными и имеют вероятность быть взломанными, результатами которых может быть кража личных данных и вымогательство. Если первый вариант заключается в способах защиты и профессионализме хакеров, то второй строится на социальной инженерии, которая тесно связана с науками о психологических свойствах личности.

В цифровой среде существует множество негативных факторов, которые заключаются в пропаганде и распространении запрещенных информационных и зрительных материалов, насилии, злости, троллинге, кибербуллинге и прочее, что отрицательным образом оказывает влияние, а впоследствии и давление на психику человека, что может привести к таким неблагоприятным последствиям, как суицид и убийство. Все эти факторы указывают на потребность в информационной безопасности.

Потребности в обществе и социальных благах реализуются в информационном мире через социальные сети, где происходит общение и коммуникация между людьми посредством текстовых сообщений, видео и аудио материалов, компьютерной графики. Так, результатом удовлетворения социальных потребностей при помощи интернет-технологий является незначительное различие между живой и виртуальной коммуникацией, а также сохранение определенного эмоционального спектра, который отражает возможность в поиске поддержки, любви и доверия. Именно большой рост интернет-аудитории и развитие технологий в этой сфере привело к удаленному взаимодействию людей на различных уголках планеты, что поспособствовало снижению популярности живого межличностного общения. Такие изменения в мировом сообществе привели к возможности обмена информацией между десятками миллиардов пользователей по всему миру, их взаимопомощи, поиску любви и дружбы.

Следующая ступень в пирамиде А. Маслоу описывает человеческую необходимость в уважении (почитании). Данная потребность связана с уважением со стороны общества (семья, друзья, коллеги), которая в информационном пространстве проявляется при помощи таких оценочных механизмов в социальных сетях, как просмотры, комментарии, лайки, репосты. Другой тип потребности в уважении тесно связан с собственным профессиональным развитием, уважением «собственного Я» и личных достижений, которые формируются посредством удаленной возможности личностного развития в цифровой среде.

В цифровой среде, которая является самым большим источником информации, при необходимой мотивации личности, потребность в самоактуализации отражается в способах самообучения, онлайн-обучения на образовательных информационных площадках, что равноценно полученным знаниям в реальной жизни, но рациональнее и эффективнее с точки зрения удаленности пользователя от источника информации. При таком способе получения знаний и просвещения окружающих, основан малоизученный принцип цифрового онлайн-волонтерства.

Вследствие увеличения объемов информации появляются альтруисты, которые на добровольной и безвозмездной основе структурируют большой объём данных, делятся личными знаниями, умениями и навыками, что вносит существенный вклад в глобальные ценности цифрового общества и параллельно с этим помогают нуждающимся в помощи по поиску необходимой информации

или в виртуальном поощрении, просвещении. Все большее применение интернет-технологий и рост пользователей приводят к стремительному развитию виртуальной помощи и волонтерства, что отражается в массовой благотворительной деятельности интернет-юзеров. Такие изменения коренным образом отражаются на цифровой культуре, поэтому распространение информационных технологий, сетевых направлений и проектов позволяет увеличить гибкость при создании новых виртуальных продуктов и оценить возможности, направленные на развитие собственных и чужих интересов.

Одним из ярких примеров подобного цифрового волонтерства и удовлетворения потребности в самоактуализации является продолжительная деятельность авторов информационной энциклопедии под названием «Wikipedia», которая была основана на базе гипертекста. Таким образом, она была создана для написания различного рода статей, которые могли читать все пользователи интернет-сообщества с возможностью их изменения и корректировки, что нашло отклик в самореализации полученных знаний и переносе их из реальной жизни в виртуальную реальность. В части получения полезной информации при помощи цифровых технологий хорошо проявил себя краудсорсинг как основа для зарождения всех информационных порталов и их дальнейшего развития. В период развития интернета и навыков пользователей в создании контента, люди, одержимые общим делом, внедрили немало новых тенденций, задали курс в организации и структурировании знаний, основными постулатами которого были независимость, общедоступность, мобильность и легкость в редактировании информации, а также увеличение охвата различного рода точек зрения по всей земле.

На базе разработанных информационных ресурсов в цифровом инфо-поле были выработаны многочисленные виды процедур для согласования личного интеллектуального вклада цифровых волонтеров в написание и подготовку энциклопедических статей, журналов и устранение возможного рода разночтений.

Факторы, способствующие участию в подобных проектах, пока мало изучены, но на данный момент можно сказать, что главной мотивацией в работах интеллектуального рода может быть получение индивидуального наслаждения от распространения информации, знаний, что придает смысл личным жизненным достижениям, на основе которых просвещается и развивается цифровая культура. Цифровая закономерность такова, что при наличии одного мотива, побуждающего к действиям, появляется другой, который продолжает этот мотив вне зависимости от способа его реализации.

Таким образом, подводя итоги реализации человеческих потребностей посредством информационных технологий можно сказать, что грядет новая эра человеческих ценностей, направленных на цифровизацию современного общества. Такие ценности будут отрефлексированы смысловым содержанием, а цифровые волонтеры, как производители интеллектуального контента, структурируют в конечном итоге большой массив цифровой информации, который будет удобен в использовании и усвоении. Такие подвижки позволят прийти к максимальному результату в создании знаний, как высшей ценности человечества.

Формирование цифровой культуры

В современном мире человек переживает цикл информационной бури, которая во всех отношениях изменила пространство нашего миропорядка, систему отношений и способы общения. Искусственно созданная, вследствие этого, своеобразная ситуация преобразований характеризуется изменениями личностных характеристик, её жизненных ритмов, установок, отношений к себе и другим, что в целом изменило мировоззрение людей. Продвинутый пользователь, в отличие от его предшественников, существует в абсолютно другой среде – информационной, параллельно используя неизвестные ранее – цифровые технологии.

Так, информационную среду можно отнести к числу «богатых» сред, если она обеспечивает возможность свободного доступа ко всем видам информационно-вычислительных материалов,

каналов, баз данных. В обратном случае, такая среда считается «обедненной». На основе этого, информационно «богатой» личностью можно назвать человека, умеющего обдуманно и эффективно применять на жизненном опыте различные виды информации. Такие типы людей могут проводить с пользой время на различных цифровых ресурсах, а также способны обучаться и развиваться на протяжении всей своей жизни при правильно выбранных подходах к осмыслению безграничного потока данных в их жизни. Человек, который не способен на критический анализ предоставляемой информации, её выборке, считается человеком информационно «обедненным».

Можно сделать вывод, что в современном обществе основными его участниками являются информационные ресурсы и человек, как её творец, потребитель и в конечном итоге распространитель. Огромный по своим масштабам поток неконтролируемой информации воспроизводит уникальную по своей структуре информационную культуру личности с параллельно дополняющими друг друга мирами виртуальной и реальной жизни. До появления цифровых технологий информационные материалы и культура в целом придерживались требований, предъявляемые к форме и способам их подачи. Но, к сожалению, современный цифровой мир не видит проблем в методах обмена, создания и объединения информации, хотя эти вопросы важны при формировании абсолютно новых видов информационных источников и культуры в целом. Углубляясь в культуру подачи информации, можно сказать, что цифровая культура больше ориентирована на способы описаний её предложений, нежели на те вещи, которые она делает в настоящий момент. Беспорядочная информация, ставшая доступной в результате распространения цифровых технологий, не является составной частью культуры «грамотности», которая является отражением прогрессивного развития интеллектуальных способностей человека; жанров кино и искусства; формирования новых методов и исследовательских подходов в изучении научных вопросов, а главное усвоения знаний. Цифровая культура является чем-то еще малоизученным и не виданным ранее, что актуализирует важность проблем, связанных с её развитием, и выделяет необходимость в овладении информационной грамотностью, для её последующего постижения.

На текущий момент процедура определения шаблонов культурных практик, связанных с информационной грамотностью, является очень трудоёмкой. Некоторые исследования популярных авторов говорят нам об отсутствии информационной грамотности даже у студенческой молодежи авторитетных столичных вузов. Информация, ежедневно окружающая нас в повседневной жизни, становится составной частью нашей жизни. Она повсюду: на телевидении, в печатных и цифровых СМИ, Интернете, на билбордах и плакатах, в фильмах, на предметах одежды и так далее. Процесс крупномасштабного её расширения не стоит на месте и не основывается на одной социальной рекламе или сводке новостей с экрана телевизора. Можно сказать, что все наши знания о земле, мире и человечестве в целом мы получаем из средств массовой информации. Истина в том, что средства массовой информации, влияющие на формирование личности и многие аспекты миропорядка и, безусловно, на индивидуальное сознание, выходят за рамки образовательной программы, что отражает способность медиапространства оказывать влияние на таких подсознательных уровнях, о которых мы и не догадываемся[13].

Большие объемы данных, будучи хаотичными, разбросанными, охватывают почти все сферы жизнедеятельности общества, что искусно отражается на формировании личностных убеждений, убеждений социума. В современном мире мы можем лицезреть крупные программы пиар компаний и корпоративного спонсорства – резиденты бизнес и медиа процессов прикладывают огромные усилия для создания позитивного образа и повышения престижа своей компании [12].

Применяемые в цифровом пространстве техники и стратегии бесконечно совершенствуются для успешного развития и продвижения цифровых и материальных продуктов, услуг в информационной области, идей. Такие способы оказывают существенное влияние на процессы поведения человека в обществе, формируют и изменяют его ценностные и социальные установки. Для большей части представителей цифровой культуры (молодого поколения) информация даёт понять не только то,

что происходит в нашем социальном окружении и мире, чего стоит ожидать, что следует посмотреть, купить, куда сходить, но и то, как оценивать себя и своё положение в глобальном понимании мира.

Информационное мировоззрение

В связи с глобальными изменениями миропорядка и общества, в цифровой или информационной культуре личности важное место занимает информационное мировоззрение. Суть данной точки зрения заключается в ценностном отношении к источникам информации, к создаваемым и используемым цифровым технологиям, к информационным продуктам и техническим средствам, где в приоритете осмысление и ответственность за процессы, протекающие в цифровом поле. Таким образом, информационное мировоззрение – это совокупность системных взглядов человека на мироустройство информации и собственное место в мире цифровых технологий, которое заключается в формировании необходимых ценностей, идеалов, принципов познания и видов деятельности.

В современной цифровой реальности, выделяют два типа потребителей информации: цифровые мигранты и цифровые аборигены. Так, к цифровым мигрантам можно отнести людей, которые родились и выросли в информационном пространстве с отсутствием цифровых технологий и, вследствие цифровизации, погрузились в цифровую среду в осознанном возрасте или зрелости. С другой стороны – цифровые аборигены, которые родились и выросли в эпоху цифровизации, интернета и виртуальной реальности. Люди, относящиеся к первой категории, знают и помнят какой была жизнь до расцвета цифровизации и появления гаджетов, второе поколение не может представить себе жизнь без смартфонов и продуктов цифровизации. По своей сути это два разных поколения, которые отличаются не только интересами, но и мыслями, отношением к жизни и окружающим. Поколение миллениалов или поколение «Y», родившихся в период с 1981 по 1996 года, можно отнести к поколению с «кликковым» мышлением, когда основой в организации социальной жизни и поведения общества был клик или текстовый вброс. В периоды Советского Союза в обществе преобладали лозунги по типу: «Будь готов!», «Миру мир!», «Даешь пятилетку в три года», «Нет войне!» и так далее. Таким образом, закалялся патриотизм и формировался призывной характер воздействия на общество и индивидуальность личности, такие заявления не допускали возражений и инакомыслия. Такие «лозунги партии» соединял народ, взывал к действию, будоражил эмоции, активизировал [14].

Короткая форма текста на плакатах и раскатистый тембр вещания не оставляли ни капли времени на размышления. Такое голосовое воздействие на психоэмоциональном уровне было организовано специально, оно было достаточно мощным, что в совокупности еще и дополняли различные призывы на плакатах и баннерах, которые легко прочитывались и оседали на глубину памяти. «Кликковый» вид мышления был сформирован под воздействием общества, социума, который подкреплялся бурными реакциями, внешними демонстрациями и всякого рода различными шумными способами. Такой тип поколения очень легко подвергается влиянию рекламы, так как реклама и короткие обрывистые фразы лозунгов того времени очень сильно друг с другом совпадают, что не может не оставить равнодушным ни одного миллениала. Именно поэтому поколение «Y» ставит превыше всего чтение, слух и лицезрение. Это люди, которые привыкли читать различного рода информацию на плакатах, в книгах, заголовках газетных статей, что в первую очередь ассоциируется с зазывным характером подачи информации. Зов, клич, текст влияли и способствовали развитию концентрации внимания, что, наверное, можно соотнести с работой глашатая. Поколение миллениалов ориентировано на информацию типа коротких, четких, повторяющихся и однозначных сообщений (отчеты, сообщения, лозунги). Безусловно, в каждом поколении есть свои исключения, в которых встречаются люди, отличные от большинства и, например, обладающие любовью к монотонным и большим объемам изложения информации, а не коротким фразам, относящимся к миллениалам.

Цифровые аборигены, или, как их еще называют, центениалы, большую часть своего времени проводят в виртуальном мире, который дополняют музыкальные мелодии из наушников и «клиповое» мышление (мировоззрение, понимание). Такое «клиповое» мышление основывается на ярких образах и новостях с телеэкранов, которые состоят из последовательности не связанных логически между

собой событий. Впоследствии молодое поколение, присмотревшись к одной важной теме и в полной мере не осмыслив её проблематику, переходит к изучению другой. Появляется необходимость в поиске комментариев, которые передали бы смысл объекта, на который направлено внимание изучаемого, и цепляющих информационных заголовков, вирусных видеороликов. Усиливается желание слушать новую музыку, проводить время в чатах и мессенджерах, редактировать фотографии и вести активную жизнь в социальных сетях. Такой тип поколения направлен на общение в сети Интернет, в котором немаловажную роль играет анонимность пользователя. У центениалов иммунитет к рекламе, они её ненавидят, не любят читать (можно предположить, что многие уже и не способны), не способны прибегать к способам концентрации длительное время, ставят на первое место процесс зрительного потребления. Такое общество отражает последствия цифровой «деградации». Цифровое общество центениалов зомбировано подачей информации через экран, им необходимо усвоить максимум информации в короткий промежуток времени. В своей профессиональной деятельности на первом месте у них стоят способы передачи информации посредством онлайн-каналов, визуализация, динамика и скорость. В стремительно меняющемся и развивающемся цифровом мире подача информации и её восприятие направлены на быстроту реакции личности, из этого вытекает лихорадочная смена каналов, а также потребление кратких и ёмких, с информационной точки зрения, материалов. На данный момент скорость потребления и обработки материала – главный показатель успешности центениала.

Естественно, среди современной молодежи присутствуют люди с четко последовательным мышлением, которые умеют разграничивать и соблюдать баланс между потреблением и созданием нового. Такой тип людей отличается от большинства своими интересами и увлечениями, которые заключаются в просмотре интеллектуального кино, посещениями творческих выставок и чтением различного рода литературы. Они склонны к логике и анализу, что выделяет их из большинства.

«Клиповое» мышление

Обобщая вышесказанное, в современном мире сосуществуют два типа восприятия информации и соответствующего им мышления: «клиповое» и «кликерное». Путем анализа двух видов поколений можно сказать, что по большей части они чем-то похожи. Представители данных групп общества являются прямыми потребителями цифрового контента и, соответственно, пользователями мира цифровизации, в своём большинстве они не ориентированы на сложные аналитические процессы, создание предметов материального и информационного плана, они сильно подвержены внешнему управляющему воздействию и слабее умению и желанию думать. Если в период Советского Союза была заметна зависимость общества от плакатов, текстов и лозунгов, то на данный момент прослеживается цифровое рабство и зависимость от цифровых носителей.

На сегодняшний день все способы получения информации, а также её источники связаны с всемирной паутиной под названием Интернет. Средства массовой информации переходят на цифровой вид деятельности, реальное общение заменяется сетевым, игры становятся – виртуальными, а художественные произведения – электронными. Время, проводимое в цифровой среде, становится ключевым элементом в распорядке дня, а интернет и цифровые технологии – предметами, опережающими образ и смысл жизни. Опираясь на вышечисленные данные, констатируется тот факт, что человек в понимании мироустройства не стал свободнее, произошла реорганизация общества в совокупности с зарождением информационного рабства. «Клиповое» мышление, как оказалось, заставило уйти «кликерное».

Результаты

В рамках одной научной статьи невозможно описать всю работу и полученные в ее ходе результаты изучения проблемы поиска форм, методов, средств работы с молодежной аудиторией по формированию личностных качеств, позволяющих молодому человеку успешно адаптироваться в социальной и профессиональной среде.

Изменения в личности современного человека ставят перед учеными и практиками проблему поиска новых форм, средств, технологий обучения и организации воспитательной работы с целью формирования конкурентноспособного специалиста с набором компетенций обеспечивающих его успех в самых различных сферах, снижающих проявление тревожности, депрессивные состояния и обеспечивающих психическое здоровье человека.

Для решения этих задач мы и проводим вышеобозначенное исследование.

Таким образом, обобщив, в русле психолого-экономического осмысления, проблемы личности нового информационного общества, сделав акцент на современную молодежь, можно рассматривать формирование нового типа личности изменения, происходящие в личности более старших поколений, через проблему идентичности в виртуальной среде, возможности виртуального удовлетворения потребностей человека, изучение удовлетворения потребности в самоактуализации как реализация личности в цифровом волонтерстве и формирование клипового мышления молодежи, а также формирование цифровой культуры личности, важной составляющей которой является процесс становления информационного мировоззрения [15].

Заключение

Анализируя различные мнения аналитиков и экспертов, можно сказать о присутствии оптимизма во взглядах на будущее развитие человечества. Исследователи в области цифровых технологий утверждают, что современные технологии – машинное обучение, квантовые компьютеры, развитие интернета и цифровизация, как следствие, вселяют в людей большие надежды и ожидания. Развитие цифровых способов жизнедеятельности общества коренным образом меняет традиционные порядки. Нужно выделять положительные качества компьютерных технологий, которые выступают в роли персональных помощников и решают ряд важных задач, не вводя текстовые команды, не обращаясь к цифровым устройствам и порой даже не формируя различного рода запросы в ответ на поступающие им задания. Эксперты уверены, что большой вклад в будущее развитие также внесут системы и способы по распознаванию человеческой речи, что не только изменит окружающий нас мир, но и перевернет сознание людей, т.к. большая часть трудоемкой работы будет выполняться роботизированными устройствами.

Исходя из проведенного анализа, можно сделать следующие выводы: для комфортного и успешного существования и жизнедеятельности в социальном и профессиональном поле в новом информационном обществе человек должен обладать набором компетенций, которые позволяют не только пользоваться информацией, но и критически ее оценивать и использовать ее без нанесения вреда своему психическому здоровью и психическому здоровью окружающих людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пэлфри, Джон Дети цифровой эры [Текст] / Джон Пэлфри, Урс Гассер ; [пер. с англ. Н. Г. Яцюк]. - Москва: Эксмо, 2011. - 364, - (Психология нового поколения).;
2. Стоцкая Т.Г. (2018). Сетевое общество и виртуальная реальность. Научный взгляд в будущее, 2(11-02), 71–75с/
3. Наука, образование, общество в условиях цифровизации: монография / Под общ. ред. Г. Ю. Гуляева — Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». — 2021. — 158 с.
4. Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно – исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире//Социальная психология и общество. -2018. -т.9 №3-с.71-80.
5. Ковальчук М.А. Влияние цифровизации на процесс общения современной молодежи// Теоретическая экономика-2021-№9 с.91-71.
6. Тоффлер Э. Шок будущего, пер.с англ.М: АСТ,-2002,557 с.
7. Нил Хоу, Уильям Штраус История будущего Америки с 1584 по 2069 годы, британское отделение издательского дома Harper & Row и Collins. Harper Collins, 1992 г-544с.
8. Сапа А.В. Поколение Z -поколение эпохи ФГОС// Продуктивная педагогика. -2015,-№8, с.5-9.
9. Аянян А. Н., Марцинковская Т. Д. Социализация подростков в информационном пространстве //Психологические исследования: электронный научный журнал. – 2016. – Т.9-№46-с.8-9 .
10. Ростова, Е. С. К вопросу о проблемах современного молодежного поколения / Е. С. Ростова, Н. А. Тумакова. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2015. — № 11 (91). — С. 1472-1474.
11. Т.Н. Горяева Социализация молодежи - Аспирант и соискатель. №2. 2006 г. -164 с.
12. Медиа- и информационная грамотность в обществах знания [Текст] / М-во культуры Российской Федерации, Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, Комис. Российской Федерации по делам ЮНЕСКО [и др.]; [сост.: Е. И. Кузьмин, А. В. Паршакова]. - Москва: МЦБС, 2013. - 379 с.
13. Панов В. И. Цифровизация информационной среды: риски, представления, взаимодействия: монография / В. И. Панов, Э. В. Патраков; Психологический институт Российской академии образования, Лаборатория экпсихологии развития и психодидактики. – Москва: ФГБНУ «Психологический институт РАО»; Курск: Университетская книга, 2020. – 199 с.
14. Чупров В.И., Зубок Ю.А. Социология молодежи-М., издательство НОРМА,-2018-335с.
15. Макарин А.И. Молодежь в России сегодня: ценностные установки и проблемы/А.И. Макарин, С.М. Ветлицкая//Международный студенческий научный вестник,-2017-№ 6 с.120-126.

The problem of the characteristics of a new type of personality in a digital society

Kovalchuk Marina Aleksandrovna

doctor of Pedagogical Sciences, Professor,
Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl, Russia.
E-mail: kovalchukma@ystu.ru

Annotation. The article deals with the problem of the characteristics of a new type of personality in the information society. The article highlights the problems that have arisen with the expansion of information networks and the increasing inclusion of a person in the virtual space and the narrowing of life in the real space. The analysis of the characteristics of a new type of personality, the peculiarities of satisfying human needs and his thinking is given, the author's views on the formation of a new generation of digital culture are presented. The purpose of our scientific work is to study the characteristics of modern youth and use the data obtained in the course of working with this age category in the educational process.

Keywords: digitalization; network-internet; virtual environment; information society; needs; digital culture; digital worldview.

Анализ китайско-российского экономического сотрудничества в контексте инициативы «Пояс и путь»

Дяо Сюхуа

доктор экономических наук, профессор,
Даляньский технологический университет, г. Далянь, КНР.
E-mail: diaoxiuhua@dufe.edu.cn

Аннотация. В статье рассматривается состояние и новые успехи торгово-экономического сотрудничества между КНР и РФ в контексте инициативы «Один пояс - один путь». В статье показано, что вызовы и возможности в китайско-российском торгово-экономическом сотрудничестве существуют в нынешних условиях. Дан анализ благоприятных факторов содействия развитию двухстороннего торгово-экономического сотрудничества на взаимовыгодной основе. Особое внимание уделяется перспективам и путям торгово-экономического сотрудничества обеих стран в новую эпоху.

Ключевые слова: «Один пояс - один путь», Китай, Россия, торгово-экономическое сотрудничество, состояние, перспективы.

JEL codes: F10, H77, O53

Для цитирования: Дяо Сюхуа, Анализ китайско-российского экономического сотрудничества в контексте инициативы «Пояс и путь» / Дяо Сюхуа. - DOI 10.52957/22213260_2022_11_69. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2022 - №11. - С.69-76. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.11.2022)

DOI: 10.52957/22213260_2022_11_69

Введение

Инициатива «Пояс и путь» была выдвинута председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 году. Она является разносторонней инициативой, охватывающей множество проектов, направленных на содействие потоку товаров, инвестиций и людей. Инициатива «Пояс и путь», основанная на многомерном подходе («пять связей»), способствует развитию взаимовыгодного международного сотрудничества. Её привлекательность состоит в равенстве, взаимной выгоде, сотрудничестве и обоюдном выигрыше, и сотрудничество в рамках «Пояс и путь» проводится по принципу совместных консультаций, строительства и совместного использования результатов [1]. Эта инициатива создаёт новую платформу для усиления и расширения торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Россией. В мае 2015 г. обе страны подписали «Совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению строительства Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС)», и в мае 2018 г. обе стороны подписали «Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР», эти документы имеют огромное и эпохальное значение для дальнейшего развития и углубления экономического сотрудничества между Китаем и Россией. Можно сказать, что сотрудничество по сопряжению строительства ЭПШП и ЕАЭС означает, что Китай и Россия достигли консенсуса высокой степени по вопросам укрепления сотрудничества обеих сторон [2].

Теперь инициатива «Пояс и путь» является одним из основных направлений внешнеэкономического и внешнеполитического курса Китая. В последние годы Китай и Россия достигли существенных успехов в укреплении многоплановой кооперации и взаимного доверия в таких областях, как торговля и экономика, политика, культурно-гуманитарные обмены и международные дела в рамках инициативы «Пояс и путь». Как президент РФ Владимир Путин заявил, что РФ и КНР достигли существенных успехов во всех областях, сейчас отношения обеих

стран вышли на самый высокий в истории уровень, все договоренности выполняются [3].

Развитие и успехи экономического сотрудничества между Китаем и Россией в контексте инициативы «Пояс и путь»

Внешнеэкономическая деятельность является важной составляющей как китайской, так и российской экономики. На фоне инициативы «Пояс и путь» двустороннее экономическое сотрудничество демонстрирует хорошую тенденцию развития. За последние 10 лет китайско-российские экономические отношения становятся все более тесными. В настоящее время торгово-экономическое сотрудничество демонстрирует небывалые темпы развития между обеими странами, взаимные капиталовложения растут поступательно. Китай является крупнейшим торговым партнёром России уже 12 лет подряд. По данным Главного таможенного управления Китая, в 2012 г. двусторонний товарооборот достиг 88,16 млрд долл. США, а в 2021 г. достиг рекордных 146,887 миллиарда долл., увеличившись на 35,9% в годовом исчислении. Особенно в ситуации серьезных международных потрясений, вызванных пандемией коронавируса и значимым усилением санкционного давления против России со стороны Запада, китайско-российское экономическое сотрудничество продолжает демонстрировать устойчивый рост, за первые восемь месяцев 2022 г. объем двусторонней торговли между Китаем и Россией достиг 117,21 млрд долл., увеличившись на 31,4% в годовом исчислении, в том числе экспорт Китая в Россию – 44,26 млрд долл., импорт из России – 72,95 млрд долл. [4]. По прогнозам, китайско-российский товарооборот вырастет до 165–170 миллиардов долларов в 2022 году.

Видно, что Китай и Россия имеют высокую устойчивость и жизнеспособность торгово-экономических отношений. В последние десятилетия торгово-экономическое сотрудничество обеих сторон демонстрирует положительную тенденцию, разворачивается полномасштабное сотрудничество в областях сельского хозяйства, нефтегазового сектора, например, нефтегазопровода между Китаем и Россией, проекта «Ямал-СПГ», атомной электростанции и так далее, а также в высокотехнологичных областях, в том числе ядерная энергетика, военная промышленность, производство современного промышленного оборудования, аэрокосмическая промышленность, освоение космоса, освоение Арктики и цифровая экономика. Кроме того, Китай и Россия непрерывно развивают сотрудничество в области взаимосвязи инфраструктуры и других сферах, ускоренными темпами продвигается строительство связывающих обе страны трансграничных объектов инфраструктуры, например, активно продвигается строительство международных транспортных коридоров (МТК) «Приморье-1» и «Приморье-2».

За последние годы китайско-российское сотрудничество непрерывно развивается в области инвестиций, взаимные капиталовложения растут поступательно. Россия обращает главное внимание на привлечение иностранных инвестиций. Китай придает большое значение инвестиционному сотрудничеству с Россией, а также рассматривает его в качестве важной составляющей частью двустороннего прагматического сотрудничества [5].

В 2014 году две державы вместе создали Межправительственную китайско-российскую комиссию по инвестиционному сотрудничеству для того, чтобы стимулировать двустороннее сотрудничество в области инвестиций. Несмотря на пандемию, рост объема инвестиций продолжался в 2021 году, и тенденция сотрудничества обеих сторон углубляется в настоящее время.

С создания ТОР и СПВ на ДВ России, в рамках ТОР и СПВ осуществляется целый ряд инвестиционных проектов в последние годы, и много китайских компаний инвестируют в эти регионы. Теперь Китай уже стал крупнейшим государством-источником инвестиций для ДВ России, компании Китая принимают участие в реализации 58 проектов на ДВ России, сумма инвестиций – 2,4 миллиарда долларов [6]. Проекты инвестиций Китая реализуются в области сельского хозяйства, промышленности, строительства, транспорта и логистики, они пользуются преференциями режимов ТОР и свободного порта. На VII Восточном экономическом форуме полпред президента в ДФО Юрий Трутнев отметил, что вложения Китая в ДФО составляют 90% от иностранных инвестиций [7].

Кроме роста объема и масштаба китайских инвестиций в России, оптимизируется их структура с обеих сторон, китайский и российский бизнес демонстрируют большую готовность к сотрудничеству, активно находя новые формы взаимодействия. Помимо таких традиционных областей, как энергетика, сельское и лесное хозяйство, строительство и транспорт, Китай и Россия постепенно расширяют сотрудничество в области высоких технологий. Например, российский сотовый оператор МТС и китайская компания Huawei подписали соглашение о создании в России сетей 5G в 2019 году.

3. Факторы, способствующие развитию китайско-российского экономического сотрудничества

3.1 Развитие модернизации Китая и его достижения заложили прочную экономическую основу для сотрудничества между Китаем и Россией

С начала принятия политики реформ и открытости для осуществления всесторонней модернизации в конце 1978 года правительство Китая начало использовать рыночные механизмы, чтобы оживлять экономические структуры и повышать производительности труда. И с тех пор Китай стал проводить активную внешнюю торгово-экономическую политику, непрерывно развивать сотрудничество в разных областях с другими странами мира. Таким образом, эффективность экономики значительно повышается от проведения политики реформ и открытости в Китае. В течение более 40 лет китайская экономика получила быстрые темпы развития и плодотворные успехи. Президент России В. Путин отметил, что рост китайской экономики - отнюдь не угроза, а вызов, несущий в себе колоссальный потенциал делового сотрудничества, шанс поймать «китайский ветер» в «паруса» экономики России. И Россия должна активнее выстраивать новые кооперационные связи, сопрягая технологические и производственные возможности обеих стран, задействуя - разумеется, с умом - китайский потенциал в целях хозяйственного подъема Сибири и ДВ» [8]. Следует подчеркнуть, что современный Китай модернизируется быстрыми темпами. В последние десятилетия китайская экономика развивается быстрее других развивающихся стран мира. Можно сказать, китайская модель модернизации развития экономики предоставляет учебный опыт для этих стран. Кроме того, развитие китайской экономики и превращение в современную могучую державу становятся способствующим фактором глобального развития и играют важную роль для укрепления всеобщего мира и безопасности. Сегодня стремительно растущая экономическая мощь Китая, его всё более расширяющиеся мирохозяйственные связи играют большую роль на мировой арене. Китай, как одна из крупнейших и быстро движущихся к экономическому и культурному процветанию мировых держав, оказывает постоянно растущее позитивное влияние на развитие современного мира и на будущее человечества. Это благоприятно способствует развитию китайско-российского экономического сотрудничества.

3.2 Стабильность отношений и высокий уровень взаимного политического доверия способствуют непрерывному развитию торгово-экономического сотрудничества между двумя странами

Теперь Китай и Россия открывают новую эпоху в международных отношениях. Будучи наиболее стабильными, здоровыми и зрелыми, они стали образцовыми межгосударственными отношениями в современном мире. С момента заключения «Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между КНР и РФ» в июле 2001 г., китайско-российские отношения развиваются благополучно, взаимное доверие в политике укрепляется. В последние годы лидеры государств Китая и России подписали ряд совместных заявлений: «Совместное заявление КНР и РФ о взаимовыгодном сотрудничестве и углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия» в 2013 году; «Совместное заявление РФ и КНР о новом этапе отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия», подписанное в 2014 году; «Совместное заявление об углублении отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия», подписанное в 2017 году; «Совместные заявления о развитии российско-китайских отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху» в 2019 году; и также

Китай и Россия подписали «Совместные заявления о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии» в феврале 2022 г. Эти документы имеют огромное значение и являются «краеугольным камнем» китайско-российских отношений. Они также заложили политическую основу для эффективного взаимодействия между двумя странами в области добрых политических отношений и тесного экономического сотрудничества.

И теперь отношения между Китаем и Россией являются лучшим в истории периодом, об этом уже неоднократно отмечалось руководителями двух стран. До сих пор всего заключено более 300 межправительственных договоров и соглашений, которые охватывают практически все области сотрудничества между обеими сторонами. На сегодняшний момент КНР является ключевым партнером России на мировой арене. Можно сказать, что России нужен процветающий и стабильный Китай, а Китаю нужна развивающаяся и мощная Россия. И углубление отношений с Китаем – приоритет российской внешней политики. Этот курс носит устойчивый, долгосрочный характер, отвечает задачам укрепления добрососедства и обеспечения развития обеих стран [9]. И мы верим, что стабильное, нормальное развитие отношений между обеими сторонами непременно принесет благополучие народам двух стран.

3.3 Новая модель развития Китая с «двойной циркуляцией» и новая ситуация после 20-го съезда КПК обеспечивают благоприятные новые возможности для двустороннего сотрудничества

В 2020 году была выдвинута Новая модель развития Китая с «двойной циркуляцией», сочетающая в себе силы внутренней экономики Китая и международного экономического взаимодействия. Конкретно говоря, в этой стратегии внутренняя экономика является опорой, а внутренняя и международная экономики дополняют друг друга. Это означает, что Китай будет ускорять построение новой структуры открытости внешнему миру на более высоком уровне, качественно продвигать совместное строительство «Один пояс и один путь», расширять сотрудничество со странами, расположенными вдоль «Одного пояса и одного пути», расширять масштабы взаимной торговли и инвестиций.

В докладе 20-го съезда КПК Председатель КНР Си Цзиньпин подчеркнул, что Китай придерживается политики открытости внешнему миру, а также стратегии взаимной выгоды и взаимного выигрыша, будет делать новые шаги в проведении реформ и расширении открытости, содействовать высококачественному развитию инициативы совместного строительства «Пояса и пути» и предпринимать усилия для ускорения процесса превращения Китая в торговую державу, способствовать либерализации и упрощению процедур в области торговли и инвестиций, стимулировать двустороннее, региональное и многостороннее сотрудничество. Вообще, развитие экономики Китая обеспечивает широкие перспективы сотрудничества между Китаем и разными странами мира, особенно предоставляет новые возможности и импульс для сотрудничества между Китаем и Россией.

Несмотря на то, что существуют многие благоприятные факторы содействия развитию двустороннего экономического сотрудничества, но в настоящее время имеется и ряд таких негативных факторов. Рассмотрены факторы, сдерживающие дальнейшее развитие российско-китайского экономического сотрудничества Китая и России: мировое хозяйство находится в процессе непрерывного изменения, тенденция торгового протекционизма и антиглобализма вновь проявилась и оказывает серьёзное влияние на развитие мировой экономики; темпы восстановления мировой экономики постоянно ослабевают из-за негативных последствий пандемии COVID-19 и искусственного нарушения производственных цепочек и цепочек поставок; цены на основные товары колеблются на высоких отметках; глобальная инфляция остается высокой, глобальная экономика переполнена кризисами; особенно сегодняшний мир неспокоен, глобальная ситуация останется неопределенной и нестабильной в ближайшее время, мировая экономика переживает вызовы из-за долгового кризиса, международный финансовый рынок испытывает многократные потрясения, и так далее.

4. Потенциал экономического сотрудничества и предложения о сотрудничестве Китая и России в рамках инициативы «Пояс и путь»

Для того чтобы содействовать устойчивому развитию и мощной динамике торгово-экономического сотрудничества между Китаем и Россией, надо воспользоваться благоприятными шансами, принять мероприятия и усилить сотрудничество в следующих областях в будущем.

Во-первых, укрепление сотрудничества в области инвестиций. Китай и Россия должны полностью использовать механизмы взаимодействия в различных областях на межправительственном уровне и между ведомствами, способствовать росту предпринимательского доверия. Обеим сторонам нужно укрепить русло для Китайско-российского инвестиционного фонда, Китайско-российского инвестиционного фонда регионального развития и других фондов двустороннего сотрудничества, повысить уровень финансовой поддержки и финансовых услуг, усилить защиту прав и законных интересов инвесторов, а также создать более справедливую, дружественную и устойчивую деловую среду. Вообще необходимо содействовать совместно реализации большего числа проектов сотрудничества на основании принципа «предприятия – основа, рыночная ориентация, функционирование бизнеса, международная практика» в дальнейшем [10].

Во-вторых, расширение сотрудничества в области науки, технологий и инноваций. Это должно быть одним из основных направлений сотрудничества экономики обеих сторон в будущем. Обе страны должны в полной мере использовать роль базы научно-технического сотрудничества между Китаем и Россией, стимулировать двухсторонний поток научно-технических кадров между обеими странами, углублять инвестиционное сотрудничество в области науки и техники, способствовать передаче научно-технических достижений. Надо продвигать крупные совместные проекты в авиации и космонавтике, гражданском авиастроении, спутниковой навигационной системе «северный ковш», исследовании Луны и дальнего космоса, в других высокотехнологичных областях, таких как электронная информация, технологий 5G, большие данные, искусственный интеллект, новые материалы, новые источники энергии, экология и так далее. КНР и РФ нужно в полной мере использовать потенциал сотрудничества в вышеназванных областях, ускорять подписание и реализацию соответствующих проектов сотрудничества. Теперь создается инновационный научно-технологический центр на острове Русский, где главными направлениями деятельности являются информационные технологии, робототехника, мировой океан и биотехнология. Китайские технологические предприятия могут участвовать в реализации высокотехнологичных проектов этого центра.

В-третьих, усиление двустороннего сотрудничества в области энергетики. Энергетическое сотрудничество между обеими странами носит стратегический характер. Как президент России В. Путин заявил, что для Китая – это повышение надежности, диверсификация поставок энергоресурсов для внутренних нужд, а для России – открытие новых экспортных маршрутов в динамичный Азиатско-Тихоокеанский регион [11]. В последние годы реализуется много проектов сотрудничества в сфере энергетики между Россией и Китаем, и обе страны добились наибольших успехов в энергетическом сотрудничестве. Можно сказать, что энергетическое сотрудничество играет роль «стабилизатора» в двусторонней торговле.

Современная сложная и изменчивая ситуация в международной торговле, международные колебания цен на сырую нефть оказывают большое влияние на структуру энергоснабжения и энергопотребления многих стран мира, и в том числе Китая, а также приносят новые вызовы для энергетической безопасности Китая. А России необходимо искать новые направления для поставок нефти и увеличивать экспорт на рынки Азиатско-Тихоокеанского региона для защиты от удара и влияния западных санкций на российскую энергетику. Итак, расширение сотрудничества в области энергетики имеет огромное значение для двух государств. В будущем нужно стимулировать сотрудничество в сфере энергетических технологий и оборудования обеих сторон, укреплять сотрудничество в нефтехимической промышленности, одновременно расширять сотрудничество в

сфере чистых энергоносителей, чтобы реализовывать взаимную выгоду и взаимный выигрыш. Вообще, необходимо непрерывно углублять всестороннее комплексное энергетическое сотрудничество в сфере разведки, добычи, переработки и сбыта, содействовать обмену и сотрудничеству Сторон в таких областях энергетики, как разработка и использование энергоэффективных технологий, единых стандартов, кадровое и информационное обеспечение [12].

В-четвертых, углубление сотрудничества в сфере транспорта. Транспортно-транзитная взаимосвязанность является главным и правильным направлением совместного строительства «Пояса и пути». В рамках инициативы «Пояса и пути» предлагали создание сухопутных и морских путей в Азии, Африке и Европе, в том числе строительство таких объектов, как «Новый Евразийский сухопутный мост», «Экономический коридор Китай-Монголия-Россия», «Экономический коридор Китай — Центральная Азия — Западная Азия» и так далее. Для того, чтобы создать более благоприятные условия для торгово-экономических связей и регионального сотрудничества между Китаем и Россией, обеим сторонам надо усилить взаимосвязи и взаимодействия в области транспорта в будущем, ускорить строительство китайско-монгольско-российского экономического коридора, ускорить реализацию транспортной взаимосвязи «Суша-Море-Лед» и международных транспортных коридоров «Приморье-1» и «Приморье-2». А также непрерывно продвигать регулярное грузовое железнодорожное сообщение Китай-Европа и другие транспортно-транзитные проекты.

Из всего вышесказанного видно: несмотря на то, что китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество сталкивается с беспрецедентными вызовами в условиях нового экономического порядка, но Китай и Россия являются самыми большими государствами-соседями, и у них много точек соприкосновения в различных областях, достаточно возможностей для взаимовыгодного партнерства, прекрасные условия [13], поэтому двухстороннее сотрудничество обладает колоссальными потенциалами развития, перспективы сотрудничества по-прежнему широки в дальнейшем. Как посол КНР в России Чжан Ханьхуэй сказал, что, сталкиваясь лицом к лицу со сложной и изменчивой международной обстановкой, эпидемии и негативным влиянием коронавируса COVID-19 на международные отношения, китайско-российское торгово-экономическое сотрудничество всегда сохраняет правильное направление и обеспечивает прочную материальную поддержку для развития отношений между двумя странами. Обе стороны должны продолжать укреплять сотрудничество и сопряжение, искать творческие идеи сотрудничества, чтобы стремиться к большим достижениям в будущем [14].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Визит председателя КНР Си Цзиньпина в Россию повысит уровень делового сотрудничества между двумя странами. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа://<http://russian.people.com.cn/p3/2017/0629/c31521-9234798.html> (дата обращения: 28.09.22).
2. Дяо Сюхуа. Экономическое сотрудничество Северо-восточного региона Китая и ДВ России в новых условиях: состояние, возможности и предложение // Теоретическая экономика. 2022 г. №1. – С. 70-78.
3. Путин оценил уровень отношений с Китаем. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа://<https://ria.ru/20210519/putin-1732933917.html> (дата обращения: 02.10.22).
4. Онлайн-платформа запросов для таможенной статистики <http://43.248.49.97/> (дата обращения: 12.10.22).
5. Чжан Ханьхуэй: широкими шагами идем к великому возрождению китайской нации. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа://<https://ria.ru/20190910/1558516755.html> (дата обращения: 15.10.22).
6. Китай инвестировал в проекты Дальнего Востока 2,4 миллиарда долларов. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа://<https://ampravda.ru/2021/11/26/0108786.html> (дата обращения: 20.10.22).
7. Трутнев сообщил, что вложения Китая в ДФО составляют 90% от иностранных инвестиций. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа://<https://tass.ru/ekonomika/15651437> (дата обращения: 23.10.22).
8. В. Путин. Россия и меняющийся мир // Газета «Московские новости». 27 февраля 2012.
9. О российско-китайских отношениях стратегического партнерства. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа://https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/dvustoronnie-otnosenij-rossii-s-inostrannymi-gosudarstvami/strategiceskoe-partnerstvo-s-kitaem/#sel=1:2: igj,19:28: Vyx (дата обращения: 21.10.22).
10. Чжан Ханьхуэй: широкими шагами идем к великому возрождению китайской нации. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа://<https://ria.ru/20190910/1558516755.html> (дата обращения: 30.10.22).
11. В. Путин Россия и Китай: новые горизонты сотрудничества. // Жэньминь жибао. 05 июня. 2012 (кит. яз.).
12. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху [Электрон. ресурс]. – Режим доступа://<http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 02.11.22).
13. Углубление китайско-российских отношений на благо народов обеих стран. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа://<https://interaffairs.ru/news/show/16703> (дата обращения: 26.10.22).
14. В 2022 году российско-китайский торгово-экономический Деловой форум успешно состоялся в Москве. [Электрон. ресурс]. – Режим доступа:// <http://cn.chinadaily.com.cn/a/202210/13/WS63470e53a310817f312f1c4e.html> (дата обращения: 29.10.22).

Analysis of Sino-Russian Economic Cooperation under the Background of «the belt and road initiative»

Diao Xiuhua

Ph.D. in Economics, Professor,

Dalian University of Technology, Dalian, China.

E-mail: diaoxiuhua@dufe.edu.cn

Annotation. This paper expounds the situation and new achievements of Sino-Russian economic and trade cooperation under the background of «the belt and road initiative», analyzes the opportunities and challenges faced by Sino-Russian economic and trade cooperation under the current situation, studies the favorable factors to promote the development of Sino-Russian economic and trade cooperation on the basis of mutual benefit and win-win, and points out the prospects and paths of Sino-Russian economic and trade cooperation in the new era.

Keywords: «the belt and road initiative», China, Russia, economic and trade cooperation, present situation, prospect

Денежные переводы трудовых мигрантов: социально-экономические риски и возможности регулирования

Сапир Елена Владимировна

доктор экономических наук, профессор,

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», г. Ярославль, Российская Федерация.

E-mail: evsapir@yahoo.com

Чистякова Анастасия Алексеевна

Студент,

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», г. Ярославль, Российская Федерация.

E-mail: chistiakowa.asya@yandex.ru

Аннотация. В статье исследованы социально-экономические риски ремиттансов, вытекающие из противоречивости интересов домохозяйств мигрантов, а также правительств, направляющих и принимающих иностранную рабочую силу стран. Представлена авторская графическая модель взаимосвязи эффекта роста дохода и эффекта упущенного дохода, в совокупности предопределяющих целесообразность трудовой миграции. В результате анализа предложены два типа классификации мер регулирования переводов трудовых мигрантов. В зависимости от уровня принятия решений все меры регулирования отнесены к глобальным, многосторонним, двусторонним и глобальным мерам. В зависимости от объекта регулирования выделены меры национального миграционного регулирования; меры воздействия на механизмы и финансовые институты переводов; меры повышения финансовой грамотности самих мигрантов.

Ключевые слова: ремиттансы; международная трудовая миграция; миграционная политика; социально-экономическая политика; благосостояние; политика в сфере ремиттансов; макроэкономические миграционные риски; микроэкономические миграционные риски; маркеры миграционной политики.

JEL codes: F22, F24, O15

Для цитирования: Сапир, Е.В. Денежные переводы трудовых мигрантов: социально-экономические риски и возможности регулирования / Е.В. Сапир, А.А. Чистякова. - DOI 10.52957/22213260_2022_11_77. - Текст: электронный // Теоретическая экономика. - 2022 - №11. - С.77-88. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.11.2022)

DOI: 10.52957/22213260_2022_11_77

Теоретическая разработанность вопроса политики в области денежных переводов трудовых мигрантов

Ремиттансы – трансграничные денежные переводы мигрантов членам семей в страну происхождения – явление, отличающееся двойственным характером влияния на экономические и социальные процессы в экономиках-получателях. Несмотря на то, что эти финансовые потоки составляют крупнейший канал финансирования развивающихся стран, они создают не только возможности для экономического роста, повышения благосостояния, снижения бедности и неравенства, накопления человеческого капитала, но и вызывают риски неэффективных структурных экономических изменений, выработки нерациональной потребительской модели поведения, усугубления социально-экономических проблем у населения, не охваченного миграцией и т.д.

Результаты исследований авторских коллективов по проверке позитивного действия переводов на благосостояние население, устойчивое развитие и благополучие экономики в целом весьма противоречивы. Перед мировым сообществом и правительствами отдельных юрисдикций, в особенности развивающихся стран, объективно встаёт вопрос изучения факторов, предопределяющих характер проявления внешних эффектов ремиттансов, и формирования мер политики, позволяющих максимизировать пользу личных денежных переводов мигрантов [1].

Один из ведущих исследователей проблем трудовой миграции Й. Карлинг в работе «Возможности политики повышения эффективности ремиттансов» рассматривает 2 сценария финансирования потребления в будущем: за счёт новых притоков трудовых доходов эмигрантов и за счёт доходов от реальных инвестиций сегодня. Автор обобщает цели политических мер в сфере переводов и инструменты их достижения, классифицируя эти инструменты по 2 основаниям: направленности на домохозяйства, затронутые миграцией (специальные целевые и дополнительного действия) и масштабу (денежные переводы – один из компонентов, на которые влияет миграционная политика, управление диаспорами). В указанном исследовании выделены базисные принципы политики в области ремиттансов и развития [2]:

- 1) адаптивность политических мер в области переводов, связанная с их многообразием,
- 2) разнонаправленность целей: разные сектора экономики исходят из разных целей при использовании доходов от переводов: сектор домохозяйств – из необходимости финансирования текущего потребления, государственный сектор – из идеи достижения устойчивости экономических выгод или будущего развития независимости от последующих переводов.
- 3) многостороннее влияние разных акторов: регулирование осуществляется не только со стороны государства, но и со стороны заинтересованных неправительственных организаций, инициатив, учреждений принимающих стран (NORAD, Norwegian Agency for Development Cooperation),
- 4) избегание чрезмерного вмешательства, исходя из того, что получатели переводов вправе распорядиться денежными средствами так, чтобы максимально, с их точки зрения, повысить своё благополучие,
- 5) учёт модели личностных взаимоотношений между мигрантами и немигрантами,
- 6) доверие мигрантов и их семей к политическим институтам стран их происхождения.

В своем последующем труде «Денежные переводы мигрантов и сотрудничество в целях развития» Карлинг более подробно рассматривает вариативность подходов к регулированию трудовой миграции и денежных переводов. Часть развивающихся экономик активно поощряет эмиграцию, а часть предпринимает усилия по встраиванию переводов в комплекс методов продвижения по пути к инклюзивному развитию [3].

К. Амуэдо-Дорантес и Т. Путтитанун изучили, как усиление контроля за легальностью иммиграции влияет на переводы трудовых мигрантов из США в Мексику. Контроль проводился через 2 системы проверки: со стороны работодателя (через электронную проверку потенциального работника для подтверждения его права трудоустройства) и через правоохранительные органы (посредством проверки полицией иммиграционного статуса и идентификации лиц, не являющихся гражданами США, на предмет их причастности к криминальным происшествиям). Это влияние осуществлялось в 3 направлениях [4]:

- В части международной миграции:
- меры миграционной политики, реализуемые полицией, снизили вероятность реэмиграции.
- В части склонности к переводу средств:
- меры проверки при трудоустройстве объективно ослабили склонность неофициальных трудовых мигрантов к переводу ремиттансов,
 - ужесточение мер иммиграционного контроля, напротив, стимулировало увеличение переводов на родину от нелегальных мигрантов в ответ на возросшие риски депортации – снизилась мобильность трудовых мигрантов в поездках к семьям из-за опасений отказа в последующем въезде в США и страха временного отъезда на родину.

- В части суммы перевода:
- миграционный контроль, осуществляемый полицией, сократил поток переводов, посылаемых нелегальными мигрантами, более, чем на 30%, одновременно увеличив поток ремиттансов, отправляемых легальными мигрантами, приблизительно на 70% (ограничение возможности трудоустройства и перевода средств неофициальных эмигрантов увеличивает социальную и

финансовую нагрузку на легальных мигрантов, которые вынуждены обеспечить не только членов семей на родине, но и тех, кто был депортирован или не смог эмигрировать),

– средняя сумма личных трансграничных переводов на одного трудящегося мексиканского мигранта, отправляющего переводы, возросла на 50 % (166 \$ США), а на одного мексиканского мигранта в целом – лишь на 20 долл. США.

Данное исследование проливает свет на одну из особенностей устойчивости ремиттансов – сохранение объёмов при воздействии внешних институциональных «шоков».

Д.Э. Вакафлорес изучал потенциальное воздействие ремиттансов на эффективность денежно-кредитной политики в странах исхода мигрантов. Так как весомая доля переводов по-прежнему остаётся неофициальной, крупные неучтённые финансовые потоки, как и их колебания, ставят под сомнение достижимость монетарного таргетирования [5].

Таким образом, прослеживается противоречие между субъективными интересами трудовых мигрантов и стратегическими целями, и прагматическими методами национального правительства, а также правительств принимающих стран (рисунок 1).

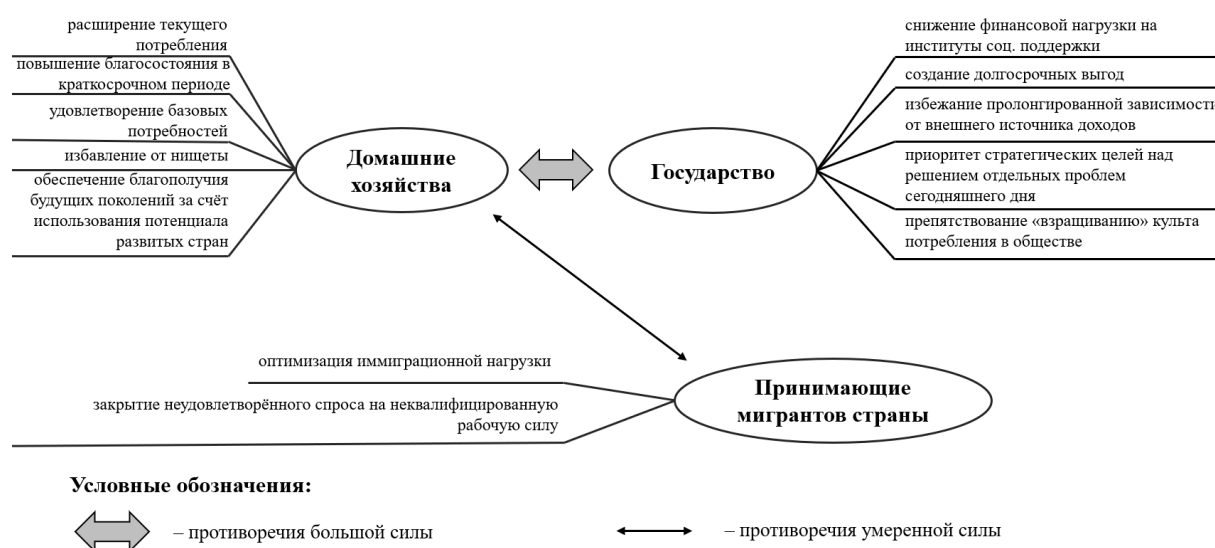

Рисунок 1 – Сопоставление желаемых эффектов домохозяйств, государства и стран, принимающих мигрантов, от международной трудовой миграции

Источник: составлено авторами

Конфликт интересов состоит в том, что кратковременные и (или) частные цели одних субъектов международной трудовой миграции сталкиваются с долгосрочными и масштабными интересами других субъектов, ориентированных на перспективу и желающих избежать появления источников рисков, сопряжённых с переводами.

Социально-экономические риски ремиттансов и их природа

Риски ремиттансов для социально-экономического развития в широком смысле можно разделить на несколько групп. В литературе принято выделять 2 вида рисков, связанных с ремиттансовыми – микроэкономические и макроэкономические.

1) Микроэкономические или риски на уровне домохозяйства или отдельных представителей сектора потребителей включают опасную зависимость семей мигрантов от внешнего дохода кормильца (эффект дохода и эффект замещения денежных переводов), изменение структуры потребления в пользу товаров, производимых вне национальной экономики, или товаров, требующих повышенной энергозатратности [1].

Э. Мурад описал принцип действия эффекта дохода (влияние на доход и полезность немигранта) и эффекта замещения ремиттансов (перераспределения труда между сельскохозяйственным и

несельскохозяйственным трудоустройством, приносящим разный доход; если один из членов семьи отдаёт предпочтение несельскохозяйственному доходу, совокупный фермерский труд семьи сокращается и замещается трудом других членов домохозяйства – производительность труда на одного члена семьи, занятого в семейном хозяйстве, возрастает) [6]. Тем не менее, эффект замещения может иметь и лишь частично-компенсаторное действие и оказать влияние, противоположное влиянию эффекта дохода.

Мурадом сделаны следующие выводы о семьях трудоустроенных в США мексиканских мигрантов:

– в случае миграции одного из членов домохозяйства, во-первых, увеличивается вероятность самозанятости оставшихся членов семьи, во-вторых, увеличивается время занятости, включая занятость на фермерских хозяйствах;

– семьи мигрантов, несмотря на перераспределение рабочего времени, лишь частично компенсируют упущенный вклад труда эмигранта;

– члены домохозяйства, не имеющего собственного семейного бизнеса, при получении ремиттансов снижают трудозатраты, предпочитая возможность дополнительного отдыха или досуга.

На рисунке 2 представлена авторская графическая иллюстрация решения задачи оставшегося на родине потребителя-родственника мигранта, отражающая изменение его благосостояния в краткосрочном периоде при постоянных ценах на примере набора из потребительского множества, состоящего из двух благ.

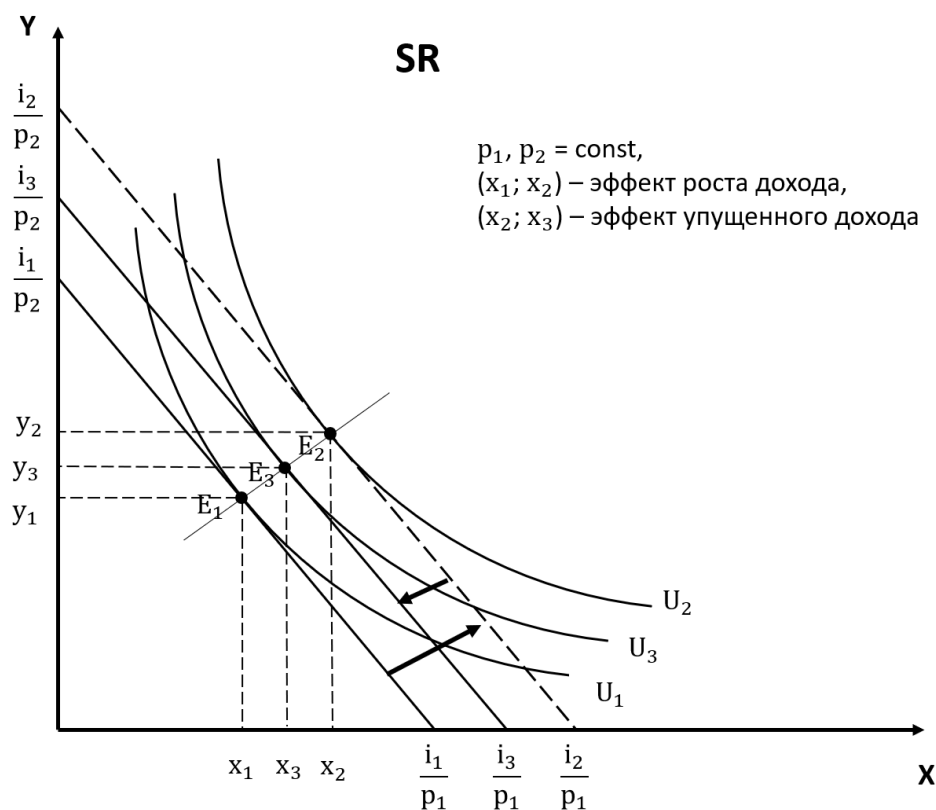

Рисунок 2 – Изменение благосостояния члена семьи мигрантов на местах: сочетание эффекта роста дохода и эффекта упущенного дохода

Источник: составлено авторами

Допустим, что мигрант до своего отъезда был занят на фермерском семейном хозяйстве, а предпочтения родственника мигранта строго монотонны и выпуклы, тогда движение от точки пересечения E_1 линии бюджетного ограничения и кривой безразличия U_1 к аналогичной точке после миграции E_2 при сдвиге линии бюджетного ограничения вправо характеризует

улучшение положения членов семьи трудового мигранта. В то же время после того, как мигрант перестаёт участвовать в общем сельскохозяйственном труде домохозяйства, общая и удельная сельскохозяйственная выработка семьи сокращается (упущенный сельскохозяйственный доход мигранта - перемещение из точки E_2 в точку E_3) – с этой позиции положение потребителя (члена семьи мигранта) ухудшается.

Примечание: в данном случае нами не отражено увеличение сельскохозяйственного дохода немигрировавшего члена семьи, описанное в эффекте замещения Мурада, так как прирост дохода происходит экстенсивно – за счёт увеличения часов работы, а не за счёт роста предельной выработки.

Исходя из этого, трудовая миграция будет осуществляться только в том случае, если предельная производительность труда на родине (в стоимостном выражении) меньше или равна предельной производительности труда мигранта за рубежом, то есть $MP_{L^1} \leq MP_{L^2}$. Трудовой мигрант получает больший доход, чем альтернативный на родине и переводит суммы, улучшающие положение родственников. Причём ремиттансы эффективны и в том случае, если они отрицательны, но приращение дохода мигранта снижает их:

$$\text{если } R > 0 \text{ или } R \leq 0, \text{ но } \bar{I}_2 = \frac{\sum_{i=1}^n I_p + R}{n} > \bar{I}_1$$

Таким образом, доход мигранта, а именно, сумма перевода, выступает важнейшим фактором, определяющим трудовую миграцию и направленность эффектов ремиттансов. В связи с этим, сумма перевода (является многофакторным показателем, зависит не только от дохода, но и от мотивов и планов мигранта) – один из ключевых индикаторов, которые необходимо учитывать при проведении миграционной политики и политики в области трансграничных переводов, по возможности, не допуская применения мер, способных спровоцировать её снижение.

2) Макроэкономические риски, затрагивающие процессы на уровне всей национальной экономики: воздействие на цены произведённых в стране товаров и связанные с ними обменные курсы, моральные риски (развитие культуры потребления, снижение склонности к сбережению, низкие внутренние инвестиции) [1].

Кроме указанных двух видов рисков представляется целесообразным выделить и третий вид рисков – глобальные риски, проявляющиеся в виде последствий для глобальных вопросов: снижение внешней конкурентоспособности страны, препятствие достижению прогресса по глобальным ЦУР.

Разнообразие типов экономических систем, структур экономических моделей, степени развитости экономики той или иной юрисдикции, рыночной конъюнктуры и прочие локальные особенности не позволяют дать исчерпывающие или универсальные рекомендации применения мер государственного управления, которые позволили бы максимизировать выгоды от ремиттансов для всех заинтересованных сторон. Однако на основе агрегирования результатов исследований, представляется возможным обобщённо сформулировать набор тех «индикаторов», на которые стоит обращать внимание при проведении социально-экономической, кредитно-денежной и финансовой политики, чтобы, по крайней мере, снизить риски неблагоприятных цепных эффектов, провоцируемых ремиттансами (таблица 1).

Таблица 1 – Обзор маркеров-параметров, играющих важную роль при составлении и оценке сценариев политики в области личных трансграничных переводов

Маркер-параметр	Описание	Автор
Средняя сумма перевода	Трудовая миграция эффективна тогда, когда предельная производительность труда мигранта за рубежом превышает предельную производительность его труда на родине: ремиттансы повышают общее благосостояние домохозяйства.	Э. Мурад, К. Амуэдо-Дорантес Т. Путтитанун

Маркер-параметр	Описание	Автор
Объёмы реэмиграции, соотношение официальной и неофициальной миграции	Меры, направленные на легализацию иностранного труда, приводят к изменению структуры трансфертной нагрузки: провоцируют реэмиграцию неофициальных трудящихся и создают дополнительное бремя для оставшихся легальных работников.	К. Амуэдо-Дорантес Т. Путтитанун
Назначение и способ использования ремиттансов	Позиционируются ли ремиттансы мигрантом и его семьей как канал инвестиций? Возможны 2 сценария развития, находящих отражение в виде стимуляции/препятствовании макроэкономической стабильности: а) внутрисемейный трансферт с выраженной инвестиционной целью, включающий денежное вознаграждение за управление инвестициями на родине (ремиттансы как потоки капитала), б) фиксированный трансферт (ремиттансы как текущие переводы средств). Сначала сам мигрант, а затем и его семья формируют приемлемое, с их точки зрения, соотношение затрат на текущее потребление и инвестиций, обеспечивающих будущие потребления: предельная полезность от инвестирования (будущего потребления) превышает предельную полезность от текущего потребления.	Т. Ле [7]
Совокупный поток ремиттансов (переводы в % от ВВП) и его колебания	Необходим при проведении эмиссионными банками политики стабилизации влияния волатильности получаемых ремиттансов на финансовые агрегаты. Рост переводов увеличивает темп инфляции, денежную массу, повышает обменный курс. Падает производство, но затем восстанавливается за счёт инвестиций.	Д.Э. Вакафлорес

В условиях существующих территориальных социально-экономических диспропорций, выступающих главным триггером трудовой эмиграции и ядром её модели для развивающихся стран, будет иметь место зависимость последних от принимающих мигрантов стран, а полного преодоления рисков, вызванных этой зависимостью, вряд ли удастся достичь в обозримой перспективе. В связи с этим, с нашей точки зрения, представляется целесообразным не поиск универсального и (или) исчерпывающего набора инструментов борьбы против рисков переводов трудовых доходов международных мигрантов, а обобщение мирового опыта и систематизация известных на сегодняшний день и применяемых на практике мер их сглаживания по 2 основаниям: в зависимости от объекта их приложения и исходя из уровня, на котором принимается конкретная мера.

Классификация мер регулирования переводов трудовых мигрантов в зависимости от объекта регулирования

Мы выделяем следующие меры миграционного финансового регулирования в мире.

I Меры миграционного регулирования, направленные на координацию направлений мировых миграционных потоков и управление их интенсивностью.

Потоки международных мигрантов устойчиво увеличиваются в последние десятилетия как в абсолютном значении, так и в относительном – доля мирового населения, приходящаяся на международных мигрантов, причем большая часть этих потоков приходится на трудовую миграцию: из 248 млн. мигрантов в 2015 г. около 150 млн. составили трудовые мигранты (рисунок 3) [8].

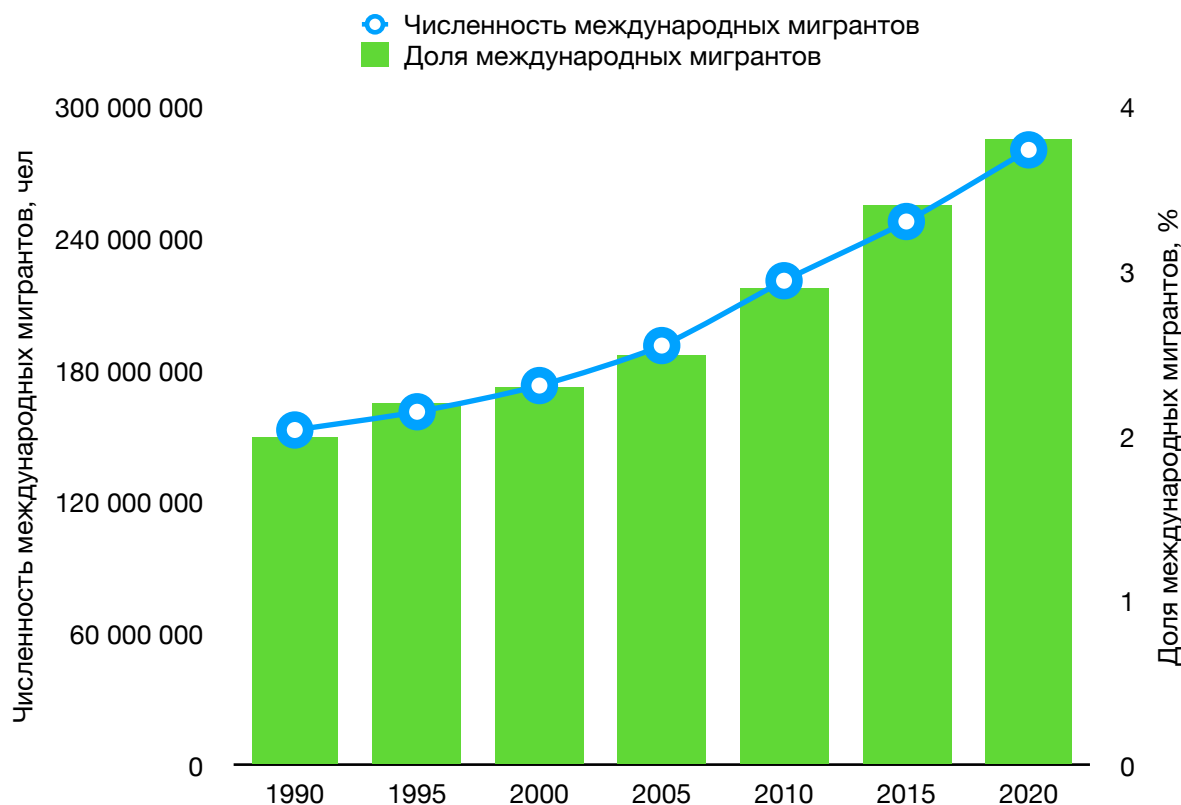

Рисунок 3 - Среднегодовая совокупная численность международных мигрантов, млн.чл., доля международных мигрантов в общей численности населения, %, 1990-2020 гг.

Источник: United Nations. Population Division. International Migrant Stock

В географическом распределении мигрирующей рабочей силы прослеживаются масштабные диспропорции, создающие угрозу миграционных кризисных состояний: в 2020г. в странах Европы находилось более 30 % от общего числа международных мигрантов, а суммарно в Европе и Северной Америке – более половины. Очевидно, что миграционным притокам сопутствуют обязательства предоставления социально-ориентированных гарантий прибывающим работникам. Именно на развитые страны приходится колоссальная нагрузка по приближению условий труда, жизни и пребывания мигрантов к достойному уровню при том, что имеет место перенасыщение рынка иностранной рабочей силой (Европейский миграционный кризис с 2015 г.) (рисунок 4). Исходя из этого, в ЕС разрабатываются и предпринимаются комплексные действия по управлению потоками мигрантов и беженцев: так с 2015 г. количество случаев нелегальной миграции удалось снизить на 90 % [10].

Подобные примеры имеют место и в странах СНГ. Несмотря на то, что в большинстве государств-членов Содружества иммиграция невелика, имело место введение иммиграционных квот (Азербайджан, Кыргызстан). Аналогичным образом применяются и меры эмиграционного регулирования – противодействие эмиграции высококвалифицированного труда – в Республике Беларусь [11].

Рисунок 4 - Структура международной миграции, 2020 г.

Источник: United Nations. Population Division. International Migrant Stock [9]

II Меры воздействия на механизмы осуществления личных ремиттансов, финансовые институты и коридоры международных переводов. В период введения повсеместных локдаунов в 2020 г. весомое значение для рынка переводов имело то обстоятельство, были ли отнесены финансовые услуги по международным денежным трансфертам к группе основополагающих услуг. В зависимости от этого мигранты продолжали осуществлять переводы либо с использованием привычных механизмов, либо переходили на online-сервисы, что тем не менее благотворно повлияло на цифровизацию и автоматизацию проведения ремиттансов. В 2020 г. Великобритания и Швейцария выступили с призывом определить денежные переводы как важнейшую финансовую услугу, по возможности, снизив их стоимость, а также расширить доступность услуг цифровых переводов, так как на ремиттансы приходится весомая доля финансирования развивающихся стран [12].

III Меры повышения финансовой грамотности и финансовой культуры мигрантов и их семей, призванные направить потенциал ремиттансов, как источников финансирования экономики, на эффективное развитие. Правительством Армении, как одного из государств - крупных отправителей переводов среди членов СНГ, на 2017-2021гг. была принята национальная Стратегия миграционной политики, нацеленная на усиление позитивной взаимосвязи между миграцией и развитием, включая устойчивое развитие, экономический рост, финансовой грамотности мигрантов и их осведомленности о многочисленных рисках неофициальных коридоров ремиттансов [11].

Классификация мер регулирования переводов трудовых мигрантов по уровню принятия решений

На настоящий момент денежные переводы находятся в фокусе внимания различных заинтересованных сторон мирового сообщества. Принимаемые ими меры (находящиеся в

сфере полномочий конкретных субъектов) носят крайне дифференцированный характер - от формулирования рекомендаций и задач до воплощения решений в источниках права (рисунок 5).

Рисунок 5 - Схема классификации мер регулирования ремиттансов по уровню их принятия

Источник: составлено авторами

К первому уровню можно отнести рекомендации и объекты общей нормативной инфраструктуры, такие как Руководство по платёжному балансу и международной инвестиционной позиции Международного валютного фонда (носит рекомендательный характер), где закреплены методологические принципы трактовки статистического понятия ремиттансов, их категориальный аппарат, разновидности и состав, а также ценностные стратегические меры, принимаемые международными организациями. Яркая иллюстрация последних – Повестка в области устойчивого развития (ЦУР ООН на 2030г.), в систему глобальных показателей которой входит сокращение операционных затрат на переводы мигрантами денежных средств минимум до 3 % [13].

Второй уровень формируют узконаправленные международные сообщества и инициативы, работающие в области переводов, механизмов их проведения и эффектов, например, Целевая группа сообщества по ремиттансам, объединившая представителей различных заинтересованных сторон, в том числе межправительственных органов, по поиску методов борьбы с угрозами работе рынка ремиттансов во время пандемии COVID-19 [14]. Также работа Международного фонда сельскохозяйственного развития (МФСР) содействует позитивному влиянию ремиттансов на развитие посредством платформы «PRIME Africa», многостороннего донорского механизма их финансирования, тем самым расширяя права мигрантов и их семей, способствуя осуществлению инвестиционной и предпринимательской деятельности [15]. МФСР предоставляет и обширную информацию в отчётах о личных денежных переводах.

К третьему уровню относятся дипломатические соглашения двустороннего и многостороннего характера, в качестве исторического примера которых можно привести двустороннюю Программу «Bracero», совместно реализованную правительствами Мексики и США в 1942-1964гг. в интересах удовлетворения высокого спроса США на сельскохозяйственных рабочих, привлекаемых из-за рубежа, в период Второй мировой войны и после неё [16]. Цель программы состояла в заключении временных контрактов с мексиканскими трудовыми мигрантами при условии защиты их от дискриминации в оплате труда и гарантии социальной защищённости. На практике же далеко не все пункты соглашений удалось реализовать.

Четвёртый уровень составляют меры национального регулирования, включая разнообразные нормативно-правовые акты, подзаконные акты, регламенты и предписания национального характера.

Выводы

В ходе исследования были конкретизированы социально-экономические риски ремиттансов, вытекающие из противоречивости интересов домохозяйств мигрантов, а также правительств как направляющих, так и принимающих иностранную рабочую силу стран. Представлена авторская графическая иллюстрация эффекта роста дохода и эффекта упущенного дохода, в совокупности предопределяющих целесообразность трудовой миграции.

Дана характеристика современного состояния миграционных процессов в мире и обоснована значимость управления ими для регулирования международных финансовых потоков. В результате анализа мер, применяемых регулирования переводов трудовых мигрантов, предложены два типа классификации. В зависимости от уровня принятия решений все меры регулирования могут быть отнесены к глобальным, многосторонним, двусторонним и глобальным мерам. В зависимости от объекта регулирования выделены меры национального миграционного регулирования; меры воздействия на механизмы и финансовые институты переводов; меры повышения финансовой грамотности самих мигрантов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Amuedo-Dorantes C. The good and the bad in remittance flows // IZA World of Labor, 2014, 97, 1-10. <https://doi.org/10.15185/izawol.97>
2. Carling J. Policy options for increasing the benefits of remittances. International Peace Research Institute, Oslo (PRIO). Paper presented at Workshop B9: Remittances and Development: beyond increasing incomes at the Ninth International Metropolis Conference, Geneva, 27/09—01/10 2004. Режим доступа: https://www.gdrc.org/icm/remittance/carling_benefits-remittances.pdf (дата обращения: 02.10.2022).
3. Carling J.. Migrant remittances and development cooperation. PRIO Report 1/2005. International Peace Research Institute, Oslo.
4. Amuedo-Dorantes C., Puttitanun Th. Remittances and immigration enforcement // IZA Journal of Migration, 2014, No 3(6). 26 p.
5. Vacaflares D.E. Remittances, Monetary Policy and Partial Sterilization // Southern Economic Journal. October 2012. Volume 79, Issue 2, p. 367-387.
6. Murard E. Consumption and Leisure: The Welfare Impact of Migration on Family Left Behind / IZA Discussion Papers, No. 10305. Bonn (Germany): Institute for the Study of Labor (IZA), 2016.
7. Le Th. Remittances for Economic Development: the Investment Perspective // Economic Modelling. 2011, No 28(6), pp. 2409-2415. <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2011.06.011>
8. Global Migration Indicators 2018. Berlin (Germany): Global Migration Data Analysis Centre (GMDAC) IOM, 2018.
9. United Nations. Population Division. International Migrant Stock. Режим доступа: <https://www.un.org/development/desa/pd/content/international-migrant-stock> (дата обращения: 26.09.2022).
10. Миграционная политика Европейского Союза // European Union External Action. 27.11.2018. Режим доступа: https://www.eeas.europa.eu/node/54681_ru (дата обращения: 20.09.2022).
11. OECD. Financial Literacy Needs of Migrants and their Families in the Commonwealth of Independent States (CIS), 2019. Режим доступа: <https://www.oecd.org/financial/education/Financial-Literacy-Needs-of-Migrants-and-their-families-in-CIS-EN.pdf> (дата обращения: 22.09.2022).
12. UK, Switzerland appeal to declare remittance as 'essential service' // Eastern Eye. 22 May, 2020. Режим доступа: <https://www.easterneye.biz/uk-switzerland-appeal-to-declare-remittance-as-essential-service/> (дата обращения: 22.09.2022).
13. Global indicator framework for the Sustainable Development Goals and targets of the 2030 Agenda for Sustainable Development / Work of the Statistical Commission pertaining to the 2030 Agenda for Sustainable Development. Режим доступа: https://unstats.un.org/sdgs/indicators/Global%20Indicator%20Framework%20after%202020%20review_Eng.pdf (дата обращения: 27.09.2022).
14. The Remittance Community Task Force // United Nations Network on Migration. Режим доступа: <https://migrationnetwork.un.org/resources/remittance-community-task-force> (дата обращения: 27.09.2022).
15. IFAD. The Financing Facility for Remittances. Режим доступа: <https://www.ifad.org/en/ffr> (дата обращения: 27.09.2022).
16. Bracero Program. United States history / Britannica. Режим доступа: <https://www.britannica.com/topic/Bracero-Program> (дата обращения: 24.09.2022).

Migrant workers' remittances: socio-economic risks and regulatory opportunities

Sapir Elena Vladimirovna

Doctor of Economic Sciences, Professor,
P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation.
e-mail: evsapir@yahoo.com

Chistyakova Anastasia Alekseevna

research assistant,
P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation.
e-mail: chistiakowa.asya@yandex.ru

Аннотация. The article examines the socio-economic risks of remittances arising from the contradictory interests of migrant households, as well as the governments of home and host labour force migration countries. The author's graphical model performs the relationship between the effect of income growth and the effect of lost income, which together predetermine the expediency of labor migration. As a result of the analysis, two types of classification of measures to regulate the remittances of labor migrants are proposed. Depending on the level of decision-making, all regulatory measures are classified as global, multilateral, bilateral and global measures. Depending on the object of regulation, measures of national migration regulation are identified as well as measures to influence the mechanisms and financial institutions of transfers, and measures to improve the financial literacy of migrants themselves.

Ключевые слова: remittances; international labor migration; migration policy; socio-economic policy; monetary policy; welfare; remittance policy; macroeconomic migration risks; microeconomic migration risks; migration policy markers.

К вопросу о методике комплексной оценки двусторонних торгово-экономических связей стран

Науменко Роман Валериевич

кандидат экономических наук, главный специалист Управления мониторинга ГП и сводной отчетности, АНО «Дирекция по информационно-аналитическому сопровождению государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Республики Крым и г. Севастополя», г. Симферополь, Россия.
E-mail: naumenko23011994@gmail.com

Аннотация. Системные противоречия глобального экономического пространства обуславливают необходимость активизации двустороннего торгово-экономического сотрудничества стран, что предполагает изменение логистических цепей и валютно-финансовых кондичий. В сложившихся условиях исследования вопросов двусторонних торгово-экономических связей приобретают особую актуальность.

Статья посвящена процессу исследования двусторонних торгово-экономических связей на современном этапе развития мировой экономики. В работе систематизирован комплекс существующих подходов к изучению межгосударственных билатеральных взаимосвязей, что позволило выявить несовершенство существующих методик в контексте отсутствия унифицированного набора обязательных инструментов анализа. Кроме того, автором установлено, что значение отдельного государства в масштабе мировой экономики требует учета в рамках исследования отдельных двусторонних торгово-экономических связей стран.

В статье предложена методика комплексной оценки торгово-экономических связей стран, включающая выявление специализации стран относительно друг друга через показатели комплементарности, торговой ориентации и внутриотраслевой торговли в совокупности с динамическими индикаторами взаимодействия стран, особенностей экономик в масштабе мировой экономики в комплексе с показателями позиционирования государства в мировой экономике, построение гравитационной модели и расчёт индикатора гравитационного типа двусторонних торгово-экономических связей. Представленная методика основана на синтезе теории зависимого развития и гравитационного, геоэкономического и компаративного подходов к исследованию двусторонних торгово-экономических связей, что обусловило ее функциональную направленность. Она позволяет определить перспективы сбалансированного развития торгово-экономических связей государств, что совершенствует процесс исследования двусторонних торгово-экономических связей, позволяя оценить широкий спектр данных и минимизировать погрешности прогнозных сценариев. Указанная разработка позволит типизировать билатеральные взаимоотношения и усовершенствовать процесс выстраивания внешнеэкономической политики государства.

Ключевые слова: двусторонние торгово-экономические связи, билатеральные отношения, гравитационный тип двусторонних торгово-экономических связей, теория зависимого развития

JEL codes: F17; F40; F47

Для цитирования: Науменко, Р.В. К вопросу о методике комплексной оценки двусторонних торгово-экономических связей стран / Р.В. Науменко. - DOI 10.52957/22213260_2022_11_89. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2022 - №11. - С.89-100. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.11.2022)

DOI: 10.52957/22213260_2022_11_89

Введение

Разносторонние кризисные явления на мировых рынках отчетливо показывают недостаточную эффективность действий международных организаций с позиции предупреждения возникновения глобальных угроз и качественного взаимодействия по вопросам проведения экономических реформ в развивающихся странах. В сложившихся условиях экономическое развитие, как элемент существования государства, является предметом самостоятельной деятельности каждого из участников экономического сообщества, а модель экономических преобразований должна учитывать историко-культурные, географические и экономические особенности.

Особое значение в повышении эффективности функционирования экономики отдельных стран в условиях мирового разделения труда имеет выстраивание диверсифицированных межгосударственных торгово-экономических связей, позволяющих сформировать устойчивый базис долгосрочного социально-экономического развития. В настоящее время данному направлению экономической науки уделено значительное внимание, в большей степени основанное на исследовании отдельных билатеральных взаимоотношений и формировании предложений по решению существующих проблем. При этом следует отметить, что универсальная методика оценки двусторонних торгово-экономических связей стран на сегодняшний день отсутствует, что обуславливает актуальность темы исследования.

В первом разделе работы представлена систематизация подходов к оценке межгосударственных экономических связей. Второй раздел посвящен определению элементов и построению универсальной методики исследования экономических взаимоотношений стран.

Эволюция подходов к исследованию торгово-экономических связей стран

Совокупность двусторонних торгово-экономических связей представляет собой сложную систему, отражающую специфические особенности ведения деловой активности в различных регионах. Государства, взаимодействуя между собой, формируют устойчивую экономическую структуру, ориентированную на внутреннее состояние экономик и сложившиеся социально-культурные устои.

Несмотря на уникальность всех двусторонних экономических отношений, за их совокупностью (в частности комплекс соглашений о свободной торговле) закрепилось сравнение с «комком вермишели». Подобное представление основано на отсутствии системности подобных процессов, выражающееся в пересечении и наложении различных взаимоотношений друг на друга [1].

Следует отметить тот факт, что данное направление экономической науки обосновано общеэкономическими теоретическими постулатами и не имеет узкоспециализированной специфики. Методики анализа различных аспектов двусторонних торгово-экономических связей разработаны и представлены в трудах ученых различных экономических школ. Базисом изучения двусторонних экономических отношений являются исследования классиков политической экономии А. Смита и Д. Рикардо. А. Смит считал, что в основе внешнеторгового обмена между странами лежит разделение труда, а специализация национальной экономики (абсолютные преимущества) способствует росту валового выпуска продукции и внешней торговли [2]. Концепция абсолютных издержек эволюционировала в концепцию сравнительных издержек Д. Рикардо, доказавшего эффективность двусторонних экономических отношений в условиях различия издержек при производстве товаров в разных странах [3]. По мнению классиков, в основе внешнеторговых отношений между странами лежат природно-ресурсные факторы.

Неоклассическое направление модернизировало классические постулаты внешнеэкономической деятельности с учетом более современных на то время факторов. Э. Хекшер и Б. Олин дополнили модель сравнительных преимуществ Д. Рикардо, выделив в качестве основы межгосударственных торгово-экономических связей обеспеченность капиталом и трудовыми ресурсами. Соответственно, двусторонние экономические отношения будут эффективны в случае, если одна страна производит трудоемкий товар, а вторая капиталоемкий, что характеризует смену естественно-природных условий технологическими [4].

Кейнсианство выступило с критикой либерализма внешнеэкономической деятельности, считая роль государства при классическом подходе недостаточно сильной. Дж. М. Кейнс рекомендовал ограничивать импорт и субсидировать экспорт, что изменило представление об изучении торгово-экономических связей, в которых особое место стал занимать протекционизм национального хозяйства [5].

Кембриджская школа (1980-е гг. – Н. Калдор) охарактеризовала экспорт государства в качестве движущей силы его экономического развития, что позволяет использовать ресурсный потенциал

страны в двусторонних торгово-экономических взаимосвязях. В странах, имеющих внешнеторговую ориентацию, уровень занятости в значительной степени зависит от внешнеэкономического фактора, что обуславливает необходимость стимулирования экспорта [6].

Следует также отметить подход Р. Купера, который считал, что развитие внешнеэкономической деятельности страны требует государственного контроля. Двусторонние торгово-экономические связи должны иметь регламентированные нормы поведения и наднациональные институты, обеспечивающие их регулирование [7].

Для оценки различных эффектов двусторонних торгово-экономических взаимосвязей применяются модели общего равновесия, в основе которых находятся учения Л. Вальраса о равновесии конкурентного рынка. Система уравнений спроса и предложения имеет следующий вид:

$$\sum_{i=1}^m C_i * X_i = \sum_{j=1}^n C_j * Y_j \quad (1)$$

где m – конечные продукты; n – факторы производства; C_i – цены на конечные продукты; X_i – количество произведенных конечных продуктов; C_j – цены проданных и потребленных факторов производства; Y_j – количество проданных и потребленных факторов производства.

Безусловно, модель характеризует идеальные условия ведения внешнеэкономической деятельности, при которых предложение соответствует спросу, формирующемуся с учетом доходов собственников от факторов производства [8].

Впоследствии данный подход был адаптирован под эмпирические потребности экономического анализа (прикладные CGE-модели с использованием пакетов GEMPAC и GAMS). Однако этот метод характеризуется отсутствием возможности оценки издержек во время перехода от начального до конечного равновесия.

Внешнеторговые экономические отношения между странами оказывают значительное воздействие на национальные экономики, что обуславливает необходимость вычисления масштаба данных эффектов. М. Микиц и Дж. Гилберт в своей работе представили комплекс индикаторов, позволяющих оценить преимущества двусторонней экономической активности, среди которых [9]:

- Зависимость страны от двусторонней торговли.
- Степень проникновения импорта.
- Склонность государства к экспорту.
- Уровень протекционизма торговой деятельности.

Одним из инструментов изучения двусторонних торгово-экономических взаимосвязей является компаративный подход. Данная методология основана на анализе сходств и различий основных принципов устройства социально-экономических систем (государств и регионов) в их исторической эволюции [10]. Компаративная экономика фокусируется на проблемах экономического развития и не имеет отношения к вопросам богатства и производства [11].

Невозможно не согласиться с утверждением В. И. Тюпы о том, что компаративный подход является больше чем просто методом. При этом предполагается формирование единой системы понимания двусторонних экономических отношений, в которой преодолевается эмпиризм отдельных разрозненных национальных хозяйств и осуществляется рассмотрение объекта во всемирно-историческом экономическом контексте [12]. Это позволяет выявить QWERTY-эффекты (исторически сложившиеся неэффективные, устойчиво сохраняющиеся стандарты) и зависимость двустороннего формата от траектории развития государств (path dependence) [13].

Несомненно, важнейшим преимуществом компаративного подхода является его междисциплинарность, позволяющая исследовать торгово-экономические отношения между странами в контексте социально-культурной и политической близости [14]. Подобный анализ обусловлен бессмысленностью межгосударственного сравнения экономик, вырванных из социального контекста. Следовательно, основные проблемы экономики являются неразрешимыми по причине ее

отделения при исследовании от других общественных наук [15].

Особое место при анализе двусторонних торгово-экономических связей занимает геоэкономический подход, предусматривающий учет всех факторов развития экономики на определенном этапе ее существования. Данный инструмент основан на признании многовариантности и плюралистичности мирового развития, что указывает на недостоверность анализа экономического развития отдельного государства в разрыве с действующей системой мировой экономики [16]. Полученные результаты формируют комплексное представление об объекте исследования, объединяя вопросы экономической истории, экономической географии, современной мировой экономики, политологии и конфликтологии. В качестве направлений исследований выступают [17]:

- географический императив, отражающий взаимосвязь форм хозяйствования с климатическими и ландшафтными особенностями государства;
- международная сила, учитывающая международное смещение от военно-политической к экономической области;
- политика и повышение конкурентоспособности национальной экономики в условиях глобализации;
- пространственная локализация, учитывающая международное разделение труда;
- стратегическое взаимодействие государств, образующееся путем слияния экономики и политики макрорегиона.

Принимая во внимание особый характер внешнеэкономической деятельности стран, занимающих позиции в периферийной и полупериферийной зонах мирового хозяйства, следует отметить необходимость учета геоэкономического подхода в условиях глобальной нестабильности [18].

Одним из наиболее эффективных унифицирующих инструментов, позволяющих анализировать комплексные массивы данных эмпирическим путем и осуществлять прогнозирование экономических процессов, являются гравитационные уравнения [19-21], которые позволяют:

- оценивать двусторонние торгово-экономические связи стран через призму множественности факторов экономического воздействия;
- учитывать барьеры экономического и неэкономического характера;
- анализировать торгово-экономическую политику государства;
- определять эффективность экономической интеграции стран в контексте реализации национальных интересов;
- проследить эволюционную составляющую двусторонних торгово-экономических взаимосвязей;
- нивелировать проблемы «нулей» и гетероскедастичности в процессе применения статистических инструментов;
- оценивать экономические отношения как на уровне государств, так и на уровне предприятий.

Немаловажное значение в исследовании билатеральных экономических взаимосвязей имеют концепции зависимого развития (Р. Пребиш, Ф. Э. Кардозу, Э. Фалетто, Г. Мюрдаль, П. Баран и др.), в рамках которых оценивается зависимость уровня экономического развития государства от положения в существующей капиталистической системе. Понимание условий существования страны позволяет детализировать процесс экономического прогнозирования, в том числе двусторонних торгово-экономических связей.

Следует отметить, что исследование двусторонних экономических отношений укладывается в концепцию непринятия закрытых теоретических систем, предусматривающую условность и формализм экономических процессов [22]. Практика современных экономических исследований основана на изучении отдельных двусторонних торгово-экономических связей в качестве самостоятельной единицы международной экономики, что является несовершенным подходом с позиции глобального геоэкономического пространства. Роль отдельного государства в масштабе

мировой экономики требует учета в рамках универсальной методики комплексной оценки двусторонних торгово-экономических связей стран. Решение данной задачи лежит в плоскости симбиоза геоэкономического, гравитационного и компаративного подходов.

Методика комплексной оценки двусторонних торгово-экономических связей стран

В процессе построения макроэкономической политики государство оценивает двусторонние и многосторонние аспекты ведения экономической деятельности. Многофакторность экономической деятельности формирует многозадачность экономического развития страны. Решение экономических проблем требует применения особого инструмента, позволяющего оценить двусторонние торгово-экономические связи стран с учетом внутринациональных особенностей и сформировать перспективы данных взаимоотношений, принимая во внимание тип экономического сотрудничества стран.

Анализ экономики государства предполагает выявление экономических базисов внешнеэкономической деятельности страны с учетом ретроспективной динамики, дополненных условиями ведения бизнеса и валютно-финансовыми условиями. Это позволяет определить специализацию государства в масштабе мировой экономики и вектор его экономического развития. Кроме того, необходимо понимание структуры и особенностей двусторонних торгово-экономических связей, с целью выявления перспектив билатерального взаимодействия.

В настоящее время основной массив экономических исследований двусторонних экономических отношений стран основан на применении базового набора инструментов, к которым относится изучение динамики и структуры товарооборота, а также нормативно-правовой базы сотрудничества. При этом, достаточно редко применяются методы индексного анализа, позволяющие исследовать торгово-экономические взаимосвязи путем приведения величин к общему единству.

К обязательным индексным инструментам исследования двусторонних торгово-экономических связей стран относятся:

1 Индекс торговой комплементарности.

Данный индикатор позволяет выявить степень взаимодополняемости торговых потоков и определить «насколько товарная и отраслевая дифференциация национальных производителей позволяет организовать дополняющие друг друга технологические и производственные связи» [23].

$$Index_{Complementarity} = 1 - \left(\sum_i \left| \frac{\sum_w m_{iwd}}{\sum_w M_{wd}} - \frac{\sum_w x_{isw}}{\sum_w X_{sw}} \right| \right) / 2 \quad (2)$$

где d – страна-импортер, s – страна-экспортер, w – все страны мира, i – отрасль, x – экспортный товар, X – совокупный экспорт, m – импортный товар, M – совокупный импорт.

2 Индекс региональной торговой ориентации.

Показатель иллюстрирует сопоставимость векторов торговой активности стран, позволяя определить потенциальные возможности углубления экономических отношений.

$$RO_{Cgr} = \frac{\frac{X_{cgr}}{X_{cr}}}{\frac{X_{cg-r}}{X_{c-r}}} \quad (3)$$

где X_{cgr} – экспорт товара g страной c в регион r, X_{cr} – общий объем экспорта страны c в регион r, X_{cg-r} – экспорт товара g страной c в страны – не члены региона r, i – отрасль, X_{c-r} – общий экспорт товара g страной c в страны не члены региона r.

3 Индекс Грубеля-Ллойда.

Указанный индикатор показывает сопоставимость экспортных и импортных потоков в рамках отраслей между странами:

$$GL_{RI} = 1 - \frac{|X - M|}{X + M} * 100 \quad (4)$$

где X – экспорт товара, M – импорт товара.

Следует отметить, что исследование двусторонних торгово-экономических связей предполагает оценку особенностей взаимоотношений, что в отдельных случаях требует расчета дополнительных индексов, таких, как индикатор факторных условий торговли, диверсификации экспорта, финансово-инвестиционный конкурентоспособности и др.

Еще одним обязательным инструментом является построение гравитационной модели торгово-экономических связей, позволяющей определить ключевые элементы и выявить потенциальные проблемы сотрудничества стран. Оценка индикаторов модели осуществляется на основе корреляционного анализа товарооборота стран и ключевых индикаторов функционирования экономик (ВВП, расстояние, население, миграция, внешний долг, валютный курс и др.).

Кроме того, требуется дополнительное построение гравитационных моделей историко-культурных и географических факторов стран в отдельности друг от друга. Это позволяет осознать взаимосвязь экономики государства с историческим прошлым в рамках обзора причин возникновения и развития тех или иных событий [24]. Система этих взаимоотношений отражает основы стиля экономического мышления макрорегиона, что необходимо в контексте определения степени использования экономического потенциала партнерства. Именно формирование менталитета нации посредством общественно-политической и экономико-культурной деятельности лежит в основе коренных государственных преобразований [25]. Все это может быть следствием «структурного консерватизма», при котором стабильность государства обеспечивается исторической легитимацией современности [26].

География и экономика всегда имели сегменты соприкосновения предметов исследований. При этом направления изучения характеризовались моделированием экономических процессов в экономике и непосредственным географическим размещением предприятий в экономической географии. Современное понимание мировой экономики строится на новой экономической географии, в основе которой лежит концепция рыночного потенциала (сила экономических взаимосвязей регионов). Она основана на существующем совокупном спросе всех регионов на товары и услуги данного региона с учетом расходов на преодоление расстояния [27].

Принимая во внимание комплексный характер торгово-экономических связей, необходимо охарактеризовать степень преемственности в экономиках исследуемых государств для формирования совокупного представления о причинах экономической гравитации стран на современном этапе экономического развития стран.

Однако, в условиях существования множественности факторов экономического воздействия на гравитационные процессы, гравитационное уравнение является неполным инструментом, с точки зрения формирования исходного положения двусторонних торгово-экономических связей. Фактически данный инструмент не отражает характер взаимодействия. В связи с этим имеется необходимость в оценке гравитационного типа двусторонних торгово-экономических связей, под которым подразумевается индикатор межгосударственного взаимодействия, характеризующий позиционирование государств по отношению друг к другу [28, с.292].

Существует 3 гравитационных типа двусторонних торгово-экономических связей:

- гравитационное доминирование;
- гравитационное равенство;
- гравитационная зависимость.

Гравитационное доминирование и зависимость являются противоположными элементами одной двусторонней цепи взаимосвязей. Доминирование государства А над государством В характеризуется зависимостью государства В от государства А. Государство А всегда стремится усилить степень своего воздействия над государством В, в то время как государство В до момента утраты экономических свобод предпринимает действия по снижению доли страны А в собственной экономике. Гравитационная зависимость может быть преодолена лишь в условиях вмешательства

государства в рыночную экономику при субсидировании национальной промышленности и создании условий ведения деловой активности.

Гравитационное равенство характеризуется равнозначным значением стран в системах торгово-экономических связей каждого. Данный тип взаимоотношений предусматривает минимизацию рисков внешнеэкономической деятельности стран, взаимовыгодность и сбалансированность сотрудничества [29].

Определение гравитационного типа осуществляется на базе оценки индекса экономической гравитации стран, предполагающий равнозначное воздействие индикаторов с целью унификации полученных результатов, и имеющий следующую формулу [28, с.293]:

$$IndGrav = \frac{Tgrav + Dgrav + Pol + Fin}{4} \quad (5)$$

Установлено равнозначное воздействие индикаторов с целью унификации полученных результатов.

В состав индекса включены следующие элементы:

1 Уровень торговой гравитации стран характеризуется долей государства по отношению к наиболее предпочтительному торговому партнеру и рассчитывается по формуле:

$$Tgrav_{ij} = \frac{T_{ij}}{T_{imax}} \quad (6)$$

где T_{ij} – доля товарооборота стран i и j в общей структуре торговли i , T_{imax} – доля государства, занимающего первое место в структуре торговли i . Иными словами, $Tgrav=1$, для наиболее привлекательной пары взаимоотношений государства, и, соответственно, $Tgrav = 0$, если торговые отношения между странами отсутствуют.

Индикатор дистанционной зависимости между странами.

$$Dgrav_{ij} = 1 - \frac{D_{ij} - D_{imin}}{D_{imax}} \quad (7)$$

где D_{ij} – расстояние между столицами стран i и j , D_{imax} – максимальное расстояние страны i среди всех ее партнеров, D_{imin} – минимальное расстояние страны i среди всех ее партнеров.

Таким образом, $Dgrav$ стремится к 1, если расстояние между странами минимальное по отношению к другим государствам, и, соответственно, стремится к 0, если расстояние максимальное.

2 Мера политического спокойствия определяется по принципу фиктивных переменных с учетом наличия между странами геополитических конфликтов.

$$Pol = \begin{cases} 0, & \text{если конфликт существует} \\ 1, & \text{если конфликт отсутствует} \end{cases}$$

Глеющие политические конфликты следует рассматривать в качестве дополнительного фактора повышения рискованности инвестиций, что автоматически снижает степень сближения экономик стран.

3 Показатель валютно-финансовой близости стран.

$$Fin = \begin{cases} 1, & \text{при наличии единой валютно – финансовой системы} \\ 0, & \text{в противном случае} \end{cases}$$

Степень гравитации двусторонних торгово-экономических связей определяется путем соотношения Индексов двух стран. Если их значения находятся в 1 % диапазоне друг от друга мы можем говорить об отсутствии экономического доминирования и срабатывании эффекта экономического отталкивания наравне с притяжением. В обратном случае можно говорить о принадлежности одного государства гравитационному полю другого.

Единый интегральный индикатор силы гравитации имеет следующий вид:

$$Sgrav_{(A \rightarrow B)} = \frac{(IndGrav_B - IndGrav_A)}{(IndGrav_A + IndGrav_B)/2} * 100 \quad (8)$$

Анализ показателя: если $Sgrav \in [-1; 1]$, то между странами существует гравитационное равенство; если $Sgrav > 1$, то страна А доминирует над государством В; если $Sgrav < -1$, то страна А находится в гравитационной зависимости от государства В.

Особое значение в определении степени притяжения стран имеет объем внешнеторговых операций, осуществляемых между странами в определенный период времени. Данный индикатор является неотъемлемой составляющей гравитационных уравнений по причине существования явной зависимости от прочих параметров экономических отношений. При анализе двусторонних торгово-экономических связей фактор расстояния является статичным. Учет данного показателя обосновывает необходимость определения уровня экономического взаимодействия по отношению к конкурентам. Основой экономической гравитации является политическая стабильность в дипломатических отношениях между странами, что минимизирует риски в экономической деятельности. Валютно-финансовые отношения отражают совершенно новый этап в экономических взаимосвязях, упрощая процессы экономического сотрудничества и создавая дополнительные возможности для углубления взаимосвязи экономик стран.

Следует отметить, что в качестве элемента определения гравитационного типа двусторонних торгово-экономических связей целесообразно отразить инвестиционное сотрудничество. Однако в условиях существования оффшорных зон для многих экономик, в том числе для российской, практически невозможно определить реальный объем иностранных инвестиций.

Предложенная нами методика комплексной оценки торгово-экономических связей стран представлена на рисунке 1.

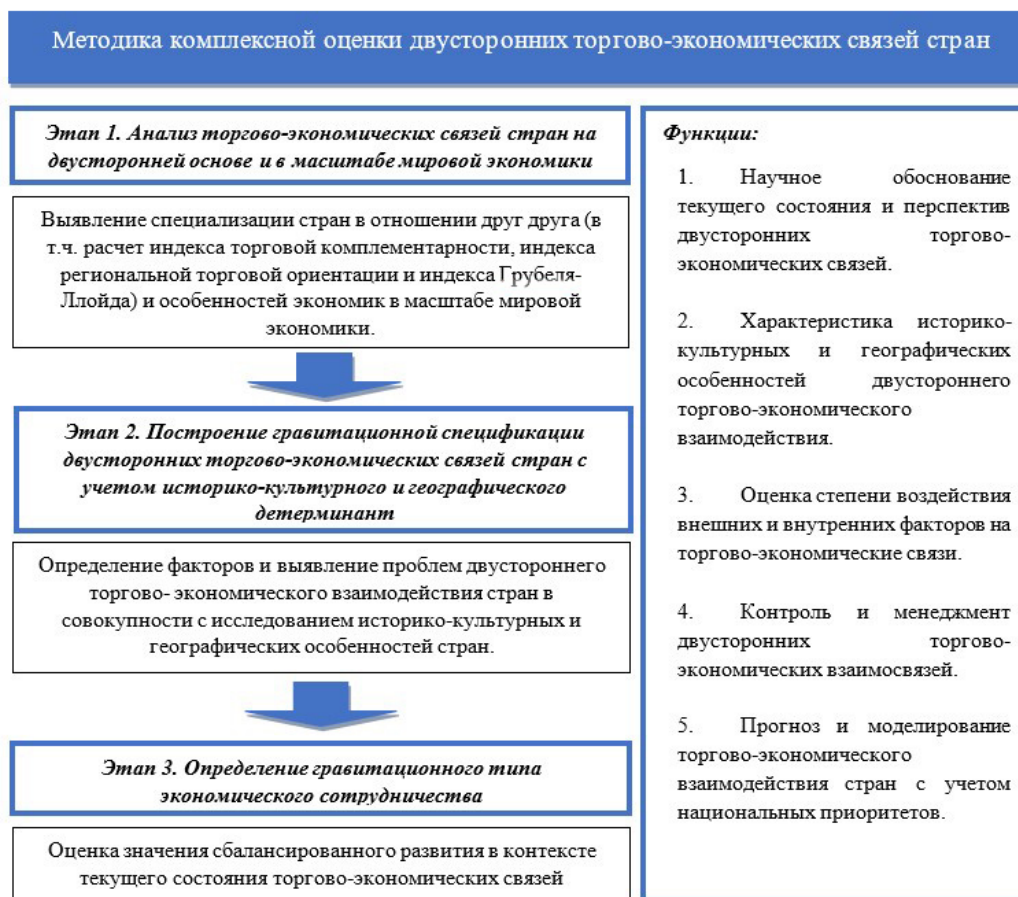

Рисунок 1 – Методика комплексной оценки двусторонних торгово-экономических связей стран

Заключение

Представленная методика основана на синтезе теории зависимого развития и гравитационного, геоэкономического и компаративного подходов к исследованию двусторонних торгово-экономических связей, что обусловило ее функциональную направленность. Она также позволяет определить перспективы сбалансированного развития торгово-экономических связей государств, что в совокупности с комплексным анализом экономической деятельности стран совершенствует процесс исследования двусторонних торгово-экономических связей, позволяя оценить широкий спектр данных и минимизировать погрешности прогнозных сценариев.

Базовой особенностью представленной методики является исследование двустороннего торгово-экономического взаимодействия как со стороны каждого участника в отдельности, так и на билатеральной основе. Это позволяет осуществить перенос тренда с компаративного подхода в инструментальный, успешность чего определяется итоговой конгруэнтностью результатов.

Следует отметить, что применение данной методики ограничено внешнеэкономическими потрясениями, причина которых не имеет отношения к внешнеэкономической политике государства (мировые кризисы и др.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мурадов К. «Комок вермишели» или «альянс единомышленников»? / *Мировая экономика и международные отношения*. – 2007. – №11. – с.36-45.
2. Smith A. *An inquiry into the nature and causes of the wealth of nations*. – 1776. – 815 p.
3. Рикардо Д. *Сочинения: В 5 т.* М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. – 1523 с.
4. Танцевило В. В. Некоторые теоретические подходы к анализу внешнеэкономической деятельности / *Вестник Томского государственного университета*. – 2009. – № 323. – С. 300–303.
5. Кейнс Дж. М. *Общая теория занятости, процента и денег*. М.: Гелиос АРВ, 2002. – 352с.
6. Танцевило В. В. Некоторые теоретические подходы к анализу внешнеэкономической деятельности / *Вестник Томского государственного университета*. – 2009. – № 323. – С. 300–303.
7. Cooper R. *The Economics of Interdependence*. McGraw-Hill, 1968. – 296с.
8. Вальрас Л. *Элементы чистой политической экономии*. – М.: Изограф, 2000. – 448 с.
9. Mikic M., Gilbert J. *Trade Statistics in Policymaking*. – 2010. – 126 p.
10. Сухарев М. В. *Компаративная экономика и теория модернизации*. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. – 104с.
11. Martin, A.G. *The use of knowledge in comparative economics* / *Erasmus Journal for Philosophy and Economics*, Volume 2, Issue 1, Summer 2009, pp. 157–160.
12. Тюпа В. И. *Компаративизм как научная стратегия гуманитарного познания* / *Филологические науки*. – 2004. – № 6. – С. 98–106.
13. Нуреев Р. М. *Старая и новая экономическая компаративистика: предмет и метод компаративистики* / *Terra economicus*. – 2010. – № 3. – С. 143–154.
14. Зиновьева Л. Е. *Компаративистский подход: некоторые методологические особенности, аналитические практики и их образовательный потенциал* / *Вестник ПГГПУ*. – 2014. – № 3. – С. 18–24.
15. Полтерович В.М. *Становление общего социального анализа* / *Общественные науки и современность*. – 2011. – № 2. – С. 101–111.
16. Гладкий Ю. Н., Никитина М. Г., Маруненко Н. В. *Геоэкономика: предмет исследования и тенденции развития* / *Известия Русского географического общества*. – 2004. – № 3. – С. 1–12.
17. Неклесса А. И. *Геоэкономическая формула мироустройства. Траектории России в новом универсуме* / *Материалы научного семинара «Геоэкономическая формула мироустройства: Россия в новом универсуме»*. - М.: Научный эксперт, 2009. — с. 9-55.
18. Соловьев А. И. *К вопросу о геоэкономической формуле мироустройства* / *Материалы научного семинара «Геоэкономическая формула мироустройства: Россия в новом универсуме»*. - М.: Научный эксперт, 2009. — с. 56-65.
19. Tinbergen J. *An analysis of world trade flows* / *New York: Twentieth Century Fund*. – 1962. – pp. 1-117.
20. Anderson J. *A theoretical foundation for the gravity equation* // *The American Economic Review*. – 1979. – Vol. 69, № 1. – pp. 106-116.
21. Bergstrand J. *The gravity equation in international trade: some microeconomic foundations and empirical evidence* // *The review of economics and statistics*. – 1985. – Vol. 67, № 3. – pp. 474-481.
22. *Торгово-экономические отношения России: двусторонние и макрорегиональные измерения: монография* / А. Г. Барсебян, И. Н. Буценко, А. С. Горда и др.; под общ. ред. М. Г. Никитиной. – Симферополь, : ИТ «АРИАЛ», 2022. – 230 с.
23. Мигранян А.А. *Конкурентный потенциал стран СНГ в формате региональной интеграции (на примере стран ЕАЭС)*. М.: Институт экономики РАН, 2015. – 65 с.
24. Семенкова Т. Г. *Место истории в экономической науке и роль истории в экономическом образовании* // *Теория и история экономики, государства и права*. – 2012. – №2. – С. 35-38.
25. Боярчук Т. Н. *Влияние исторического прошлого на менталитет Белорусов* // *Исторические и*

политологические исследования. – 2012. – №1. – С. 261-272.

26. Лыкова В. В. Историческая память в современной России: проблемы трансформации // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2007. – №2. – С. 1-7.

27. Экономико-географические и институциональные аспекты экономического роста в регионах / Консорциум по вопросам прикладных экономических исследований, Канадское агентство по международному развитию [и др.]; [О. Луговой и др.]. – М.: ИЭПП, 2007. – 164 с.

28. Науменко Р.В. Сила экономической гравитации стран как базис оптимизации билатеральных экономических отношений // Материалы X Евразийского экономического форума молодежи «Россия - Азия - Африка - Латинская Америка: экономика взаимного доверия». – 2019. – С. 292-296.

29. Nikitina M.G., Sviridov O.Yu., Lunyakov O.V., Naumenko R.V., Mirankov D.B., Niyazbekova Sh.U., Soldatov M.A. Gravitation equality as basis of the state's economic development algorithm in the context of forming of the independent balanced economic policy // Вестник Национальной академии наук Республики Казахстан. – 2021. – № 1 (389). – С. 187-193.

To the question of the methodology for comprehensive assessment of bilateral trade and economic relations of countries

Naumenko Roman Valerievich

PhD in Economics,

ANO «Directorate for Information and Analytical Support of the State Program of the Russian Federation «Social and Economic Development of the Republic of Crimea and the City of Sevastopol», Simferopol, Russia.

E-mail: naumenko23011994@gmail.com

Annotation. The systemic contradictions of the global economic space necessitate the intensification of bilateral trade and economic cooperation between countries, which implies a change in logistics chains, monetary and financial conditions. Under the current conditions, the study of bilateral trade issues and economic relations have a particular relevance.

The article is devoted to the process of researching bilateral trade and economic relations at the present stage of world economy development. The work systematizes a set of existing approaches to the study of interstate bilateral relationships, which made it possible to identify the imperfection of existing methods in the context of the lack of a unified set of mandatory analysis tools. In addition, the author found that the importance of an individual state on the scale of the world economy requires consideration in the study of individual bilateral trade and economic relations of countries.

The article proposes a methodology for a comprehensive assessment of trade and economic relations of countries, including the identification of countries' specialization relative to each other through indicators of complementarity, trade orientation and intra-industry trade, in conjunction with dynamic indicators of interaction between countries, features of economies on a global scale, in combination with indicators of the positioning of the state in the world economy, building a gravity model and calculating the gravity type indicator of bilateral trade and economic relations. The presented methodology is based on the synthesis of the theory of dependent development and gravitational, geoeconomic and comparative approaches to the study of bilateral trade and economic relations, which determined its functional orientation. It allows to determine the prospects for the balanced development of trade and economic relations of states, which improves the process of studying bilateral trade and economic relations, allowing to evaluate a wide range of data and minimize errors in forecast scenarios. This development will make it possible to typify bilateral relations and improve the process of building the state's foreign economic policy.

Keywords: bilateral trade and economic relations, bilateral relations, gravitational type of bilateral trade and economic relations, theory of dependent development

Управление государственным долгом и государственная долговая политика: новый взгляд на взаимосвязь категорий

Вахрушев Дмитрий Станиславович

доктор экономических наук, профессор,

ФГАОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», г. Ярославль, Российская Федерация.

E-mail: boxer204@mail.ru

Карпов Дмитрий Максимович

студент,

ФГАОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова», г. Ярославль, Российская Федерация.

E-mail: dmitrij_karpov_98@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию взаимосвязи двух категорий: управление государственным долгом и государственная долговая политика. Актуальность статьи обусловлена активным использованием в современных условиях государственного долга как одного из основных инструментов экономической политики, что нередко приводит к крупномасштабным долговым проблемам у развитых и развивающихся стран, на региональном и местном уровнях. Целью исследования является раскрытие содержания управления государственным долгом через уточнение понятий «управление государственным долгом» и «государственная долговая политика» и характеристику их взаимосвязи. В статье проанализированы и сгруппированы опубликованные в литературе авторские взгляды по вопросу применения категориального аппарата в сфере государственного долга (во-первых, управление государственным долгом как составная часть государственной долговой политики; во-вторых, управление государственным долгом как понятие, равнозначное государственной долговой политике; в-третьих, государственная долговая политика как один из аспектов управления государственным долгом), изучены семантические значения и этимология понятий «управление» и «политика». Исследование проблем осуществлялось путем применения общенаучных методов познания: системный и структурный анализ, синтез теоретических (трудов различных ученых и специалистов) и практических (данных финансовых органов власти) материалов, дедукция, индукция, диалектическая логика, методы сравнения и обобщения официальных статистических данных. Научная новизна проведенного исследования заключается в предложении и обосновании подхода по рассмотрению управления государственным долгом как совокупности долговой политики и администрирования государственного долга, что может быть использовано в рамках как нормативно-правового регулирования, так и учебного процесса. На примере Ярославской области аргументировано содержание основных форм администрирования государственного долга.

Ключевые слова: управление государственным долгом, государственная долговая политика, администрирование государственного долга, долговые обязательства, государственное управление, финансовый орган исполнительной власти.

JEL codes: H60, H63, H74

Для цитирования: Вахрушев, Д.С. Управление государственным долгом и государственная долговая политика: новый взгляд на взаимосвязь категорий / Д.С. Вахрушев, Д.М. Карпов. - DOI 10.52957/22213260_2022_11_101. - Текст: электронный // Теоретическая экономика. - 2022 - №11. - С.101-108. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.11.2022)

DOI: 10.52957/22213260_2022_11_101

Введение

Ключевым элементом современной финансовой системы и экономической политики государств в настоящее время считается государственный долг. И развитые, и развивающиеся страны мира, отдельные регионы и муниципалитеты сейчас вынуждены решать накопившиеся в крупных масштабах долговые проблемы. Это обуславливает актуальность исследований вопросов, которые связаны с данной тематикой.

В широком смысле слова государственный долг можно определить как комплексную финансово-правовую категорию, которая отражает общественные отношения по поводу временного предоставления прямым или опосредованным образом государственному образованию (в лице уполномоченных органов) или определенным им лицам ценностей (прежде всего, в форме денежных средств) с принятием им на себя обязательств по их своевременному возврату собственнику, а в ряде случаев – по уплате услуг, связанных с этим предоставлением [1]. В узком смысле слова государственный долг представляет собой совокупность долговых обязательств, которые были приняты на себя государственным образованием в различных формах.

Государственный долг является важной структурной составляющей финансовой системы современного общества и государства. Он воспринимается в качестве финансового инструмента, который используется государственными образованиями (государством или его отдельной частью – регионом) на различных финансовых рынках – в частности, на кредитном и на фондовом.

Подобная активность уполномоченных органов государственной власти, которая непосредственно связана с государственным долгом, и в научных публикациях, и в нормативных правовых актах получает различные интерпретации. В большинстве случаев используют такие формулировки, как «управление государственным долгом» и «государственная долговая политика».

На данный момент нет общепринятого подхода к использованию этих понятий, отсутствует однозначное представление о сущности их взаимосвязи. Данное обстоятельство может привести субъектов, которые задействованы в этой сфере отношений, к получению отрицательных результатов.

С одной (теоретической) стороны, возникает возможность для того, чтобы характеристики одного явления были приписаны другому явлению. То есть учеными могут быть сделаны неверные предпосылки, на основе чего будут проведены методологически некорректные исследования, результаты которых не будут иметь реальной ценности для науки.

С другой (административной) стороны, появляются риски для нарушения связей, существующих между разными актами нормативно-правовой базы. А применение в этом случае формального подхода может обернуться дополнительными расходами для бюджета соответствующего уровня.

Следовательно, решение задачи по определению исходных оснований соотношения понятий «управление государственным долгом» и «государственная долговая политика» несет в себе обоснованную научно-теоретическую актуальность и действительную практическую значимость. На пути решения данной задачи необходимо изучить авторские и нормативные трактовки, разобрать каждое из этих двух понятий, провести сравнительный анализ, установив их сходства и принципиальные различия.

Основная часть

Вопросы, которые связаны с управлением государственным долгом и государственной долговой политикой, в настоящее время зачастую становятся предметом научных исследований. Впоследствии результаты этих исследований оформляются в виде публикаций в соответствующей литературе. Среди современных отечественных ученых, которые посвятили этой тематике свои труды, можно выделить И.В. Бабич, С.Б. Пахомова, С.Н. Солдаткина, М.Л. Королеву, В.С. Терещенко и др.

Анализируя актуальные научные публикации этих и многих других авторов, можно прийти к выводу, что каждый из них стремится раскрыть сущность заемной деятельности государства. При этом в силу отсутствия общепринятого в науке подхода они различными способами интерпретируют взаимоотношения между управлением государственным долгом и государственной долговой политикой. Обобщая все многообразие опубликованных авторских воззрений, их в основном можно распределить между тремя группами.

В соответствии с позицией, изложенной в рамках первой группы, управление государственным долгом является составной частью государственной долговой политики. То есть авторы делают допущения, что долговая политика – это более широкое понятие, которое, помимо прочего, включает в себя и управление долгом [2].

Во второй группе авторских взглядов утверждается о равнозначности понятий «управление государственным долгом» и «государственная долговая политика». Это означает, что данные два определения используются для описания одного и того же явления. Поэтому их можно спокойно заменять друг на друга, при написании одного понятия другое понятие указывать в скобках как уточнение [см., например, 3].

Авторы воззрений, которые составляют третью группу, рассматривают долговую политику в качестве политики в области управления государственным долгом. В данном случае уже управление государственным долгом признается более широким понятием, а долговая политика – лишь одним из аспектов этой области общественных отношений. В частности, некоторые авторы смотрят на долговую политику как на инструмент достижения целей управления государственным долгом [4].

С практической точки зрения важно то, как проблема соотношения понятий «управление государственным долгом» и «государственная долговая политика» разрешена сейчас в действующих редакциях нормативных правовых актов, которые приняты органами государственной власти Российской Федерации. Как следует из статьи 1 Бюджетного Кодекса Российской Федерации, отношения, связанные с государственным долгом, в нашей стране относятся к сфере бюджетных правоотношений [5]. Поэтому, в первую очередь, обратимся к положениям данного законодательного акта.

В статье 101 Бюджетного кодекса управление государственным долгом называется целенаправленной деятельностью уполномоченных органов государственной власти. Понятие «долговая политика» использовано только в контексте необходимости разработки на региональном и местном уровнях документа «Основные направления государственной долговой политики». Взаимосвязи этих двух понятий установлено не было.

Министерство финансов Российской Федерации выразило свою позицию по данному вопросу в «Рекомендациях по проведению ... долговой политики», которые были опубликованы в декабре 2015 г. В этой публикации Министерство сначала заявляет о необходимости формулирования и публичной фиксации целей управления государственным долгом. Затем им говорится об отражении целей, а также задач и инструментов долговой политики в стратегическом документе [6].

В продолжение данного документа были разработаны «Методические рекомендации для субъектов Российской Федерации по осуществлению заимствований на финансовых рынках», которые были опубликованы осенью 2021 года. Они имеют более прикладной характер, поскольку подробно раскрывают процесс эмиссии государственных ценных бумаг. В качестве подготовительного этапа этого процесса там указана необходимость разработки и утверждения стратегического документа «Основные направления долговой политики субъекта Российской Федерации» [7].

Тем самым, не называя это прямо, Министерство финансов России приравнивает понятия «управление государственным долгом» и «государственная долговая политика», что соответствует авторским взглядам, которые составляют вторую группу.

Впрочем, данный подход не нашел законодательного закрепления, в связи с чем на региональном уровне по-разному используют эти два понятия относительно друг друга. Не все субъекты Федерации в своих профильных законах раскрывают их взаимоотношения. А те регионы, которые все-таки это делают (как, например, в Ярославской или Тамбовской областях) [8, 9], обычно посвящают отдельные статьи политике в сфере государственных заимствований и управления государственным долгом. Этот подход, в свою очередь, соответствует авторским взглядам, которые составляют третью группу.

Для того чтобы понять, как следует интерпретировать два этих понятия с учетом их взаимосвязи, необходимо, прежде всего, раскрыть специфические признаки каждого из них. Это предполагает изучение семантических значений и этимологии.

Управление государственным долгом является частным случаем управления как такового. В общем смысле слова управление – это функция организованных систем (в том числе, социально-экономической системы, частью которой является государственный долг). Управление представляет

собой целенаправленное воздействие субъекта на объект, в результате которого обеспечивается необходимое состояние или изменение состояния управляемого объекта. В рассматриваемом нами случае объектом управления является государственный долг, а субъектом управления – финансовый орган государственной исполнительной власти. Следовательно, управление государственным долгом стоит рассматривать как составную часть, разновидность, одно из направлений государственного управления.

Согласно толковым словарям Ушакова и Ожегова, управление означает действие по руководству, распоряжению деятельностью кого-чего-нибудь, по направлении работы кого-чего-нибудь [10, 11]. Классическое определение управлению было дано А. Файолем. По его мнению, «управлять – значит предвидеть, организовывать, распоряжаться, координировать и контролировать» [12]. В настоящее время перечисленные действия признаются большей частью научного сообщества как основные функции управления.

Государственная долговая политика, в свою очередь, является одной из разновидностей политики вообще. Термин «политика» имеет древнегреческое происхождение. Он произошел от такого слова, как «*polis*», которым в Древней Греции называли города-государства. Впоследствии, на основе этого слова было составлено слово «*politikí*», с помощью которого обозначали государственную деятельность [13].

Кроме того, разбирая этимологическую сторону вопроса, нельзя не упомянуть древнегреческое слово «*politikós*» («политический»). Он составлен из двух слов: «*poli*», которое означает «множество» и «*tikós*», которое означает «интерес». Следовательно, политика неразрывно связана со множеством интересов членов общества, которые, как известно, зачастую не совпадают друг с другом. Сам по себе термин «политика» был введен в IV веке до н. э. древнегреческим философом Аристотелем, который таким образом называл свой трактат о государстве, раскрывающий начала социальной и политической философии.

Согласно толковому словарю Ушакова, политика означает деятельность государственной власти в области управления и международных отношений [10]. Толковый словарь Ожегова дает такое определение: «Деятельность органов государственной власти и государственного управления, отражающая общественный строй и экономическую структуру страны» [11].

В наиболее общем смысле политика представляет собой сферу человеческой деятельности, в которой государство, общественные институты и другие члены общества реализуют свои цели и интересы в различных формах властных отношениях (прежде всего, по распределению ресурсов, определению социального статуса). Реализация целей и интересов через политику происходит путем борьбы за власть (власть является способом влияния на других лиц), ее удержания и использования, а также согласования интересов, принятия и реализации решений.

Если управление государственным долгом является элементом государственного управления, то государственная долговая политика, в свою очередь, также является элементом государственной политики. Ей называется политический процесс управленческого влияния институтов государства на основные сферы общества, который опирается на непосредственное применение государственных властных полномочий как при разработке, так и при осуществлении стратегии и тактики регулирующего и организующего воздействия посредством размещения ресурсов, распределения общественных благ и т.д. [14].

На этом этапе естественно встает вопрос о соотношении между собой государственного управления и государственной политики. Здесь стоит обратиться к трудам основателей теории государственного управления как самостоятельного научного направления. Таковыми считаются В. Вильсон, Ф. Гуднау, М. Вебер. Ими были сформулированы три основополагающие идеи. Во-первых, государственное управление подразделяется на две основные сферы – сферу политического управления, в которой создают законы и определяют основные направления деятельности администрации, и сферу административного управления, в которой исполняют эти законы. Во-вторых,

аппарат административного управления находится в подчинении у политического руководства. В-третьих, кандидаты на политические должности избираются или назначаются на короткий период времени, а все государственные служащие, аппаратные работники должны отбираться на основе системы профессиональных оценок и служить на постоянной основе [15].

Таким образом, можно сформулировать следующие выводы.

Во-первых, термин «политика» изначально имел коннотацию именно с деятельностью государства. Термин же «управление» исторически не имел четкой привязки к конкретному субъекту – управляющим может быть любое лицо. Это дает основание для заявления о том, что «управление» в общем является более широким понятием, что «политика». То есть политику следует воспринимать как составную часть управления.

Во-вторых, существует возможность для использования идей основателей школы государственного управления в отношении заемной деятельности государства. Следовательно, управление государственным долгом также подразделяется на две основные сферы – сферу политического управления и сферу административного управления.

В-третьих, политическое управление в сфере государственного управления осуществляется в форме государственной долговой политики. Ее суть заключается в определении основных направлений деятельности уполномоченных органов исполнительной власти и в создании соответствующих законов. Главными субъектами государственной долговой политики являются лица, которые избраны или назначены на политические должности (депутаты, глава государства, глава региона и т.п.). Именно они утверждают окончательную редакцию текущей государственной долговой политики, хотя ее разработкой может заниматься аппарат административного управления (по аналогии с бюджетом).

В-четвертых, поскольку существует два варианта использования понятия «государственный долг» (один вариант – в широком смысле, другой вариант – в узком смысле), следовательно, можно выделить два соответствующих варианта использования понятия «управление государственным долгом». Из предыдущих выводов следует, что управление государственным долгом в узком смысле является одной из двух составных сфер управления государственным долгом в широком смысле.

Для того чтобы предотвратить заблуждения и ошибки, предлагаем для определения широкого смысла оставить использование понятия «управление государственным долгом», а для определения узкого смысла начать использовать такое понятие, как «администрирование государственного долга». Администрирование государственного долга заключается в непосредственном принятии государственным образованием на себя долговых обязательств и в их последующем погашении. Администрирование государственного долга осуществляют профессиональные и постоянно служащие сотрудники уполномоченных органов исполнительной власти (обычно – министерства или департаменты финансов), которые должны исполнять законы, принятые политическим руководством.

Полностью раскрыть то значение, которое заложено в администрировании государственного долга, представляется целесообразным путем конкретизации его основных форм:

- привлечение долговых обязательств – это увеличение общей суммы государственного долга;
- обслуживание долговых обязательств – это выполнение операций, которые предусмотрены условиями документов о привлечении долговых обязательств (прежде всего, выплата платежей);
- погашение долговых обязательств – это уменьшение общей суммы государственного долга.

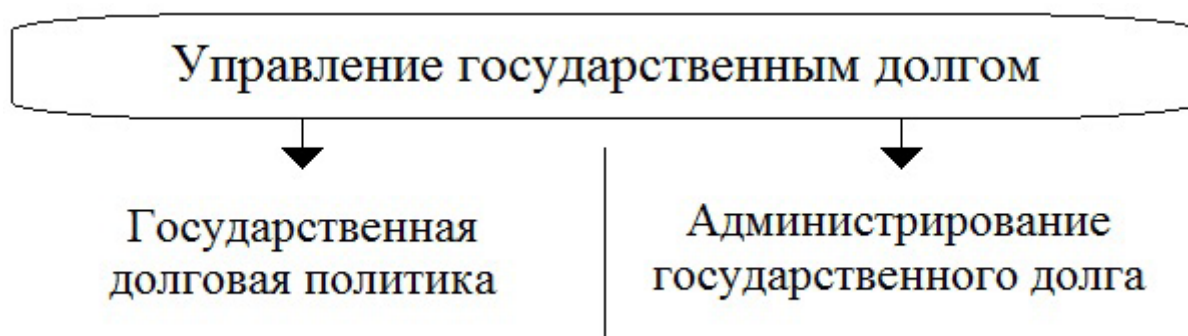
Администрирование государственного долга может реализовываться путем комбинированного применения различных форм. В качестве примера можно привести Ярославскую область, где в 2020-2021 гг. была существенным образом видоизменена структура государственного долга региона: с одной стороны, были привлечены бюджетные кредиты из федерального бюджета, с другой стороны, за счет этих средств были погашены долговые обязательства в форме кредитов кредитных организаций и государственных ценных бумаг (см. таб. 1).

Таблица 1 – Объем и структура государственного долга Ярославской области в 2019-2022 гг. [16]

Обязательства	на 01.01.19	на 01.01.20	на 01.01.21	на 01.01.22
Кредиты кредитных организаций	3655,6	3990,6	1000,0	0,0
Государственные ценные бумаги	18900,0	19600,0	22700,0	13439,8
Бюджетные кредиты	14618,4	13892,6	15892,6	28409,8
Итого	37174,0	37483,2	39592,6	41849,6

Заключение

Таким образом, предложенный в этой статье подход к характеристике структуры и содержания деятельности по управлению государственным долгом (см. рис. 1) может быть рекомендован для использования, прежде всего, органам государственной власти субъектов Российской Федерации.

Рисунок 1 – Содержание управления государственным долгом

Указанные органы на своем уровне разрабатывают и принимают профильные законодательные и подзаконные акты. Использование единого подхода позволит устранить недопонимания в данной сфере, которым в большей степени подвержен региональный уровень. Кроме того, этот подход может быть положен в основу новых программ

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карпов, Д.М. Понятие и сущность категории «Государственный долг» // Инновационный потенциал развития общества: взгляд молодых ученых: сб. науч. тр. 2-й Всерос. науч.-практ. конф., ЮЗГУ, Т. 3. – Курск: ЮЗГУ, 2021. С 86-88.
2. Королева М.Л., Терещенко В.С. Долговая политика региона в современных условиях: отдельные проблемные аспекты // Известия высших учебных заведений. Серия «Экономика, финансы и управление производством». 2021. № 04(50). – С. 120-127.
3. Ешугова С.К., Хамирзова С.К. Оценка долговой политики субъектов южного макрорегиона в современных условиях // Новые технологии. 2021. Т. 17, № 5. – С. 73-81.
4. Герман Н.В. Управление субфедеральным долгом (на примере Кемеровской области): дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10: Новосибирск, 2004. 197 с.
5. «Бюджетный кодекс Российской Федерации» от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 14.07.2022).
6. «Рекомендации по проведению субъектами Российской Федерации ответственной заемной/ долговой политики» (утверждены Министерством финансов Российской Федерации, 2015 г.).
7. «Методические рекомендации для субъектов Российской Федерации по осуществлению заимствований на финансовых рынках» (утверждены Министерством финансов Российской Федерации, 2021 г.).
8. Закон Ярославской области «О государственных заимствованиях и государственном долге Ярославской области» от 09.11.2007 N 75-з (ред. от 03.10.2019).
9. Закон Тамбовской области «О бюджетном устройстве и бюджетном процессе в Тамбовской области» от 28.10.2005 N 369-З (ред. от 02.03.2022).
10. Словарь Ушакова [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 24.08.2022).
11. Толковый словарь Ожегова онлайн [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 24.08.2022).
12. Общее и промышленное управление / А. Файоль; пер. Б. В. Бабина-Кореня с предисл. А. К. Гастева. М.: Центральный институт труда, 1923. 122 с.
13. Большая Советская энциклопедия онлайн [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rus-bse.slovaronline.com/> (дата обращения: 25.08.2022).
14. Государственная политика и управление в 2 ч. Ч. 1. Концепции и проблемы: учебник для вузов / Л.В. Сморгунов [и др.]; под ред. Л.В. Сморгунова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2022. 395 с.
15. Василенко И.А. Государственное и муниципальное управление: учебник для академического бакалавриата / И.А. Василенко. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2017. 494 с.
16. Бюджет - Портал органов власти Ярославской области [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.yarregion.ru/pages/government/budget.aspx> (дата обращения: 28.08.2022).

Public debt management and public debt policy: a new look at the relationship of categories

Vakhrushev Dmitry Stanislavovich

Doctor of Economics, Professor,

Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl, Russian Federation.

e-mail: boxer204@mail.ru

Karpov Dmitry Maksimovich

master's student,

Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl, Russian Federation.

e-mail: dmitrij_karpov_98@mail.ru

Annotation. The article is devoted to the study of the relationship between two categories such as public debt management and public debt policy. The relevance of this scientific work is due to the active use of public debt as one of the main instruments of economic policy, which at the same time led to large-scale debt problems in developed and developing countries, at the regional and local levels. The purpose of the study is to reveal the content of public debt management through clarifying the concepts of «public debt management» and «public debt policy» and characterizing their relationship. The authors analyzed and grouped the author's views published in the literature on the use of concepts in the field of public debt (firstly, public debt management as an integral part of public debt policy; secondly, public debt management as a concept equivalent to public debt policy; thirdly, the state debt policy as one of the aspects of public debt management), the semantic meanings and etymology of the concepts of «management» and «politics» are studied. The research of the problems was carried out by applying general scientific methods of cognition: system and structural analysis, synthesis of theoretical (works of various scientists and specialists) and practical (data of financial authorities) materials, deduction, induction, dialectical logic, methods of comparison and generalization of official statistical data. The scientific novelty of the conducted research lies in the proposal and justification of an approach to consider public debt management as a combination of debt policy and public debt administration, which can be used in the framework of both regulatory and educational process. The facts of the main forms of public debt administration are given on the example of the Yaroslavl region 2019-2022.

Keywords: public debt management, public debt policy, public debt administration, debt obligations, public administration, financial executive authority.

Формирование системы показателей оценки эффективности и финансовой устойчивости бюджетов муниципальных образований

Тарасова Алла Юрьевна

кандидат экономических наук, доцент,

ФГОБУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ, Ярославский филиал, г. Ярославль, Россия.

E-mail: Alltar09@yandex.ru

Корнева Алина Игоревна

студент,

ФГОБУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ, Ярославский филиал, г. Ярославль, Россия.

E-mail: linkor32010@yandex.ru

Карташева Ольга Витальевна

кандидат педагогических наук, доцент,

ФГОБУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ, Ярославский филиал, г. Ярославль, Россия.

E-mail: ovk9999@mail.ru

Аннотация. Своевременная оценка финансовой устойчивости региональных и местных бюджетов является одной из составляющих бюджетного процесса. Важно рационально распределить финансовые ресурсы, чтобы обеспечить развитие территории, однако при работе по балансировке бюджетных показателей возникает вопрос выбора инструмента анализа состояния и структуры бюджета. Системы показателей оценки эффективности и устойчивости местных бюджетов в России применяются разные. Ни одна из существующих методик не является унифицированной, в связи с чем возникают две основные трудности при объективном оценивании работы муниципальных органов власти и межмуниципальном сравнении. Обилие научных и аналитических изысканий и публикаций по данной тематике говорит о высокой степени заинтересованности исследователей к данному вопросу. В данной работе делается обзор популярных авторских подходов к бюджетному коэффициентному анализу, на основе которого производится отбор бюджетных коэффициентов, позволяющих оценивать достижение целей развития муниципальных образований и устойчивость бюджета. На основе данной совокупности показателей произведен анализ бюджетной устойчивости муниципальных районов Ярославской области по данным за 2021 год. Анализ состояния бюджетов 16 муниципальных районов с помощью системы бюджетных коэффициентов показал, что финансово несамостоятельными являются более 50% бюджетов муниципальных районов региона. С другой стороны, изучение социальной ориентированности бюджетов по открытым бюджетным данным демонстрирует, что значительная часть финансовой поддержки от региона направляется на улучшение качества социальных услуг, предоставляемых муниципальным самоуправлением населению районов или, по крайней мере, поддержание их на приемлемом уровне. Результаты анализа бюджетной устойчивости на основе определенного набора бюджетных коэффициентов в целом совпадали с оценкой Правительства Ярославской области в рамках проекта «Рейтинг-76», что подтверждает возможность применения данной системы бюджетных коэффициентов для единообразного подхода в оценке финансовой устойчивости и эффективности муниципальных финансов.

Ключевые слова: финансовая устойчивость бюджетов, муниципальные финансы, муниципальные доходы, муниципальные расходы, муниципальный долг.

JEL codes: H68, H69, H72

Для цитирования: Тарасова, А.Ю. Формирование системы показателей оценки эффективности и финансовой устойчивости бюджетов муниципальных образований / А.Ю. Тарасова, А.И. Корнева, О.В. Карташева. - DOI 10.52957/22213260_2022_11_109. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2022 - №11. - С.109-122. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.11.2022)

DOI: 10.52957/22213260_2022_11_109

Своевременная оценка сбалансированности и финансовой устойчивости бюджетов бюджетной системы является актуальной задачей для органов управления финансами. Сбалансированное развитие бюджета, согласно Бюджетному кодексу Российской Федерации, это состояние равновесия расходов и доходов с поступлениями из источников финансирования дефицита бюджета [1]. Несоответствие финансовых возможностей и обязательств в определенный период времени может существенно нарушить финансовую устойчивость бюджетов различных уровней власти [2]. Внедрение в практику управления государственными и муниципальными финансами финансового менеджмента [3] ставит вопрос о выборе инструмента анализа состояния и структуры бюджета, который соответствовал бы таким требованиям как: доступность, простота интерпретации расчетных данных и их аппликации к реальной ситуации и др.

Отсутствие единообразного подхода в целях оценки бюджетных показателей региональных или местных бюджетов создает трудности при объективном оценивании работы муниципальных органов власти и межмуниципальном сравнении. Во-первых, муниципальные образования могут не производить специальных оценок исполнения бюджетов, публикуя лишь статистическую информацию о проведенной работе в виде структурированной информации о доходах и расходах по годам. Во-вторых, добровольно применяемые наборы бюджетных показателей могут отличаться среди муниципальных образований. Таким образом, в работе в качестве одного из возможных способов бюджетного анализа рассматривается целесообразность и содержательность использования метода специальных бюджетных коэффициентов.

Целью данной работы является формирование системы показателей оценки эффективности и финансовой устойчивости развития бюджетов муниципальных образований Ярославской области на основе интерпретации системы бюджетных коэффициентов.

Существующие методики расчета бюджетных показателей в российском бюджетном законодательстве, как уже было упомянуто, имеют узкую специализацию и требуются в основном для внутренней работы органов власти. В частности, методика распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов содержит указания расчета некоторых коэффициентов: как простых соотношений (например, коэффициент расселения населения для дальнейшего определения уровня дифференциации заработной платы в субъекте), так и более сложных (например, индекс бюджетных расходов или коэффициент долговой нагрузки на бюджеты субъектов РФ) [4]. Поэтому возникшая достаточно давно идея создания систематизированного перечня математико-статистических показателей обосновывается желанием дать более углубленную информацию о бюджетах территориальных образований, используя при этом несложные вычисления.

В отечественной научной литературе много различных методик анализа состояния бюджетов с применением специальных коэффициентов. Во многом фундаментом создания авторских методов вычисления бюджетных коэффициентов за рамками основных постулатов статистического анализа стала система бюджетного анализа, предложенная Поляком Г.Б. [5]. Для выявления состояния территориального бюджета в соответствии с его методикой необходимо найти значения двенадцати коэффициентов, среди которых: коэффициент соотношения перераспределяемых и собственных бюджетных средств, коэффициент автономии, коэффициент внешнего финансирования и другие.

Методика Сумской Т.В. [6] предлагает рассчитывать пять основных коэффициентов: коэффициент безвозмездных перечислений и полученных доходов, коэффициент бюджетной результативности территорий (причем предполагается вариативность расчета величины, принимаемой за «доходы» в числителе – дополняя или уменьшая налоговые и неналоговые доходы на величину безвозмездных перечислений), коэффициент бюджетной задолженности (аналогично, расчет можно производить с учетом или без учета располагаемых доходов), коэффициент бюджетного покрытия и коэффициент бюджетной обеспеченности населения [6, с. 26]. Этот «базовый» вариант используется, например, в исследовании бюджетных показателей Хабаровского края Егоровой В.А. и Бондаренко Н.А. [7].

С 2014 года методика Сумской дополняется рассмотрением бюджетной обеспеченности на

одного жителя не только в текущих ценах, но и в постоянных ценах (с учетом инфляции), поскольку такая корректировка может приводить к серьезным изменениям в иллюстрации данных. В частности, Сумская демонстрирует, что при анализе динамики бюджетных показателей на длительных интервалах переход от фактических цен на заданный момент времени к твердым ценам рассматриваемого периода может существенно изменять картину: например, положительная семилетняя динамика налоговых и неналоговых доходов бюджета при включении воздействия инфляционных процессов в модель может привести к тому, что результат, на самом деле, является отрицательным [8]. Кроме того, значительно изменяется визуальное распределение данных — колебания значений во временном интервале могут сглаживаться или менять свой тренд на противоположный (с положительного на отрицательный и наоборот).

Другая методика предлагается в работах Никулиной Е.В. Рассчитываемые показатели: коэффициент автономии, коэффициент бюджетной обеспеченности, коэффициент дотационности (зависимости), коэффициент бюджетной результативности, коэффициент покрытия расходов [9]. В упрощенном варианте модель представляет собой сравнение найденных коэффициентов с пороговыми значениями, в более развернутом варианте — соотнесение расчетных значений коэффициентов к индикативным (безопасным или оптимальным) значениям для последующего вычисления интегрального показателя бюджетно-налоговой безопасности территории.

Подход Паздниковой Н.П. отчасти совмещает в себе элементы методов Никулиной Е.В. и Поляка Г.Б. [10]. Вместе с тем оригинальность способа оценки бюджетных показателей заключается в обосновании учета влияния привлеченных в бюджет средств и применения некоторых специфических коэффициентов – например, коэффициента покрытия дефицита регионального бюджета за счет полученных регионом займов и кредитов, коэффициента стоимости использования привлеченных средств и т.д.

Следующая модель связана научными трудами Яшиной Н.И., Ермаковой Е.А. и Коротинной Н.Ю. [11] Причем вариант Коротинной Н.Ю. можно охарактеризовать как обобщение этих авторских подходов. Модель представлена в виде нескольких блоков бюджетных коэффициентов, в общей сложности насчитывающей 26 показателей. Из наиболее интересных можно выделить: коэффициент инвестиционных и текущих расходов, коэффициент программных расходов, коэффициент равномерности расходования бюджетных средств в течение года и некоторые другие. Отдельные коэффициенты опираются непосредственно на нормы бюджетного законодательства, являясь по сути математическим отражением «слова закона». В частности, расчет долговой емкости отсылает к статье 107 Бюджетного кодекса в поисках нормативного значения, где указано, что данный коэффициент не должен быть больше единицы (иными словами, муниципальный долг должен быть меньше величины доходов, уменьшенной на величину безвозмездных поступлений и доходов по дополнительным нормативам отчислений от НДС). Подобным образом работает и коэффициент предела обслуживания муниципального долга в соответствии со статьей 111, где пороговое значение определено как 0,15 [1].

Весьма распространенной разновидностью коэффициентного бюджетного анализа является балльно-рейтинговая модель. Такие российские и иностранные исследователи как Печенская М.А., Гладковская Е.Н., Берман С. и Медведева В., Возняк Г. и Мульская О., Фролов С. и Vogacki S [11] и другие используют интегральное значение коэффициентов в качестве обобщающего результата, на основе которого бюджету территории присваивается определенное количество баллов. В соответствии с вариацией баллов формируются несколько зон устойчивости – например, абсолютная устойчивость, относительная устойчивость, относительная неустойчивость и абсолютная неустойчивость. Количество зон устойчивости может отличаться от автора к автору и, как правило, зависит от объема входных данных, степени разброса получившихся балльных оценок и количества вариантов присваиваемых баллов (будут ли они принадлежать рейтингу от 0 до, скажем, 2 или более широкому интервалу).

Таким образом, при общей цели исследования – оценке бюджетных показателей – каждая методика, однако, имеет свои ограничения в практическом применении наравне с определенными достоинствами. Нужно обратить внимание, что несмотря на различие имеющихся методик есть определенная доля их наложения друг на друга или пересечения. Так, некоторые авторы (Паздникова, Никулина, Поляк и др.) полностью сходятся в методе расчета и названии коэффициента автономии. По отдельным же коэффициентам у авторов могут наблюдаться одинаковые способы расчета, например, по соотношению безвозмездных поступлений и доходов бюджета, но разные видения названий показателей – коэффициент общей финансовой зависимости (Коротина Н.Ю.), коэффициент дотационности (Никулина Е.В., Паздникова Н.П.), коэффициент бюджетной зависимости (Минаков А.В.) и т.д. Но в целом, несмотря на некоторые различия формулировок, в сущности, коэффициенты могут отражать одно и то же. Здесь скорее можно обнаружить еще один аргумент в пользу необходимости унификации различных подходов и формирования единых названий для бюджетных коэффициентов с целью упрощения анализа различных исследований.

Департаментом экономики и стратегического планирования Правительства Ярославской области на протяжении пяти лет проводится оценка ключевых показателей развития территориально-административных образований региона. В рейтинге производится анализ таких направлений как: уровень и сбалансированность социально-экономического развития, развитость инфраструктуры, качество муниципального управления, векторы внутренней политики и результаты их реализации, а также безопасность оцениваемых территорий (в т.ч. уровень преступности, число зарегистрированных ситуаций чрезвычайного характера как пожары и др.) [12]. В совокупности оценка производится по более чем 50 показателям: в 2020 г. – 58 показателей составили итоговый рейтинг, а в 2021 г. – 62 показателя.

В рейтинге территорий в сфере муниципального управления (качество муниципальных финансов, т.е. структура бюджетов, муниципальных закупок, системы бюджетного планирования и др.) первая пятерка состоит из Гаврилов-Ямского, Ростовского, Рыбинского, Ярославского и Угличского районов. Самыми финансово неразвитыми были признаны Брейтовский, Борисоглебский и Первомайский район.

Исполнение консолидированных бюджетов муниципальных районов неоднородно среди рассматриваемых административно-территориальных образований, что можно заметить по данным таблицы 1. Сопоставление величины исполненных доходов и расходов по итогам 2021 года показывает интересное разделение: половина муниципальных районов обладает профицитным бюджетом, а другая – ровно наоборот.

Обозначения, используемые в таблице: Д – общий объем доходов бюджета, Р – общий объем расходов бюджета, БВП – общий объем безвозмездных поступлений бюджета муниципального района, БВПд – объем дотаций в структуре безвозмездных поступлений, БВПсб – объем субсидий в структуре безвозмездных поступлений, БВПсбв – объем субвенций в структуре безвозмездных, НД – налоговые доходы бюджета, НнД – неналоговые доходы бюджета, МД – объем муниципального долга.

Таблица 1 – Информация об исполнении доходов, расходов, а также величине муниципального долга по итогам 2021 г., в млн. руб. (составлена по данным портала Открытый бюджет Ярославской области [14])

Муниципальный район	Д	Р	БВП	БВПд	БВПсб	БВПсбв	НД	НнД	МД
Большесельский	606,0	604,5	546,2	159,4	59,6	327,4	51,0	7,8	-
Борисоглебский	757,6	749,9	660,9	187,7	71,3	401,8	81,1	15,9	-
Брейтовский	409,1	408,9	357,5	107,9	31,0	218,6	41,5	10,1	1,07
Гаврилов-Ямский	1456,8	1437,5	1254,1	309,7	145,2	792,9	171,1	24,2	-

Муниципальный район	Д	Р	БВП	БВПд	БВПсб	БВПсбв	НД	НнД	МД
Даниловский	1340,7	1342,1	1176,8	296,8	132,0	745,3	145,0	13,0	-
Любимский	710,5	711,7	630,1	197,9	95,8	336,2	69,6	9,0	-
Мышкинский	643,0	645,4	527,6	162,5	64,6	299,9	74,7	40,2	25,10
Некоузский	995,4	984,5	887,0	198,9	253,6	434,1	95,9	12,4	-
Некрасовский	1036,7	1038,5	856,1	213,3	79,7	563,4	153,4	23,4	-
Первомайский	665,1	670,2	600,3	205,4	45,3	349,5	55,6	7,7	-
Пошехонский	899,4	888,1	819,9	245,0	111,8	405,4	66,2	10,1	-
Ростовский	3050,1	3021,4	2493,2	561,6	306,2	1624,6	462,5	88,2	128,3
Рыбинский	2271,4	2276,4	1933,5	267,1	851,2	813,4	281,9	55,4	-
Тутаевский	2668,3	2697,0	2254,8	591,9	248,1	1319,7	298,8	60,4	19,00
Угличский	2332,2	2314,7	1944,7	492,8	337,6	1108,4	324,1	62,2	197,4
Ярославский	3052,3	3057,7	2258,5	226,8	321,7	1706,0	691,9	97,5	27,00

В структуре безвозмездных поступлений преобладают субвенции, то есть средства, предназначенные для финансирования передаваемых на местный уровень полномочий. Причем, согласно данным Счетной Палаты об исполнении межбюджетных трансфертов в разрезе их форм, по итогам 2021 года сложилась следующая динамика: при общем увеличении объемов межбюджетных трансфертов в 1,5 раза рост субвенций за год составил +31% (в сравнении с началом 2020 года) [13]. Для выявления длительных тенденций необходимо более детальное исследование динамики объема безвозмездных поступлений с целью формирования экономически обоснованной оценки степени дотационности в ретроспективе, а также выработки решений по вопросу повышения уровня самостоятельности муниципальных районов Ярославской области.

Значительные объемы межбюджетных трансфертов диктуют свои требования, что можно отследить по открытым бюджетным данным на официальном сайте ИАС Мониторинг [14]. Так, бюджетные расходы социального характера (расходы на охрану окружающей среды, образование, культуру и кинематограф, социальную политику, физическую культуру и спорт, средства массовой информации), включаемые, например, в расчет уровня социальной ориентированности бюджетов, для 80% муниципальных районов Ярославской области составляют около 4/5 общего объема исполненных в 2021 г. расходов. Только у трех районов относительно низкие социальные расходы: у Пошехонского – 66,96%, у Некоузского – 61,91% и 48,90% у Рыбинского района.

Из положительных моментов стоит отметить, что несмотря на нестабильную экономическую обстановку во всех регионах страны на протяжении 2020–2021 гг., на начало 2022 года многие муниципальные районы смогли погасить свои долги и на текущий момент не имеют больших сумм задолженности, что говорит об отсутствии долговой нагрузки не только на сами местные бюджеты, но и на их население.

Для дальнейшего анализа бюджетов муниципальных образований Ярославской области были выбраны несколько «базовых» коэффициентов, отраженных в таблице 2. Отбор этих показателей объясняется тем, что данные коэффициенты не только встречаются в работах различных авторов и методиках, но и в целом имеют практически идентичные способы расчета. Кроме того, основываясь на ключевых – или укрупненных (агрегированных) – статьях бюджетов муниципальных образований, позволяют дать первичную оценку состоянию исследуемых бюджетов.

В процессе расчета отобранных коэффициентов используются бюджетные данные такие как: соотношение общей величины доходов и расходов, формирование налоговых доходов муниципального бюджета и доходов от деятельности органов местного самоуправления (неналоговых), уровень межбюджетных трансфертов и их влияние на повышение или снижение уровня финансовой

устойчивости.

Таблица 2 – Индикаторы устойчивости муниципального бюджета [11, с.19]

Показатель	Формула	Переменные
Коэффициент покрытия	$K_1 = \frac{Д}{Р}$	Д – общая сумма доходов бюджета, Р – общая сумма расходов бюджета
Коэффициент деловой активности	$K_2 = \frac{НнД}{Д}$	НнД – неналоговые доходы бюджета, НД – налоговые доходы бюджета
Коэффициент налоговой обеспеченности	$K_3 = \frac{НД}{Д}$	
Коэффициент общей финансовой устойчивости	$K_4 = \frac{НД + НнД}{Р}$	
Коэффициент сбалансированности	$K_5 = \frac{Д - БВП}{Р - БВПсубв}$	БВП – общий объем безвозмездных поступлений, БВПсубв – безвозмездные поступления в местный бюджет в виде субвенций
Коэффициент финансовой зависимости	$K_6 = \frac{БВП}{Д}$	
Коэффициент качества финансовой помощи	$K_7 = \frac{БВПсубс}{БВПд + БВПсубс}$	БВПсубс – безвозмездные поступления в виде субсидий, БВПд – безвозмездные поступления в виде дотаций

Коэффициент общего покрытия расходов (K1) отражает достаточность доходов муниципального бюджета для компенсации расходов или, иными словами, является ли бюджет дефицитным или профицитным [11, с.18]. Несмотря на то, что абсолютного равенства доходов и расходов при балансировке бюджетов добиться невозможно, тем не менее, ни профицит, ни дефицит не являются «хорошим результатом». Для того, чтобы дать более однозначную интерпретацию коэффициента и назвать бюджет полностью сбалансированным относительно исполнения доходов и расходов необходимо дополнительное изучение причин недоиспользования бюджетных средств, а также причины дополнительных расходов.

Часто встречающийся в различных научных работах коэффициент автономии (отношение уменьшенных на величину безвозмездных поступлений доходов к общей величине доходов) предлагается детализировать на коэффициент деловой активности (K2 – по неналоговым доходам) и налоговой обеспеченности (K3 – по налоговым доходам). Без учета межбюджетных трансфертов первый коэффициент характеризует нефискальную часть доходов муниципального бюджета. Второй коэффициент помогает проанализировать в какой части доходы муниципального бюджета формируются за счет налоговых поступлений [11, с.18]. По используемой методике не имеет значения статус налогов (федеральные, региональные или местные), а только их совокупный объем в структуре бюджета. Коэффициент общей финансовой устойчивости (K4) отражает то, насколько расходы бюджета муниципального образования могут быть покрыты налоговыми и неналоговыми доходами [11, с.18].

В России подавляющее число муниципальных образований, особенно это касается городских и сельских поселений, испытывает трудности с покрытием расходов за счет налоговых и неналоговых доходов [15], поэтому значение данного показателя, как правило, невысокое. Из этого следует, что коэффициенты, учитывающие величину налоговых и неналоговых статей (в нашем случае K2, K3 и K4) начинают представлять все больший интерес, чем большим становится величина числителя по

отношению к величине расходов или доходов бюджета муниципального образования. Кроме того, если рассматривать коэффициенты К2 и К4 в динамике, то становится возможным определить степень активности местных администраций в пополнении доходной части бюджетов муниципальных образований.

Коэффициент сбалансированности (К5) необходим для анализа возможности муниципального бюджета самостоятельно покрывать расходы на реализацию полномочий муниципального образования без учета утвержденного объема безвозмездных поступлений [11, с.19]. В этом смысле доля собственных доходов бюджета оказывает непосредственное влияние на степень самостоятельности и независимости местного самоуправления.

Коэффициент финансовой зависимости (К6), который определяется расчетом величины безвозмездных поступлений к общей величине доходов бюджета [11, с.19]. Здесь возможна вариативность расчета в том смысле, что для коэффициента К6 можно вывести парный коэффициент, при сложении с которым будет в сумме получаться единица. Речь идет о коэффициенте финансовой независимости, рассчитываемом путем деления результата сложения налоговых и неналоговых доходов на общую величину доходов бюджета. Введение парного коэффициента будет малоинформативным вследствие «уравновешивания» коэффициентов друг друга. В данной модели наибольший интерес представляет влияние межбюджетных трансфертов и их структуры в общем объеме доходов на бюджетную устойчивость муниципальных районов Ярославской области. Кроме того, оценка налоговых и неналоговых поступлений уже производится в рамках коэффициентов К2, К3 и К4 – таким образом введение дополнительного коэффициента оценки собственных доходов местного бюджета будет малоэффективным.

Коэффициент качества финансовой помощи (К7), как правило, отражает политический курс органов местного самоуправления: ведут ли они достаточно «пассивную политику», то есть выступают ли они большую часть времени лишь в роли получателей дотаций из регионального бюджета, или же они способствуют пополнению бюджета иными (кроме налоговых) источниками доходов.

На основании последовательного расчета всех предложенных коэффициентов для каждого муниципального района, отраженных в таблице 3, можно сделать следующее заключение. Во-первых, бюджетный дефицит или профицит в среднем составляет не более 1% по результатам расчета коэффициента покрытия.

Следующие два коэффициента (К2 – деловой активности и К3 – налоговой обеспеченности) крайне малы, что говорит о том, что муниципальные органы власти находятся в очень высокой степени зависимости от финансовых решений государственных органов власти субъекта.

Полученные значения К3 свидетельствуют о том, что в среднем налоговые доходы составляют порядка 11,8% доходов местных бюджетов; только у 5 районов (Большесельского, Любимского, Некоузского, Первомайского и Пошехонского) вес налоговых доходов в структуре общего объема доходов муниципального бюджета составляют менее 10%. Наилучшими пропорциями по активности органов местного самоуправления в области формирования поступлений в местный бюджет, а также по уровню собираемости налоговых доходов обладают Мышкинский (6,25% и 11,62%), Ярославский (3,19% и 22,67%) и Ростовский (2,89% и 15,16%) районы. По отношению к расходам доля налоговых и неналоговых доходов остается мала, а наибольшим покрытием за счет собственных средств обладают Ярославский, Ростовский, Мышкинский и Некрасовский районы.

Таблица 3 – Коэффициенты бюджетной устойчивости муниципальных районов Ярославской области за 12 месяцев 2021 г.

Муниципальный район	К1	К2	К3	К4	К5	К6	К7
Большесельский	1,003	0,013	0,084	0,097	0,216	0,901	0,272
Борисоглебский	1,010	0,021	0,107	0,129	0,278	0,872	0,275
Брейтовский	1,000	0,025	0,101	0,126	0,271	0,874	0,223

Муниципальный район	K1	K2	K3	K4	K5	K6	K7
Гаврилов-Ямский	1,013	0,017	0,117	0,136	0,314	0,861	0,319
Даниловский	0,999	0,010	0,108	0,118	0,275	0,878	0,308
Любимский	0,998	0,013	0,098	0,110	0,214	0,887	0,326
Мышкинский	0,996	0,062	0,116	0,178	0,334	0,821	0,284
Некоузский	1,011	0,012	0,096	0,110	0,197	0,891	0,560
Некрасовский	0,998	0,023	0,148	0,170	0,380	0,826	0,272
Первомайский	0,992	0,012	0,084	0,094	0,202	0,903	0,181
Пошехонский	1,013	0,011	0,074	0,086	0,165	0,912	0,313
Ростовский	1,010	0,029	0,152	0,182	0,399	0,817	0,353
Рыбинский	0,998	0,024	0,124	0,148	0,231	0,851	0,761
Тутаевский	0,989	0,023	0,112	0,133	0,300	0,845	0,295
Угличский	1,008	0,027	0,139	0,167	0,321	0,834	0,407
Ярославский	0,998	0,032	0,227	0,258	0,587	0,740	0,586

Значение коэффициента сбалансированности (K5) является удовлетворительным только у Ярославского района. У всех остальных территориальных образований наблюдается сильная зависимость от утверждаемых объемов безвозмездных поступлений при реализации управленческих решений органов муниципальных районов. В целом это подтверждается расчетом коэффициента финансовой зависимости, из которого наблюдается ситуация зависимости в среднем на 85,7% от межбюджетных трансфертов. С другой стороны, при детализации информации по статьям расходов можно заметить, что вложения в социальные направления (такие как образование, культура, социальная политика и т.д.) составляют порядка 73,4% всех расходов в целом. Так, в принципе, можно предполагать, что все выделяемые межбюджетные трансферты направляются в строгом соответствии со своими целями.

Качество финансовой помощи муниципальным районам по результатам анализа относительно низкое и большая часть средств, выделяемых из областного бюджета, поступает в виде дотаций. Иными словами, приоритетным направлением межбюджетных отношений является выравнивание бюджетной обеспеченности, а не реализация собственной региональной политики на территориях муниципалитетов или софинансирование социальных проектов. Только в трех муниципальных районах по итоговым значениям K7 (Рыбинский, Ярославский и Некоузский районы) местная администрация не выступает в роли исключительно пассивного получателя дотаций из регионального бюджета.

Произведем балльное ранжирование муниципальных районов по уровню бюджетной устойчивости, разделив их на три зоны: относительная неустойчивость, относительная устойчивость, устойчивость. Отметим, что в рамках предлагаемых критериев, представленных в таблице 4, устойчивость муниципальных районов оценивается относительно друг друга в пределах Ярославской области.

Таблица 4 – Распределение балльных оценок показателей финансовой устойчивости местных бюджетов

	Наименование	0 баллов	1 балл	2 балла
K1	Коэффициент покрытия	меньше 0,95	0,95 – 1	больше 1
K2	Коэффициент деловой активности	меньше 0,1	0,1 – 0,3	больше 0,3
K3	Коэффициент налоговой обеспеченности	меньше 0,1	0,1 – 0,4	больше 0,4
K4	Коэффициент общей финансовой устойчивости	меньше 0,1	0,1 – 0,4	больше 0,4

	Наименование	0 баллов	1 балл	2 балла
К5	Коэффициент сбалансированности	меньше 0,4	0,4 – 0,6	больше 0,6
К6	Коэффициент финансовой зависимости	больше 0,85	0,5 – 0,85	меньше 0,5
К7	Коэффициент качества финансовой помощи	меньше 0,4	0,4 – 0,75	больше 0,75

По данной балльно-рейтинговой модели определим тип финансовой устойчивости исследуемых административно-территориальных единиц. Принадлежность района к той или иной зоне отображено в таблице 5.

Таблица 5 – Зоны финансовой устойчивости муниципальных районов Ярославской области в соответствии с набранным количеством баллов

Район	К1	К2	К3	К4	К5	К6	К7	Итого:	Устойчивость
Ростовский	2	0	1	1	1	1	0	6	Устойчивость
Рыбинский	1	0	1	1	0	1	2	6	
Ярославский	1	0	1	1	1	1	1	6	
Угличский	2	0	1	1	0	1	0	5	Относительная устойчивость
Некоузский	2	0	1	1	0	0	1	5	
Тутаевский	1	0	1	1	0	1	0	4	
Некрасовский	1	0	1	1	0	1	0	4	
Мышкинский	1	0	1	1	0	1	0	4	
Гаврилов-Ямский	2	0	1	1	0	0	0	4	
Борисоглебский	2	0	1	1	0	0	0	4	
Большесельский	2	0	0	1	0	0	0	3	Относительная неустойчивость
Брейтовский	1	0	1	1	0	0	0	3	
Даниловский	1	0	1	1	0	0	0	3	
Любимский	1	0	1	1	0	0	0	3	
Пошехонский	2	0	0	0	0	0	0	2	
Первомайский	1	0	0	0	0	0	0	1	

В целом, по проиллюстрированным данным подтверждаются результаты расчета индивидуальных бюджетных коэффициентов в части отражения информации об относительно благоприятном положении, прежде всего, Ярославского, Ростовского, Рыбинского и некоторых других муниципальных районов.

Далее, чтобы подтвердить или подвергнуть сомнению сделанные выводы, составим рейтинг муниципальных районов в соответствии с их интегральными коэффициентами по группе индивидуальных бюджетных показателей.

Сначала условно разделим все коэффициенты на две группы. В первую группу войдут: коэффициент покрытия, коэффициент деловой активности, коэффициент налоговой обеспеченности, коэффициент финансовой независимости и коэффициент финансовой устойчивости (т.е. коэффициенты К1–К2). Выбор продиктован тем, что эти показатели описывают собственную устойчивость бюджета муниципального образования. Вторую группу соответственно составят показатели, включающие в себя средства, направляемые из других бюджетов (межбюджетные трансферты), а именно: коэффициент сбалансированности (К6), коэффициент финансовой значимости (К7) и коэффициент качества финансовой помощи (К8).

Далее по каждому коэффициенту необходимо провести сопоставление путем определения влияния коэффициентов на итоговый результат и расчета специальных уровней. Так, прямым

или положительным воздействием обладают коэффициенты, увеличение которых приводит к повышению уровня финансовой устойчивости территории. Для обратных показателей желательным является их уменьшение, поскольку с ростом они оказывают негативное воздействие на устойчивость муниципального (впрочем, и любого иного) бюджета. В описываемой модели только один коэффициент – коэффициент зависимости (К7) – будет являться обратным.

Сопоставление произведем следующим образом. Если коэффициент определен как «прямой», то его уровень можно получить как:

$$U_{ij} = \frac{K_{ij}}{K_{ij}^{\max}} \text{ если } i \rightarrow \max,$$

где U_{ij} – уровень финансовой устойчивости бюджета по i -му коэффициенту для j -го муниципального района;

K_{ij} – значение заданного коэффициента для j -го муниципального района;

K_{ij}^{\max} – максимальное значение коэффициента среди значений по всем муниципальным районам.

В случае с «обратными» показателями уровни можно найти как:

$$U_{ij} = 1 - \frac{K_{ij}}{K_{ij}^{\max}} \text{ если } i \rightarrow \min$$

Далее найдем сводные коэффициенты для двух выделенных групп, обозначив за K_{α} коэффициенты, характеризующиеся прямой связью с финансовой устойчивостью, и за K_{β} – с обратной связью. При этом для совокупности K_{α} весовой коэффициент будет определен как 60% (или 0,6), поскольку налоговые и неналоговые доходы и их связь с общей величиной доходов и расходов в целом является первичной ступенью формирования бюджета любого уровня. В то время как межбюджетные трансферты предназначены в большей степени для балансировки бюджетных показателей и доведения бюджетного исполнения «до ума». Поэтому значимость межбюджетных трансфертов в обеспечении бюджетной устойчивости должна быть несколько ниже. Совокупности K_{β} присвоим значимость на уровне 40% (или 0,4).

Расчет K_{α} и K_{β} в некотором смысле можно считать нахождением значений промежуточных интегральных показателей. Вычислить их можно следующим образом:

$$K_{\alpha} = \sqrt[n]{\prod U_{ij\alpha}}$$

$$K_{\beta} = \sqrt[n]{\prod U_{ij\beta}}$$

В данных формулах n – количество уровней, входящих в совокупность K_{α} или K_{β} .

Путем суммирования совокупностей K_{α} или K_{β} с учетом уровня их значимости можно вычислить интегральный коэффициент финансовой устойчивости бюджета. Результаты расчетов отображены в таблице 6.

Исходя из величины интегрального показателя для каждого исследуемого объекта подтверждается устойчивость Ярославского, Ростовского, Угличского районов, установленная в соответствии с ранее распределенными баллами. При сравнении результатов балльного и интегрального рейтинга сложившиеся оценки отличаются только для Мышкинского, Рыбинского, Брейтовского и Некоузского районов, что может быть объяснено погрешностью вычислений применяемых методов анализа бюджетной устойчивости. Для остальных муниципальных районов оценка в целом остается верной в рамках двух рейтингов.

Таким образом, полученные результаты позволяют сделать следующие выводы. Специальные бюджетные коэффициенты, отобранные для исследования, показали высокую степень финансовой несамостоятельности бюджетов значительной доли муниципальных районов области. С другой стороны, значительная часть финансовой поддержки от региона направляется на улучшение качества

социальных услуг, предоставляемых муниципальным самоуправлением населению районов.

Таблица 6 – Рейтинг финансовой устойчивости муниципальных районов Ярославской области по итогам 12 месяцев 2021 г.

Место	Муниципальный район	Интегральный показатель финансовой устойчивости
1	Ярославский	0,716
2	Мышкинский	0,571
3	Ростовский	0,538
4	Угличский	0,501
5	Некрасовский	0,487
6	Рыбинский	0,472
7	Тутаевский	0,426
8	Гаврилов-Ямский	0,404
9	Борисоглебский	0,396
10	Брейтовский	0,395
11	Даниловский	0,333
12	Некоузский	0,332
13	Любимский	0,328
14	Большесельский	0,292
15	Первомайский	0,274
16	Пошехонский	0,224

Таким образом, на основе проведенного исследования состава и структуры бюджетов муниципальных районов Ярославской области было выяснено, что практически все рассматриваемые бюджеты по степени исполнения доходов и расходов можно условно считать сбалансированными: на текущий момент не наблюдается сильного перекоса в сторону дефицита или профицита ни у одного из образований.

Однако внутренняя структура доходов и расходов, в том числе в рамках детализированного анализа, очень неоднородна. В частности, несмотря на общероссийскую тенденцию слабой собственной доходной базы местных бюджетов [15], показатели налоговых и неналоговых доходов муниципальных районов очень малы, особенно в сопоставлении с размерами помощи, предоставляемой из других бюджетов. Бюджеты в большой степени дотационны и зависимы от межбюджетных трансфертов, что в условиях, например, глобальной нестабильности может нанести серьезный ущерб состоянию не только самих бюджетов муниципальных образований, но и гражданам, уплачивающим в него налоги и получающим из него услуги и обустройство территорий для комфортной жизни.

В рамках исследования в целом сформировано верное представление о финансовой устойчивости муниципальных районов по итогам 2021 года, по большей части совпадающее с оценкой Правительства Ярославской области в рамках проекта «Рейтинг-76». Это позволяет использовать метод бюджетных коэффициентов для дальнейшего изучения финансовой устойчивости и эффективности муниципальных финансов.

В частности, перспективным направлением анализа является расчет предложенных в данной работе бюджетных коэффициентов для более широкого временного периода – от 5 до 10 лет (в пределах средней продолжительности одного экономического цикла). Также существуют объективные возможности по расширению методологической базы коэффициентного анализа и дополнению предложенных показателей дополнительными, более специфическими характеристиками. Это предаст анализу более узконаправленный характер, однако может дать несколько более оперативную

информацию в рамках формируемого запроса исследования по конкретному муниципальному району для учета его специфических особенностей развития.

В качестве комплекса мер по формализации работы с бюджетными коэффициентами значительные положительные сдвиги возможны посредством интеграции муниципальных и в дальнейшем региональных правительств вместе со специалистами Счетной Палаты для разработки системы показателей, удовлетворяющей не только целям своевременного внутреннего контроля и планирования бюджетного процесса «на местах», но и адаптации удобной методологии для эффективного внешнего аудита. Тем более, что некоторыми нормативными документами (как Стандарта государственного аудита 104 [16,17]) уже частично формируется правовой пласт коэффициентного бюджетного анализа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 29.11.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Lysiak L. Assessment of Financial Sustainability of Local Budgets in the Budget Management System Using Kohonen Maps / L. Lysiak, S. Kachula, A. Kushnir, V. Datsenko, T. Tereshchenko // *Universal Journal of Accounting and Finance*. – 2021. – Vol. 9. – No. 6. – Pp. 1558–1570.
3. Приказ Минфина России от 03.12.2010 N 552 (ред. от 30.07.2021) «О Порядке осуществления мониторинга и оценки качества управления региональными финансами» // СПС «КонсультантПлюс».
4. Методика распределения дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности субъектов (Постановление N 670 от 22.11.2004 с изменениями на 24.12.2021) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Финансы: учебник для студентов вузов, обучающихся по экономическим специальностям, специальности «Финансы и кредит» / под ред. Г.Б. Поляка. — 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. – 735 с.
6. Сумская Т.В. Использование бюджетных коэффициентов для оценки устойчивости бюджетов муниципальных образований Новосибирской области / Т.В. Сумская // *Основы экономики, управления и права*. – 2014. – №2 (14). – С. 25–29.
7. Егорова В.А. Оценка бюджетной устойчивости и финансовой обеспеченности Хабаровского края / В.А. Егорова, Н.А. Бондаренко // *Ученые заметки ТОГУ*. – 2017. – Том 8. – № 2. – С. 484–490.
8. Сумская Т.В. Оценка бюджетных аспектов функционирования города Бердска / Т.В. Сумская // *Гуманитарный научный журнал*. – 2021. – № 2. – С. 3–17.
9. Никулина Е.В. Исследование показателей бюджетно-налоговой безопасности региона / Е.В. Никулина // *Финансы и кредит*. – 2014. – № 32 (608). – С. 14–17.
10. Паздникова Н.П. Новшества в оценке бюджетной устойчивости региональных социально-экономических систем / Н.П. Паздникова // *Инновационное развитие экономики: тенденции и перспективы*. – 2016. – Том 1. – С. 350–359.
11. Коротина Н.Ю. Методика анализа финансового состояния бюджетов муниципальных образований / Н.Ю. Коротина // *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. – 2014. – Том 7. – № 20 (206). – С. 36–47.
12. Рейтинг-76 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.yarregion.ru/depts/usp/tmpPages/r76.aspx> (дата обращения 10.03.2021).
13. Оперативный доклад об исполнении федерального бюджета: январь — декабрь 2021 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/ff3/eliutbdz3p95fwuf0e1ngpg0yoesx86n.pdf> (дата обращения 10.03.2021).
14. Открытый бюджет Ярославской области [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://budget76.ru/> (дата обращения 01.03.2021).
15. Игонина Л.Л. Региональные и муниципальные финансы: учебник и практикум для вузов / Л.Л. Игонина [и др.]; под редакцией Л.Л. Игоиной. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2021. – 555 с.
16. СГА 104. Стандарт внешнего государственного аудита (контроля). Аудит эффективности (утв. постановлением Коллегии Счетной палаты РФ от 09.02.2021 N 2ПК) // СПС «КонсультантПлюс».
17. Методические рекомендации по применению аудита эффективности (утв. Коллегией Счетной палаты РФ, протокол от 28.09.2021 N 63К (1506)) (вместе с «Рекомендуемым порядком действий в процессе организации и в ходе проведения контрольного (экспертно-аналитического) мероприятия с применением аудита эффективности») // СПС «КонсультантПлюс».

Formation of a system of indicators for evaluating the effectiveness and financial stability of municipal budgets

Tarasova Alla Yurievna

Candidate of economic sciences, associate professor,

Finance University under the Government of the Russian Federation, Yaroslavl branch, Yaroslavl, Russia.

e-mail: Alltar09@yandex.ru

Korneva Alina Igorevna

student,

Finance University under the Government of the Russian Federation, Yaroslavl branch, Yaroslavl, Russia.

e-mail: linkor32010@yandex.ru

Kartasheva Olga Vitalievna

Candidate of economic sciences, associate professor,

Finance University under the Government of the Russian Federation, Yaroslavl branch, Yaroslavl, Russia.

e-mail: ovk9999@mail.ru

Annotation. Timely assessment of the financial stability of regional and local budgets is one of the components of the budget process. It is important to rationally allocate financial resources to ensure the development of the territory, however, when working on balancing budget indicators, the question arises of choosing a tool for analyzing the state and structure of the budget. The systems of indicators for assessing the effectiveness and sustainability of local budgets in Russia are different. None of the existing methods is unified, and therefore there are two main difficulties in the objective assessment of the work of municipal authorities and inter-municipal comparison. The abundance of scientific and analytical research and publications on this topic indicates a high degree of interest of researchers in this issue. This paper provides an overview of popular author's approaches to budget coefficient analysis, on the basis of which budget coefficients are selected to assess the achievement of municipal development goals and budget sustainability. Based on this set of indicators, the analysis of the budgetary sustainability of the municipal districts of the Yaroslavl region according to data for 2021 was carried out. The analysis of the state of budgets of 16 municipal districts using the system of budget coefficients showed that more than 50% of budgets of municipal districts of the region are financially independent. On the other hand, the study of the social orientation of budgets based on open budget data demonstrates that a significant part of the financial support from the region is directed to improving the quality of social services provided by municipal self-government to the population of districts or, at least, maintaining them at an acceptable level. The results of the analysis of budget sustainability based on a certain set of budget coefficients generally coincided with the assessment of the Government of the Yaroslavl region in the framework of the Rating-76 project, which confirms the possibility of using this system of budget coefficients for a uniform approach in assessing the financial stability and efficiency of municipal finances.

Keywords: financial stability of budgets, municipal finances, municipal revenues, municipal expenses, municipal debt.

Влияние цифрового неравенства на эффективность региональных инновационных систем: случай РФ (продолжение исследования)

Матасов Андрей Михайлович

магистрант,

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет», г. Ярославль, Российская Федерация.

E-mail: matasovam.18@edu.ystu.ru

Шкиотов Сергей Владимирович

кандидат экономических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет», г. Ярославль, Российская Федерация.

E-mail: shkiotov@yandex.ru

Маркин Максим Игоревич

старший преподаватель,

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный технический университет», г. Ярославль, Российская Федерация.

E-mail: markinmi@ystu.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что социально-экономическое неравенство субъектов РФ порождает и цифровое неравенство – расходы региональных бюджетов на развитие ИКТ существенно отличаются, как, впрочем, и сама эффективность этих расходов. Цель исследования – оценить влияние цифрового неравенства на эффективность региональных инновационных систем. В работе оценивается взаимосвязь между величиной расходов региональных бюджетов на ИКТ, развитостью ИКТ на региональном уровне и долей продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВРП субъектов РФ. Для проверки выдвинутой в работе гипотезы использовался корреляционный анализ. В результате проведенного исследования, выдвинутая в работе гипотеза не нашла своего подтверждения по данным, характеризующим экономику России в пятилетнем временном интервале.

Ключевые слова: ИКТ, инновационная активность, инновации, корреляционный анализ, региональные инновационные системы, цифровой разрыв, субъекты РФ.

JEL codes: O33; R11

Для цитирования: Матасов, А.М. Влияние цифрового неравенства на эффективность региональных инновационных систем: случай РФ (продолжение исследования) / А.М. Матасов, С.В. Шкиотов, М.И. Маркин. - DOI 10.52957/22213260_2022_11_123. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2022 - №11. - С.123-103. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.11.2022)

DOI: 10.52957/22213260_2022_11_123

Введение

Данная статья является продолжением исследования опубликованного в предыдущем номере журнала «Теоретическая экономика» [1]. Решая исследовательскую задачу, связанную с оценкой влияния цифрового неравенства на инновационную активность на региональном уровне, было установлено, что во всех анализируемых интервалах времени отсутствует статистически значимая связь между показателями, характеризующими развитие ИКТ на региональном уровне, величиной расходов региональных бюджетов на ИКТ и долей продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в валовом региональном продукте субъектов РФ. Таким образом, можно сделать вывод о том, что цифровое неравенство, определяемое в рамках данного исследования двумя критериями, не оказывает никакого значимого влияния на инновационную активность на региональном уровне.

Следующий этап нашего исследования – попытка подойти к проблеме оценки влияния циф-

рового неравенства на инновационную активность на региональном уровне, через использование результирующих показателей, характеризующих эффективность региональных инновационных систем. Одним из таких показателей, на наш взгляд, является индекс производительности труда по субъектам РФ: развитие ИКТ инфраструктуры на региональном уровне ведет к повышению инновационной активности агломерации, а это, в свою очередь, создает новые возможности для роста производительности труда.

Подобный подход получил широкое распространение в экономической литературе:

- Woltjer G., van Galen M., Logatcheva K. – установили, что продуктовые и процессные инновации увеличивают производительность труда, а это, в свою очередь, сокращает потребность в рабочей силе [2];

- Bhattacharya P. & Rath B. – на основе анализа доклада Всемирного банка, авторы оценили влияние инноваций на производительность труда китайских и индийских компаний [3];

- Ismail R. – анализируя деятельность малых и средних компаний в Малайзии выявил, что человеческий капитал и инновации играют решающую роль в повышении производительности труда [4];

- Kheyfets B. & Chernova V. – исследовали взаимосвязь между темпами прироста производительности труда и инвестициями в основные фонды на примере российского сельского хозяйства (величину этих инвестиций они связывали с инновационной активностью в этом секторе экономики, которая и вела к росту производительности труда) [5];

- Kurt S. & Kurt Ü. – в результате проведенного исследования верифицировали прямую связь между производительностью труда и инновациями [6];

- Okumu I. & Buyinza F. – связывают инновации с существенными улучшениями процесса производства, качества продукции, маркетинга и организационной структуры фирмы. Эти четыре формы инновации оказывают влияние на производительность труда компаний малого и среднего бизнеса в Уганде [7].

Таким образом, выдвинутая нами исследовательская гипотеза связывает цифровое неравенство на региональном уровне с эффективностью региональных инновационных систем, через результирующий показатель – индекс производительности труда.

Научная новизна данного этапа исследования связана с апробацией методики оценки цифрового неравенства на региональном уровне, его влиянием на инновационную активность региона.

На втором этапе исследования мы попытаемся ответить на вопрос о наличии статистически значимой связи между:

- величиной расходов региональных бюджетов на ИКТ и индексами производительности труда по субъектам РФ;

- развитостью ИКТ на региональном уровне и индексами производительности труда по субъектам РФ.

Выбранные показатели соответствуют сформулированной гипотезе исследования – цифровое неравенство оказывает непосредственное влияние на инновационную активность на региональном уровне.

Методология исследования

1. Период исследования – 5 лет (среднесрочный).

2. Используемые показатели:

Показатели, характеризующие развитие ИКТ в России:

– Число абонентов фиксированной телефонной связи на 100 жителей в РФ, 2016-20 гг. (FTS);

– Число абонентов мобильной телефонной связи на 100 жителей в РФ, 2016-20 гг. (MTS);

– Число абонентов фиксированной широкополосной связи на 100 жителей в РФ, 2016-20 гг. (FBS);

– Количество пользователей интернета в % от численности населения в РФ, 2016-20 гг. (IU).

Показатели, характеризующие расходы на ИКТ в субъектах РФ приведены по ежегодному рей-

тингу Snews «Рейтинг ИКТ-затрат регионов РФ» за 2016-20 гг. [1].

Результирующий показатель, который характеризует эффективность региональной инновационной системы – индекс производительности труда по субъектам РФ, приведен по данным Росстата за 2016-20 гг. (графическая интерпретация данных представлена на рисунке 1) [8].

3. Выборка: 85 субъектов РФ; 5-летний временной интервал (2016-20 гг.).

4. Методы исследования: для проверки выдвинутой гипотезы используется корреляционный анализ. При проведении данного исследования для проверки значимости коэффициента корреляции был установлен уровень значимости (p-value) в 5%.

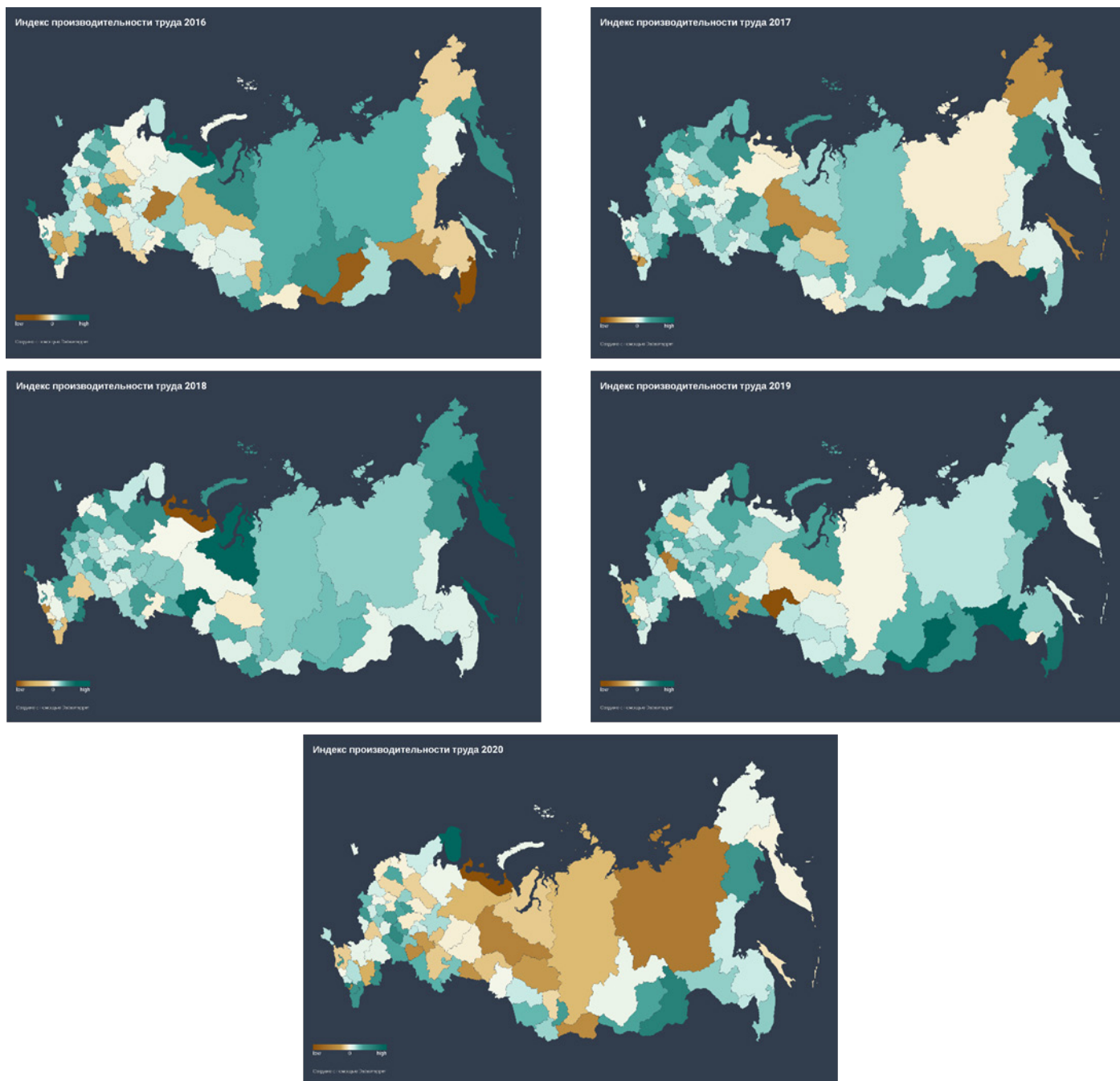

Рисунок 1. Индекс производительности труда по субъектам РФ 2016-20 гг.

Источник: построено авторами по [8]

Результаты исследования

На рисунках 2-3 и в таблицах 1-2 представлена визуальная интерпретация данных, а также при-

ведены результаты корреляционного анализа.

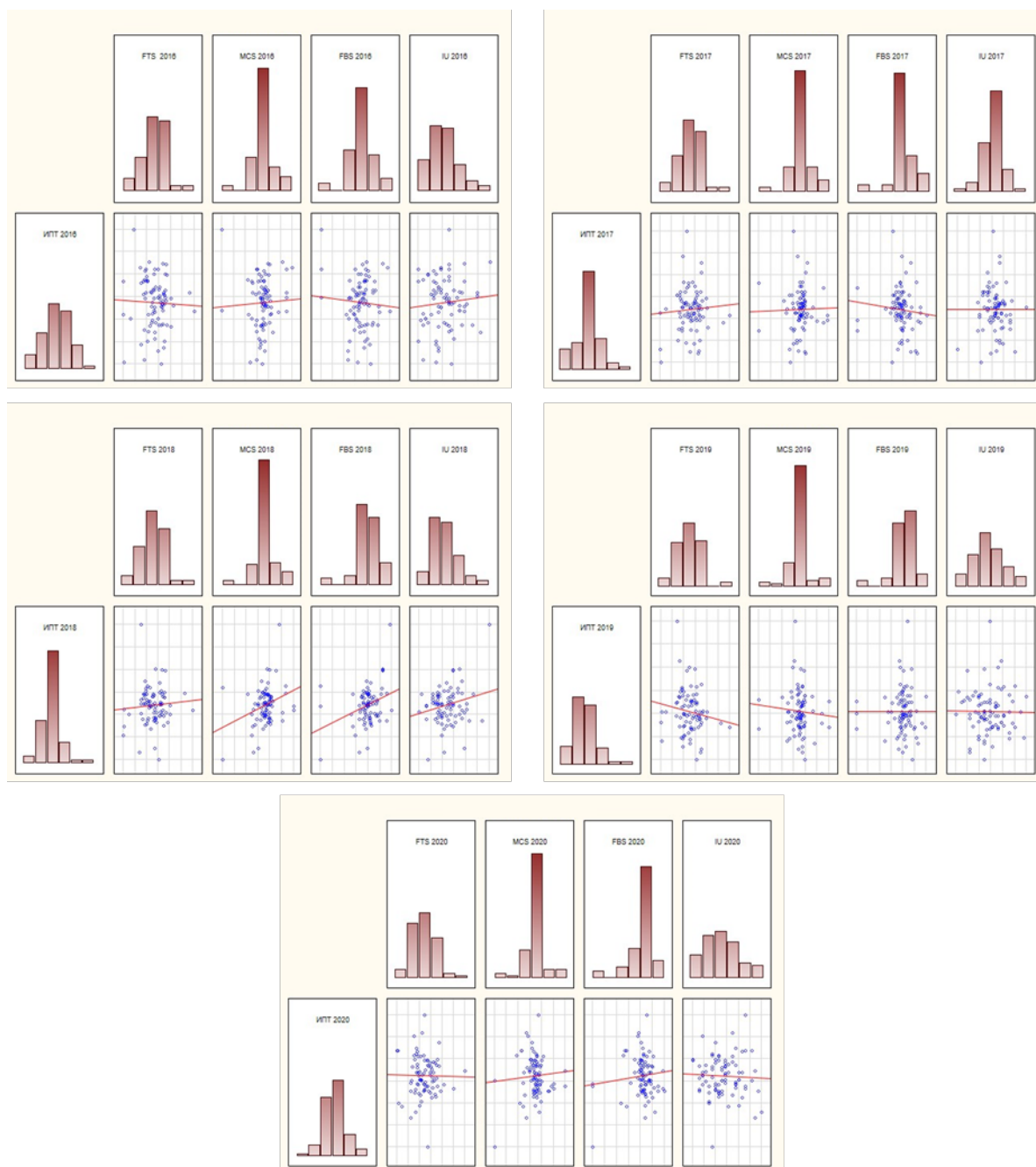

Рисунок 2. Диаграмма рассеивания между показателями развитости ИКТ в регионах и индексами производительности труда по субъектам РФ, 2016-20 гг.

Источник: построено авторами по [8-13]

Таблица 1 – Корреляция между развитостью ИКТ на региональном уровне и индексами производительности труда по субъектам РФ, 2016-20 гг.

Год	Показатель	Число абонентов фиксированной телефонной связи на 100 жителей в РФ (FTS)	Число абонентов мобильной телефонной связи на 100 жителей в РФ (MCS)	Число абонентов фиксированной широкополосной связи на 100 жителей в РФ (FBS)	Количество пользователей интернета в % от численности населения в РФ (IU)
2020	Индекс производительности труда	-0,016013	0,069517	0,112981	-0,040718

Год	Показатель	Число абонентов фиксированной телефонной связи на 100 жителей в РФ (FTS)	Число абонентов мобильной телефонной связи на 100 жителей в РФ (MCS)	Число абонентов фиксированной широкополосной связи на 100 жителей в РФ (FBS)	Количество пользователей интернета в % от численности населения в РФ (IU)
2019	Индекс производительности труда	-0,143456	-0,072152	-0,000666	-0,011175
2018		0,073108	0,305475	0,326687	0,219189
2017		0,066036	0,022036	-0,092623	0,002112
2016		-0,036205	0,040497	-0,062665	0,085481

Источник: рассчитано авторами

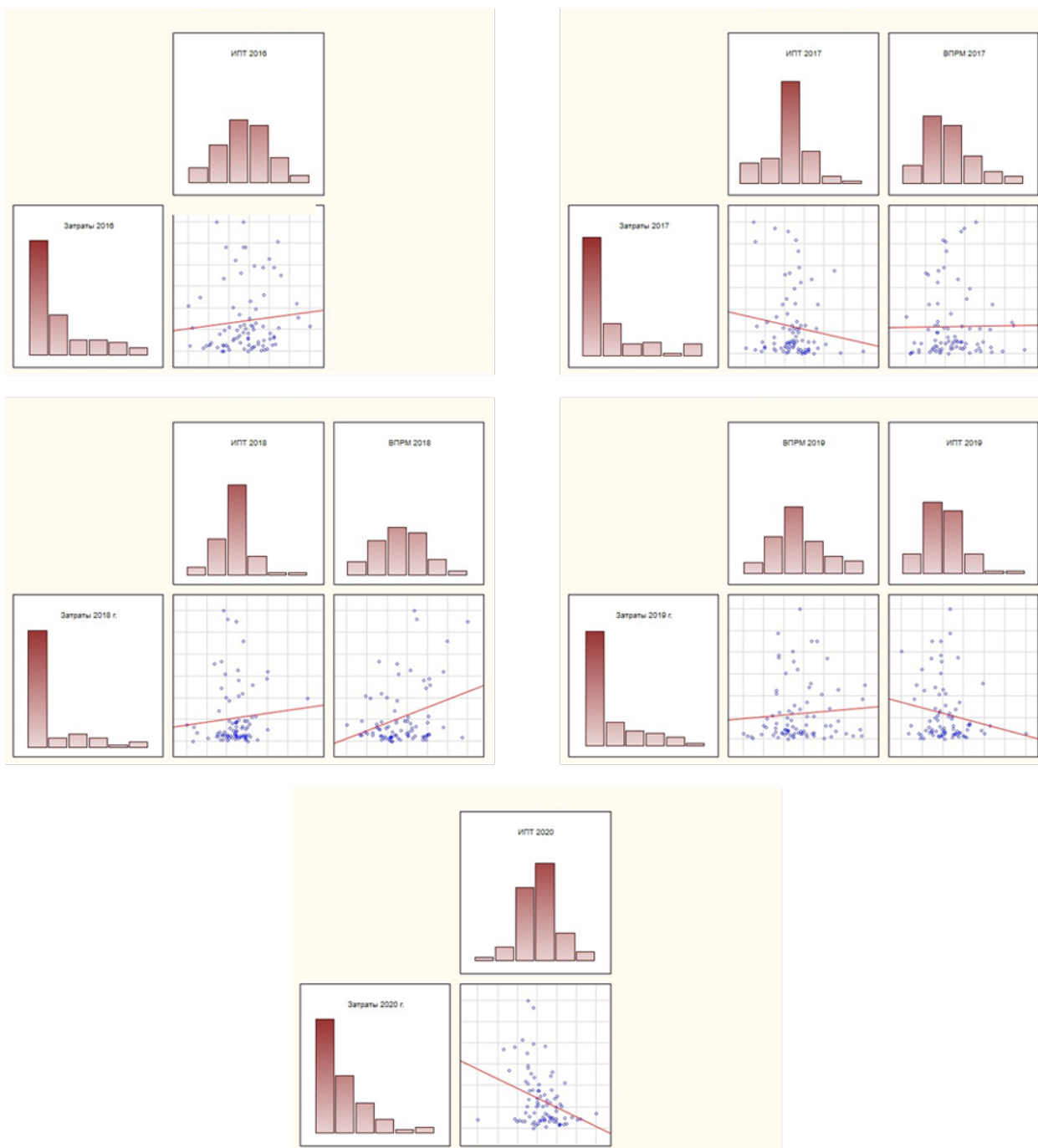

Рисунок 3. Диаграмма рассеивания между величиной расходов региональных бюджетов на ИКТ и индексами производительности труда по субъектам РФ, 2016-20 гг.

Источник: построено авторами по [1, 8-13]

Таблица 2 – Корреляция между величиной расходов региональных бюджетов на ИКТ и индексами производительности труда по субъектам РФ, 2016-20 гг.

Год	Показатель	Расходы на ИКТ в субъектах РФ
2020	Индекс производительности труда	-0,022450
2019		-0,100259
2018		-0,001188
2017		-0,061572
2016		-0,016570

Источник: рассчитано авторами

Обсуждение результатов исследования

Выдвинутая в работе гипотеза не нашла своего подтверждения по данным, характеризующим экономику России в среднесрочном временном интервале.

Полученные в ходе исследования результаты вступают в противоречие с работами Woltjer, van Galen & Logatcheva (2021); Bhattacharya & Rath (2020); Ismail (2018); Kheyfets & Chernova (2019); Kurt & Kurt (2015); Okumu & Buyinza (2018).

Заключение

Данные, представленные в итоговой таблице 1 показывают, что во всех анализируемых интервалах времени практически отсутствует статистически значимая связь между показателями, характеризующими развитие ИКТ на региональном уровне и индексами производительности труда по субъектам РФ (за исключением 2018 г.).

Данные представленные в итоговой таблице 2 показывают, что во всех анализируемых интервалах времени отсутствует статистически значимая связь между величиной расходов региональных бюджетов на ИКТ и индексами производительности труда по субъектам РФ.

Ограничения исследования:

- недостаточная выборка данных и слишком короткий интервал исследования;
- выбросы данных, искажающие общую картину под влиянием пандемии коронавируса и последующего локдауна в 2019 и 2020 годах;
- сильная дифференциация уровня проникновения ИКТ по субъектам РФ (что также приводит к проблеме выброса данных);
- возможно, применение корреляционного анализа для решения поставленной в исследовании задачи было не оптимальным (происходит апробация и поиск адекватной исследовательским задачам методики исследования).

В следующей части нашего исследования будет проанализирована связь между показателями, характеризующими цифровое неравенство субъектов РФ и качеством жизни населения в регионах.

Надеемся, что полученные в результате исследования данные, решаемые задачи, активизируют новую волну прикладных исследований воздействия информационно-коммуникационных технологий на социально-экономическое развитие субъектов РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Корзинин М.С., Шкиотов С.В., Маркин М.И. Влияние цифрового неравенства на эффективность региональных инновационных систем: случай РФ // Теоретическая экономика. 2022. №10.
2. Woltjer, G., van Galen, M., & Logatcheva, K. (2021). Industrial Innovation, Labour Productivity, Sales and Employment. *International Journal of the Economics of Business*, 28(1), 89–113. <https://doi.org/10.1080/13571516.2019.1695448>
3. Bhattacharya, P., & Rath, B. N. (2020). Innovation and Firm-level Labour Productivity: A Comparison of Chinese and Indian Manufacturing Based on Enterprise Surveys. *Science, Technology and Society*, 25(3), 465–481. <https://doi.org/10.1177/0971721820912902>
4. Ismail, R. (2018). The impact of human capital and innovation on labour productivity of Malaysian small and medium enterprises. *International Journal of Productivity and Quality Management*, 25(2), 245–261. <https://doi.org/10.1504/IJPQM.2018.094769>
5. Kheyfets, B. A., & Chernova, V. Y. (2019). Sustainable agriculture in russia: Research on the dynamics of innovation activity and labor productivity. *Entrepreneurship and Sustainability Issues*, 7(2), 814–824. [https://doi.org/10.9770/jesi.2019.7.2\(2\)](https://doi.org/10.9770/jesi.2019.7.2(2))
6. Kurt, S., & Kurt, Ü. (2015). Innovation and Labour Productivity in BRICS Countries: Panel Causality and Co-integration. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, 195, 1295–1302. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.06.296>
7. Okumu, I. M., & Buyinza, F. (2018). Labour productivity among small- and medium-scale enterprises in Uganda: the role of innovation. *Journal of Innovation and Entrepreneurship*, 7(1). <https://doi.org/10.1186/s13731-018-0095-2>
8. Индекс производительности труда. Росстат. Эффективность экономики России. [https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ipt2008-2021\(05102022\).xlsx](https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/ipt2008-2021(05102022).xlsx)
9. Рейтинг ИКТ-затрат регионов РФ 2021. Cnews. <https://www.cnews.ru/tables/ea3d3b5d7a548d25b2032a06df3d2122993270c6>
10. Рейтинг ИКТ-затрат регионов РФ 2020. Cnews. <https://www.cnews.ru/tables/b92583f846d5eaf535d2d7c9a984f32a39e646ef>
11. Рейтинг ИКТ-затрат регионов РФ 2019. Cnews. https://www.cnews.ru/reviews/ikt_v_gossektore_2019/review_table/c99d29f1dd75918cbd1626d516558da453fa61e8
12. Рейтинг ИКТ-затрат регионов РФ 2017. Cnews. <https://www.cnews.ru/tables/347dc6ce0d686b620574eee769764ec2fe4ec47a>
13. Рейтинг ИКТ-затрат регионов РФ 2018. Cnews. https://www.cnews.ru/reviews/ikt_v_gossektore_2018/review_table/51f0c3a142942b8ba6e41e9fe1710c018a3961f6

The Impact of the Digital Divide on the Efficiency of Regional Innovation Systems: The Case of the Russian Federation (continued study)

Matasov Andrey Mikhailovich

Master student,

Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl, Russian Federation.

E-mail: matasovam.18@edu.ystu.ru

Shkiotov Sergei Vladimirovich

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,

Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl, Russian Federation.

E-mail: shkiotov@yandex.ru

Markin Maksim Igorevich

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,

Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl, Russian Federation.

E-mail: markinmi@ystu.ru

Annotation. The relevance of the study is due to the fact that the socio-economic inequality of the constituent entities of the Russian Federation also generates digital inequality – the costs of regional budgets for the development of ICT differ significantly, as well as the very effectiveness of these costs. The purpose of the study is to assess the impact of the digital divide on the effectiveness of regional innovation systems. The paper examines the relationship between the amount of regional budget expenditures on ICT, the development of ICT at the regional level, and the share of products of high-tech and knowledge-intensive industries in the GRP of the constituent entities of the Russian Federation. Correlation analysis was used to test the hypothesis put forward in the work. As a result of the study, the hypothesis put forward in the work did not find its confirmation according to the data characterizing the Russian economy in a five-year time interval.

Keywords: ICT, innovative activity, innovations, correlation analysis, regional innovation systems, digital divide, subjects of the Russian Federation

Что-то прекрасное заканчивается...

Ладислав Жак

кандидат экономических наук,

г. Прага, Республика Чехия

E-mail: zaking@volny.cz

Аннотация. Работа представляет собой изложение доклада, с которым автор выступил в 2022 году на научной конференции в Самарском государственном экономическом университете. Посвящена проблеме безопасности организаций в «рыночной» экономике с социально-экономической точки зрения. Определяется исторический контекст, в котором находится эта экономика. Отвергая категории «постиндустриализм» и «постмодернизм» как не отражающие сути современных трансформаций, автор доказывает: «что-то прекрасное заканчивается» с периодом десяти тысячелетий, когда основой благосостояния мелких и крупных компаний были люди, осевшие в одном месте и преобразовывавшие имеющиеся там природные ресурсы в потребительные стоимости. Характеризуя с этих позиций факторы опасности для организаций и отдельных людей, автор предлагает 10 рекомендаций, чего не следует делать в этих условиях для обеспечения безопасности.

Ключевые слова: проблема безопасности организаций в современной экономике; заканчивается что-то прекрасное с концом десяти тысячелетнего периода; факторы опасности для организаций в современной экономике; рекомендации по обеспечению безопасности..

JEL codes: A 13; A 14; B 40; B 41

В 2012 году я выступил на конференции в Самаре с докладом, в котором была представлена значительная часть результатов моей диссертации, которую я должен был защищать вскоре после этого в Москве. Сейчас прошло более десяти лет, и я предлагаю читателям оценить, насколько мои тогдашние идеи подтвердились последующими событиями и насколько я ошибался...

Маленькая заметка-после моего выступления мы торжественно назвали аудиторию Аудиторией Егора Т. Гайдара...

Уважаемые дамы и господа

прежде всего, разрешите поблагодарить Вас за предоставленную мне возможность выступить на этой Конференции, перед так уважаемой аудиторией, по случаю двадцатой годовщины основания Высшей школы права и предпринимательства, выпускником которой я имею честь являться. Особенно хотелось бы подчеркнуть, что, учитывая серьезные социальные изменения, происшедшие в Восточной и Центральной Европе в течение истекшей почти четверти века, мы можем отметить здесь не только двадцатилетие чисто предпринимательских субъектов, но и двадцатую годовщину организаций, имеющих своей целью не одну лишь прибыль.

Темой моего выступления являются вопросы формирования безопасности организаций в рыночной экономике с социально-экономической точки зрения. Позвольте мне коротко остановиться, прежде всего, на основной проблеме, которую я считаю необходимым выяснить. Речь идет об определении места, в котором именно сейчас мы находимся, то есть в каком историческом контексте находится та рыночная экономика, в которой мы должны заниматься формированием безопасности организаций?!? Мы много слышим о постиндустриальном этапе, иные авторитеты рассуждают о постмодерне. Говорят, они это с легким сердцем, потому что не объясняют нам уже ни того, что такое индустриальный этап, ни того, что такое модерна. Я глубоко убежден, что этого совершенно недостаточно, что такие «пост описания» не проникают в сущность огромных изменений, которые мы переживаем. Позвольте мне, цитируя чешского поэта, лауреата Нобелевской премии по литературе, Ярослава Сайферта, высказать тезис о том, что «что-то прекрасное заканчивается» и что это «что-то» – это неолитический период или ранний каменный век. Заканчивается период десяти тысячелетий, когда основой благосостояния мелких и крупных компаний были люди, осевшие в одном месте и преобразовывавшие имеющиеся там природные ресурсы в потребительные стоимости. Это было

сутью неолитической революции, которая сделала возможным развитие сельского хозяйства, постепенное накопление богатства и вследствие этого также развитие человеческой культуры, а в ее рамках не только религии, но также науки и техники. Сегодня, все большие группы людей начинают передвигаться и искать свое место в мире. Более половины человечества не имеет постоянного места жительства и живет на менее трех долларов США в день. Жизнь глобальных и национальных элит также полностью отделена от конкретного места и эти люди в полной мере испытывают на себе пространство. Для них не существует никакого сегодня, вчера и завтра. Для них есть только везде и сейчас. Это охотники и собиратели, а зачастую и грабители, которые идут по миру и никогда не задерживаются так долго, чтобы могли заметить или даже ощутить на себе отрицательные последствия своего налета. Мы должны отметить, что существует еще третья группа кочевников и это кочевники виртуального мира или киберпространства. Хотим-ли мы или нет, это виртуальное пространство каким-то способом затрагивает большинство из нас и также большинство из нас в нем каким-то способом существует и может посредничеством умного киберкочевника с ноутбуком эти атрибуты своего существования легко и почти незаметно потерять. Можно так человеку украсть не только деньги, но дословно и его идентичность, причем «киберкочевник» не должен подняться из дивана.

Мы должны этот факт осознать и научиться с ним работать, если хотим говорить о формировании безопасности чего угодно и кого угодно. Ни одна старая парадигма не действительна, поскольку как бедные, так и богатые кочевники имеют свою мораль, которая абсолютно выходит за рамки того, что мы когда-либо прожили или читали. С точки зрения оседлых обществ кочевники всегда были чем-то неполноценным, но сегодня кочевники начинают этими оседлыми обществами овладевать. Если мы не хотим стать жертвами бедных и отчаянных или рабами богатых и злонамеренных, мы должны попытаться найти качественно новые исходные точки. Хотя историческая правда находится на стороне тех, кто создает стоимости, возможно даже, что на их стороне также право и прошедшие столетия, как поется в одной песне, но это современным группам кочевников все равно.

Я хочу остановиться на важном понятии, каким является право и права. Мы живем в цивилизации прав. Точно так же, как на заре неолита в родовой цивилизации долгое время основной цивилизационной парадигмой было выражение «Я есть», которое в цивилизации материальной постепенно преобразовалось в выражение «У меня есть», то последний период информационно-правовой цивилизации все больше характеризуется изречением «У меня есть право». Это отраднo, поскольку отзвук вопроса о человеческих и гражданских правах слышно на этой планете уже несколько сотен лет, но после достижения определенного уровня начинают появляться серьезные проблемы. Суть их состоит в том, что за изречением «Я есть» и «У меня есть» мы видим результат огромных личных усилий, личного участия и ответственности, в то время как право мы можем получить каким-то непонятным, неуловимым и отдаленным политическим актом без того, чтобы каким-либо образом мы принимали в этом участие. Более того, права продолжают существовать безотносительно к тому, чтобы мы каким-то образом вложили свой вклад в их обновление. Ко всему еще права полностью освободили нас от обязанностей, с которыми ранее они составляли неотъемлемое единство. С точки зрения нашей безопасности это имеет хотя и тривиальные, но зато фатальные последствия. Позвольте мне привести пример. Несомненно, замечательно, если нам принадлежало право преимущественного проезда, но тот, кто его нарушил, был, к сожалению, более энергичен. Прекрасно также, если кто-то когда-то от нашего имени выиграет суд и, может быть, виновник даже получит наказание, если он, конечно, не уедет неизвестно куда, но мы сами будем давно уже мертвы. Это очень просто, неотвратимо, сурово и реально. Мы видим это каждый день.

Проблема формирования безопасности в цивилизационной парадигме, покоящейся на правах отдельного человека, предполагает взаимозависимость этих лиц, в то время как предыдущие парадигмы, основывались на односторонней зависимости или, наоборот, на индивидуальной свободе. Если мы не понимаем своих прав в контексте своих обязанностей по отношению к другим лицам,

то эта парадигма взаимной зависимости становится опасной карикатурой на самое себя и быстро раскладывает общество или на отдельных индивидов, неспособных выжить, или на стадо, зависимое от чужой власти. Обширная собственность различных прав с необходимостью вызывает тенденцию к их смене, причем, прежде всего на всевозможные материальные и финансовые блага. Проблема в том, что это также наилучший способ, как таких прав лишиться, причем абсолютно законным образом. Еще не прошло полвека с проведения первой современной опционной биржи, а сегодня мы видим, что продать можно практически все, потому что все больше и больше нематериальных благ, то есть прав удается успешно оценить, то есть поставить против них определенную сумму денег, которая затем позволяет легко сменить их на что-либо иное. Это естественно ведет, к массивной задолженности тех, которые не имеют ничего, кроме своих прав и превращает их в недееспособных индивидов, всецело зависящих от своих кредиторов. Речь идет отнюдь не только о бедных. Большинство так называемого среднего класса на Западе имеет ипотеки и всевозможные иные виды займов и кредитов. Это при принятии решений в общественных делах превращает их в несвободных граждан, которые ведут себя так, чтобы у них была возможность продолжать погашать свои долги. Следовательно, лидерами так называемых «свободных демократических выборов» являются не политические партии и их программы, а кредиторы большинства населения и система, которая держит людей в кабале кредитов. Современные государства не нуждаются в широком охранном и репрессивном аппарате, который бы удерживал население в состоянии покоя. Вполне достаточно того, что ему угрожает социальный коллапс, как следствие непогашенных займов. Принятие законов и правил парламентами якобы суверенных государств под диктатом экономических элит превратилось в самый доходный бизнес современности. Небольшая перестановка слов сделает из вора честного торговца, а из террориста героического партизана. Поправки к закону делают недействительными действующие контракты и соглашения. Это такой уровень контроля реальности властью, которому трудно сопротивляться. Не зря, более двух веков назад Александр Гамильтон написал в «Письмах федералистам», что принятие решений в общественных делах нельзя вверять в руки людей несвободных и неимущих, то есть тех, которым при этом нечего терять. Такие люди при принятии решений безответственны и манипулируемы теми, которые предложат им буквально крошки с господского стола.

Позволю себе также обратить внимание на одну весьма обманчивую иллюзию, которая запрограммирована в наше мышление. Иллюзия заключается в том, что в рынке мы действуем как свободные люди, свободные индивидуумы и организации. Большинство современных экономистов выросло на учебниках Паула Самуэльсона, который на многих страницах доказывает тривиальные материальные отношения, но оставляет без каких-либо комментариев ключевую предпосылку, что люди вступают в эти отношения свободными. Модель, которую я сегодня представляю, ясно указывает на то, какие мы есть разные и как мало среди нас хотя бы немного свободных. Наши действия, в основном, совершенно не свободны, потому что сильно ограничены не только нашими собственными внутренними границами, но и теми снаружи, которые имеют власть. Модель позволяет заниматься властью и ее разделением, также, как и любым другим объектом. Она ясно показывает группы вокруг нас, которые господствуют и над какими господствуют, также, как и группы, которые занимаются распределением и перераспределением власти.

Уважаемые дамы и господа, теперь попробуем ответить на вопрос, существует ли инструмент, при помощи которого мы бы могли все эти факты увидеть и осознать их раньше, чем они обрушатся на нас с разрушительной силой. Позвольте мне попытаться сделать это. Основным понятием этой попытки создания системной модели будет понятие «среда». Среда мы будем определять, как всё, составной частью которого мы являемся, включая нас самих. Речь идет об упорядочении неравновесия в пространстве и времени, а из этого следует, что среда имеет тройное содержание: пространственно-временное, энергетическое и информационное. Эти содержания находятся между полярностями времени, пространства, энергии, материи, хаоса и информации. Эти полярности можно классифицировать в соответствии с типом среды по-разному. Одним из наиболее простых

вариантов, является разделение на внешнюю и внутреннюю, активную и пассивную, известную и неизвестную.

Организацией в этом случае мы назовем явление, которое разделяет среду на две части, выступающие по отношению друг к другу как внешнее и внутреннее. Организация в экономическом смысле этого слова - это орудие для удовлетворения потребностей как базовых, необходимых для выживания или существования, так и производных, необходимых для удовлетворения желаний. Организации в экономическом смысле этого слова являются чаще всего корпорациями, которые несут личностный субстрат. Их основой, также как основой их безопасности, является доверие между личностями, которые ее образуют, так же как доверие к личностям в ее внешней среде. Систему таких отношений, которые несут в себе меньший или больший объем доверия, мы можем с преувеличением назвать социальным капиталом, но по существу речь идет ни о чем ином, как об обыкновенном доверии между людьми, которое является основным носителем каждого человеческого сообщества и лежит также в основе институциональной доверия. Модель указывает нам также на то, что личностная среда каждой организации образуется ее «стейкхолдерами» (stakeholders), то есть лицами, интересы которых каким-то образом затрагиваются организацией. Среди них мы можем найти группу «шерхолдеров» (shareholders), то есть тех, кто владеет организацией. Можно привести еще одно расчленение с точки зрения формирования безопасности организации. Речь идет о том, имеет ли эта организация специальное предназначение или является естественной. Несмотря на всю свою сложность, организация, за исключением указанного ниже, является всего лишь инструментом для продвижения определенной мысли, идеи или смысла, а это, как правило, находится вне его самого, точно так же, как вне его находится, как правило, тот человек, который его контролирует и интерес которого при помощи этой организации продвигается в среде. Такие организации, а их подавляющее большинство, мы будем называть организациями специального назначения. Как смысл организации, ключевой интерес, так и его носитель – это составные части иного уровня логического типа, чем сама организация. Поэтому сохранять организацию имеет смысл только в том случае, если она служит этому интересу, а любое сожаление о традиции ее существования вредит среде, в которой нефункциональная организация или институт, существующие сами по себе, могут вызывать большие проблемы и наносить значительный ущерб своей среде. Наглядным примером отличной организации, назначение и смысл которой находится за ее пределами, является судьба воинских подразделений от подразделения до армии. Нам также известны трагические следствия для общества, когда армия превращается в «вещь в себе». На этом следует остановиться более подробно, чтобы описать весьма важные исключения, которые мы будем называть естественными организациями. Главное в их определении это то, что они происходят из равноправной воли своих основателей и функционируют на основе взаимно согласованных ими принципов без определяющего внешнего влияния. Но именно естественные организации подвержены значительным ограничениям, которые, как правило, включены в понятие «культурные универсалии».

Безопасность в этом контексте – это понятие, обозначающее свойство определенной среды, ее части или элемента (лица, явления, процесса или вещи), которое отражает степень его (их) способности не вредить своей среде, включая самое себя. Среду мы обозначим поврежденной, если любая из ее частей лишена возможности своего дальнейшего существования, если вводятся ограничения или препятствия для осуществления ею полезной деятельности. Степень способности части среды не наносить ущерба своей среде находится на шкале между состояниями безопасности и опасности. Безопасность в экономике, как в среде экономической практики является, таким образом, мерой того, как эта практика способна предотвратить не только прямой экономический ущерб, но также целый ряд внешних факторов, расходы которых покрываются другими средами и их компонентами. Главное место среди внешних факторов занимают так называемые «рыночные пузыри», которые являются по существу ничем иным, как чрезмерным накоплением определенных материальных или нематериальных благ и финансовых средств. Категория безопасности в экономической науке

является, таким образом, понятием, без которого нельзя обойтись при определении фактической производительности экономической практики.

Если мы образуем тройную комбинацию полярностей среды, то получим кубическую модель, которая состоит из восьми октантов, каждый из которых представляет, как раз одну тройку. Кроме того, любой из октантов может восприниматься как самостоятельная среда более низкого уровня, а каждая модель среды может быть одним из октантов среды более высокого порядка. Это явление называют «себеподобием», а такое образование, которое представляет наша модель, мы можем, сославшись на Б. Мандельброта, назвать фракталом. Модель среды имеет целый ряд вариантов, может быть в различной степени сложным, но имеет одно важное свойство. Сочетание свойств в среде необходимо существует, а неравновесия в ней действуют, причем безотносительно к тому, умеем ли мы их найти, правильно описать или даже управлять ими. Речь идет о системе, подобной той, какую представляет собой знаменитая таблица Д. И. Менделеева, которая имела свободные места, которые постепенно заполнялись. Как периодическая система элементов она по-прежнему действительна, хотя современное познание мира элементарных частиц гораздо более подробно, и мы, несомненно, могли бы найти и другие способы их упорядочения.

Важно ответить на вопрос, посредством чего мы воспринимаем нашу среду. Практический опыт, также как научное познание свидетельствуют о том, что свою среду мы воспринимаем через ее собственные изменения, причем в той степени, в какой мы в состоянии их уловить. Изменения – это реализованные неравновесия и потенциалы, из которых среда устроена. Их мы можем за конкретными изменениями подозревать, но для нас проблематично их конкретно описать, точно так же, как проблематично по луже воды определить вид куска льда, при таянии которого вода появилась. Кстати, обратно это сделать гораздо проще. Таким образом, мы довольно ограничены на пути к познанию сущности явлений, которые воспринимаем, а тем самым и к познанию сущности мира, в котором живем. То, что из него мы воспринимаем, – это упорядочение изменений среды. Далеко не все ее изменения в каждой ее точке имеют между собой какие-то логические или причинные связи, найти которые мы так стремимся и которые являются целью нашего научного изучения. Часто во всей такой среде изменений мы найдем лишь несколько траекторий точек, которые, образно сказать, отвечают конкретной шахматной партии в среде всех возможных игровых ходов и позиций. Такую среду описал более пятидесяти лет назад Анри Пуанкаре, а называем мы ее фазовой средой.

На этом месте я разрешу себе образное сравнение. Сегодня существует большой спрос на карты, которые хотим иметь в руках, когда идем в неизвестность. При этом мы забываем две вещи: карта – это не местность и довольно спорно, может ли существовать карта неизвестного. Несмотря на это, значительная часть из нас уверена, что лучше идти по Сибири с картой Украины, чем без карты, поскольку какая-нибудь карта должна быть лучше, чем никакая. А именно это заблуждение делает из проблематики безопасности прибыльный и опасный бизнес.

В контексте нашей современной темы формирования безопасности организаций для нас важно то, что модель содержит октанты, где встречаются энергия и хаос, пусть уж они находятся где угодно. Они находятся здесь, и их существование мы должны принять и научиться жить с ними. Пусть это будет для нас предостережением о том, что если мы будем применять модель к человеческому индивиду, то необходимо будет также признать, что в каждом из нас есть часть такой среды, в которой встречаются хаос и энергия, и быть осторожными, когда эта часть нашего «Я» нас попытается контролировать. Это может быть, как нашей темной, как и светлой стороной. Проблема, однако, заключается в том, что с ними трудно справиться. Что касается нашей нынешней социальной и экономической жизни, то мы отчетливо видим, что с силами, действующими в этих октантах, мы не справились. Отчасти также потому, что пытались приложить к ним инструменты, которые мы вынесли из мира, в котором господствует определенный порядок, действуют статистические методы и количество вероятностей, в частности кривая Гаусса. Но это не мир Гаусса, это мир Мандельброта, мир нелинейный, фрактальный с огромным и неожиданным неравновесием. В мире Гаусса есть

прошлое и будущее, в нем можно во многих случаях предвидеть будущее развитие с высокой вероятностью. В мире Мандельброта есть в принципе только то, что мы можем называть самым близким будущим, то есть пространство, которое открывается и которое тотчас же заполняется реальностью. В социальном и экономическом контексте мы являемся свидетелями такого поведения в случае интересов, потребностей и, в частности, желаний, которые без устали заполняют каждое пространство, которое открывается перед ними, независимо от того, будут ли они в нем успешными или нет.

Позвольте мне привести небольшой пример функционирования модели для среды интересов. В каждой организации существует среда, в которой находится контролирующий и контролируемый интерес, а также среда, где расположено распределение и перераспределение контролируемого интереса. Очевидно, что если перераспределение контролируемого интереса попадает в среду октанта, где встречается хаос и энергию, то можно в скором будущем ожидать существенных изменений. Снова обращаю внимание на то, что это сочетание полярностей необходимо существует как по отношению к внутренней организации, так и внешней. Этой средой нельзя управлять, но мы можем надлежащим образом ее изолировать или компенсировать. На практике это означает, что мы не будем пытаться всю систему, которую наша модель представляет, каким-то образом оптимизировать, при помощи некоего золотого среднего пути, который будет соответствовать кривой, рассчитанной на основе самых современных математических методов. Это означает, что мы будем существовать одновременно в полярностях, поэтому из них мы создадим что-то вроде гантели, которая позволит нам лучше поддерживать динамическое равновесие нашей среды.

Здесь выходит на сцену большая проблема формирования безопасности организации, а тем самым и вопрос нашего действительного познания по отношению к среде. Прежде всего, позвольте мне высказать тезис о том, что то, под чем мы в настоящее время буквально погребены, это не информация, а лишь данные. Это зашло так далеко, что у нас уже есть профессия, которая называется «datamining», то есть, горное дело данных, которое имеет своей целью найти в тоннах пустой породы данных залегающую применимую информацию. Но информация - это далеко еще не знания, а от них нужно пройти долгий путь к познанию, которое, однако, еще не мудрость, за которой только следует смирение. В этом своем выступлении я бы хотел подчеркнуть другую шкалу с точки зрения безопасности. Я имею в виду шкалу того, что действительно существует, того, что мы об этом действительно знаем и того, что думаем, что знаем. Наиболее опасной очередностью в этой последовательности является именно та очередность, когда то, что мы думаем, что знаем, выходит за рамки того, что мы действительно знаем. Я назвал бы это очень опасной эпистемической гордостью. Наоборот, если то, что мы считаем, что мы знаем, находится между тем, что есть в действительности и тем, что мы действительно знаем, я бы говорил о безопасной эпистемической скромности.

Возможно, вы спросите, почему именно это с точки зрения формирования безопасности столь важно. Если согласиться, что где-то существует в принципе неисчерпаемый источник социального и экономического развития, то он находится именно в области человеческого и общественного познания. Ответственность научного сообщества в этом смысле огромна и оказывается, что не только ошибка в области ядерной физики и техники, но и ошибки в других науках могут уничтожить наш мир. Экономия как наука занимает среди этих наук первое место. Ее ответственность огромна и никогда в истории не была и не будет больше. Каждое из ее настоящих утверждений порождает большие надежды, а ошибка имеет своим следствием большие людские и социальные трагедии. Достаточно упомянуть лишь об опасных взглядах на предсказуемость поведения опционных рынков, на ипотеки, как виде социального страхования или постоянные заверения о власти и автономном поведении рынков. Рынки были, есть и останутся ограниченными пространствами с богатой структурой правил, которые в них вносились, вносятся и будут вноситься извне теми, кто контролирует рынки. Свободный глобальный рынок в абсолютном понимании смысла этого слова является чистым нонсенсом.

Позволю себе упомянуть ещё одно важное достоинство этой кубической модели. Её результатом не является какая-либо цифра и вообще цифры не используются. Таким образом мы ограждены от нашей одержимости точными цифрами, полученными от неточных данных. Мы, люди, любим простые и красивые математические отношения и верим тому, что чем они проще и красивее, тем больше вещей они могут охватить. Это неверно, потому что везде там, где в эти отношения входит человек и будущее, правдоподобность ошибок возрастает в разы и даже многократно. Это модель никогда не сообщит, что безопасность составляет, например, 3,98877665 или как тот компьютер в известной книге сообщил, что смысл всего есть просто 42. Мы позволяем скорее цифрам манипулировать нами, чем понять, как они возникают, что касается даже и некоторых из нас, кто это понимает. Представление, что то, что на одну десятую больше, автоматически лучше и тогда, когда статистическая погрешность составляет 10, является опасной победой манипуляции над здравым смыслом.

Данная модель является определённой формой, которая заставляет нас задуматься, как ее правильно наполнить, как найти как можно объектов для изучения, которые отвечают комбинациям собственности в отдельных октантах. Это несколько напоминает форму английского сонета, который заставляет поэта подстроиться под все его обязательные части. Форма сонета сложная, но очень воодушевляющая. При существующих приложениях и данная форма модели оказалась вдохновляющей, и я только могу высказать скромное пожелание, чтобы так было и дальше.

На марже моделей, которые имеют как результат простую формулу, образец и число, позволю себе сделать небольшое примечание. Прошло сто лет с тех пор, как тяжелый удар получила техническая спесь Запада и непотопляемый Титаник утонул, хотя тогдашние технические элиты утверждали, что это невозможно, а, другими словами, что вес Титаника никогда не может быть больше веса жидкости, которую он вытесняет. Это в принципе такая же глупость, как и то, что рынки стремятся к равновесию ...

Тогда этому один неизвестный идиот не поверил и купил несколько сотен таких свистулек. Есть свидетельства тому, что его высмеивали, а пиццалки ему не оплатили из-за того, что это были излишние затраты. Эти копеечные куски жести, в конце концов, спасли в темноте и холоде больше людей, чем весь Титаник, который естественно не имел никакой защитной системы, потому что он не мог утонуть.

Модели, которые нам навязывает финансовый мир и его знаменитые институты, намного опаснее модели односторонней неровности закона Архимеда. Титаник погубил почти две тысячи людей, которые оплатили поездку и верили в непотопляемость корабля, а финансовые модели превращают в нищих миллионы людей, которые не купили билет, однако имеют беду, что живут в стране, которой руководят те, кто хочет наполнить свои карманы миллиардами. Правдой есть и то, эти обнищавшие люди ответственны за то, что они выбрали руководить ими таких воров.

В заключение, уважаемые дамы и господа, позвольте мне высказать в духе указанной выше эпистемической скромности несколько идей, которые не являются ответом на традиционный вопрос о том, что делать, а скорее на его дополнение, то есть чего не делать.

Во-первых: нельзя допускать чрезмерного роста всего нестабильного, непрочного и хрупкого, оно должно упасть, пока еще мало.

Вообще, какие угодно субъекты не должны были бы, благодаря нашему равнодушию или даже при нашем активном содействии вырасти настолько, чтобы мы начали бояться их падения. Глобализация и развитие в экономической области способствует наибольшему росту именно тех, кто несет наибольшее явных и скрытых рисков. Этот процесс увеличения большого одновременно подавляет разнообразие и уничтожает малое, даже если оно будет как угодно здоровым и жизнеспособным.

Во-вторых: нельзя верить власти над своей жизнью и судьбой снова людям, которые однажды или даже неоднократно имели сбои.

Понятно, что тот, кто потерпел аварию с автобусом, кто управлял в нетрезвом состоянии и с завязанными глазами, не должен получить новый автобус, чтобы снова мог убивать или калечить других людей. Но, тем не менее, мы верим, что люди, которые привели нас к большому экономическому кризису, могут нас из него снова вывести. Политики, чиновники, банкиры, ученые и журналисты, все они лицом к лицу к приближающемуся кризису смертельно сорвались. Теперь они снова интенсивно пропагандируют методы, которые привели нас к кризису (value at risk).

В-третьих: нельзя верить долгосрочного управления рискованных проектов людям, которые ориентируются на выработку или даже получают вознаграждение в соответствии краткосрочной производительностью.

Мы можем понять, что если корова должна выжить в долгосрочной перспективе, то ее хозяин не может быть вознагражден в соответствии с ежегодной удоиностью. Мы знаем также то, что машинам необходимо регулярное техническое обслуживание, что снижает их краткосрочную производительность. Некоторые из нас понимают даже то, что атомной электростанцией не может управлять команда, которая хочет получить как можно больше киловатт-часов, но лишь немногие готовы признать, что верить деньги в долговременное попечение тому, кто оплачивается в соответствии с тем, сколько на них заработает в краткосрочной перспективе, - это наилучший способ разориться.

В-четвертых: нельзя допускать систематической приватизации прибылей и социализации убытков.

Любая частная собственность, требующая очистки, причем, если это социально необходимо, должна быть немедленно национализирована. Всё остальное пусть будет небольшим, частным и подверженным риску. Некоторые из нас помнят, как в 80-е годы правящие социалисты во Франции взяли на себя руководство банками. Все мы, однако, помним, как в Европе и США банкиры приняли на себя руководство государством. Современное развитие содержит в себе самое плохое от обеих политических карикатур реальности, то есть реального социализма и капитализма.

В-пятых: нельзя пытаться безуспешно оптимизировать сложные комплексные явления, нужно компенсировать их простотой.

Комплексность и пределы глобальных экономических и финансовых связей, создают сами по себе опасные рычажные эффекты, суть которых состоит в требовании наибольшей эффективности. Это в сочетании с масштабной задолженностью имеет масштабные и непредсказуемые неравновесия. В результате получается больше отрицательных, чем положительных эффектов, а отрицательные эффекты являются разрушительными для больших групп населения и их организаций. Положительные эффекты, наоборот, касаются узкой группы людей. Тем не менее, действительно то, что комплексные системы, не выживают не потому, что они оптимизированы в соответствии с моделями, представленными специалистами, в том числе лауреатами Нобелевской премии (Блэк, Шоулз и Мертон), а потому, что содержат резервы и избыточности, которых мы из-за их сложности попросту не замечаем. Этим процессам можно противопоставить структуру простых, местных операций, которые являются не только альтернативой, но прежде всего противовесом, вносящим вклад в общее динамическое равновесие.

В-шестых: нельзя занимать задолженным.

Мы понимаем, что новые наркотики наркомана никак не вылечат, а только убьют, но по неизвестным причинам думаем, что задолженному субъекту помогут новые кредиты, а государству - печатание денег.

В-седьмых: нельзя использовать финансовые рынки и рынки вообще как хранилище для своих активов.

Мы должны заботиться скорее о результатах своего бизнеса, который должны иметь под контролем, а не испытывать опасения об инвестициях на рынках, которые контролировать не можем. Значительную часть своих запасов и резервов лучше всего «дефинанциализировать» и

материализовать. Чем вкладывать их в комплексную среду рыночных активов, скорее будет лучше их от рыночной среды изолировать. Инвестирование должно быть скорее развлечением состоятельных людей, чем кошмаром большинства. Вложение государственных резервов и пенсионных средств в ценные бумаги должно быть запрещено.

В-восьмых: нельзя обновлять действительного доверия там, где его невозможно даже создать.

В сложных комплексных средах нельзя достичь не только отдельного человеческого взаимодоверия, которое эволюционно ограничено максимальным числом связей около ста, но в такой среде нельзя достичь даже институционального доверия. Доверие в такой среде подпитывает такие типы мошенничества, которые можно назвать схемами Ponzi (самолет), из которых самым известным была империя Бернара Медоффа. Правительствам не следует призывать к восстановлению доверия, его нужно создавать, посредством простых и понятных шагов, везде, где это действительно возможно. Призыв правительства к восстановлению доверия к финансовым рынкам в их комплексе – это бесполезное дело и обман граждан.

В-девятых: нельзя верить взрывчатые вещества, яды и потребительские кредиты в руки людям, даже если к ним прилагаются подробные инструкции на многих языках.

Правила и законы нас должны защищать, прежде всего, от нас самих. Утверждение, что мы управляем средой комплексных финансовых продуктов, что мы являемся осведомленными партнерами их продавцов – это чисто господская гордыня. Не секрет, что сами банкиры не знают, что продают. Они хотят лишь получить вознаграждение от результатов и объема продаж, а вину валят на клиентов.

В-десятых: нельзя плакать над разбитыми яйцами и разлитым молоком, нужно попытайтесь сделать хоть немного съедобный омлет.

Воспользуемся возможностями, которые кризис принес и постоянно приносит для того, чтобы создать новую, более безопасную экономику и более устойчивое к гордыне и ошибкам общество. Не нужно стремиться построить новый и еще больший «Титаник», лучше построить флот небольших современных надежных судов, которые удержат нас над водой и перевезут нас на многие места. Не надейтесь, что кто-то придет и сделает это за нас.

Уважаемые дамы и господа,

Позвольте мне закончить свое выступление утверждением, что мы сами являемся именно теми, которых ожидаем. После второй мировой войны Самюэль Беккет сочинил абсурдную драму «Ожидание Годо». В этой пьесе два человека с большой надеждой и почти святым почтением ожидают, что какой-то господин Годо придет и изменит их судьбу. Я видел эту пьесу несколько раз, но г-н Годо так ни разу и не пришел. Тем не менее, степень абсурдности этой пьесы не достигает абсурдности сегодняшней реальности, когда здоровые, способные и образованные люди ждут пришествия Спасителя, не осознавая того, что только сами они могут спасти себя.

Поэтому я с большим уважением отношусь к людям, которые не смотрят пассивно вокруг себя, не прогнозируют будущего точными методами из неточных данных и не предвещают приближающегося спасения или катастрофы за горизонтом. Я уважаю людей, которые выступают с открытым лицом и вносят конкретные предложения для решения проблем, даже если они хорошо знают, что им тоже не дано абсолютной истины. Образно говоря вместе с Борисом Полевым и его «Судьбой человека», они не легли на дно судна и не ждут, куда их прибьют волны и течения, но гребут, рулят и управляют своими судьбами, а вместе с этим также судьбами других. Поэтому позвольте мне с этого места именно сейчас, после долголетнего, более чем 18-летнего знакомства, сказать комплимент своему учителю, профессору Виталию Кошкину. Его работа в деле поиска решений для народа вашей страны является самым большим вкладом, заслуживающим справедливой оценки при чествовании его предстоящего жизненного юбилея.

Спасибо за внимание.